

327.2

И26

ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ

ХУАН МУНЬОС

Г

орячие
точки...

Олег ИГНАТЬЕВ
Хуан МУНЬОС

Репортажи, очерки, исследования
о том, как с оружием в руках
борются народы за свою свободу
и независимость.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1970

ЗНА
ИЗБ

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Не станем скрывать: перед тем как решиться на совместное написание этой книги, мы вели жаркие дискуссии и продолжительные дебаты о форме подачи материала и о его географии. Мы могли бы взять другие «горячие точки» нашей планеты — Анголу и Мозамбик, Гватемалу и Парагвай, но остановились именно на Вьетнаме и Лаосе, Гвинее (Бисау) и Боливии. Мы считаем, что имеем на это больше права, потому что сами были свидетелями вооруженной борьбы в этих четырех странах земного шара.

Методы борьбы многогранны, как сама жизнь, и невозможно дать единый рецепт для всего человечества. Методы борьбы вытекают из конкретной обстановки в каждой стране. Во Франции и Уругвае вспыхнули в 1968 году всеобщие забастовки, потому что в тот момент такая форма борьбы могла принести народу наибольший успех. В Венесуэле и Италии коммунисты активно готовились к выборам, призывая голосовать за истинных защитников интересов народа, потому что на выборах можно было отвоевать плацдарм у эксплуататорских классов. В Аргентине организация МАВЬЕТ собирала лекарства для Демократической Республики Вьетнам, и это тоже было одной из форм борьбы, это тоже явилось ударом по империализму. Тот, кто не использует всех возможностей, упрямо отказывается от какой-либо из форм борьбы, — тот вольно или невольно льет воду на вражескую мельницу,

облегчая действия врага. Разве не ясно, что неприятеля нужно бить на всех фронтах, применяя все оружие, которое есть в арсенале. Мы взялись рассказать вам об одной из многих форм борьбы народов за мир, свободу, национальную независимость, против империализма — о вооруженной борьбе в четырех странах на трех различных континентах.

Можно было бы ограничиться лишь рассказом об успехах вооруженной борьбы в различных странах, но мы уделили некоторое место и анализу неудачных выступлений, потому что замалчивание причин поражений создает угрозу возможного повторения старых ошибок. Революционная борьба в мире не может идти гладко и безболезненно. Многочисленные силы пытаются задержать ее развитие, затормозить, сбить с исторически правильного пути. Ультраправые смыкаются с «ультралевыми», и первые и вторые наносят вред революционному движению. Одни поддерживают авантюристическую политику Пентагона, разглагольствуют о «наведении идеологических мостов» между Востоком и Западом, другие занимаются политической эксгумацией троцкизма; пытаются произвести революцию в революции, протаскивая в пролетарскую среду мелкобуржуазные идеи, давным-давно отвергнутые самой жизнью; вертят над головой заштопанное знаменем анархизма. Естественно, им удастся нанести кое-какой вред мировому революционному движению. Об этом тоже пойдет речь в нашей книге.

Появление на мировой политической арене первого социалистического государства дало мощный толчок революционному движению. Без Советского Союза, без активной помощи страны победившего социализма были бы невозможны и успехи народов в борьбе против империалистов, колонизаторов и реакционеров всех мастей. Это непреложная истина. Вот почему значительную часть своих усилий антинародные силы направ-

ляют против политики СССР, стремятся исказить ее, оболгать, опорочить. Из многочисленных приемов дезинформации усердно используется лживая версия о том, что Советский Союз выступает против вооруженной борьбы народов. Мы старались показать всю абсурдность этого «тезиса». Почему во Вьетнаме и Лаосе терпит провалы вашингтонская политика? Почему в Гвинее (Бисау) салазаровцы теряют одну позицию за другой? Потому что там существуют партии, поднявшие народ на борьбу, потому что народы этих стран чувствуют поддержку социалистических государств и в первую очередь Советского Союза. Поддержку моральную и поддержку материальную: медикаментами и продовольствием, машинами и оружием. Об этом мы тоже рассказываем в своей книге.

*Олег Игнатьев,
Хуан Муньос*

ПЕРСИКОВОЕ ДЕРЕВО

ПЕРЕПРАВА

Мы провожаем товарища. В отпуск, в Москву. В его руках закутанный в целлофан букет гладиолусов и засунутый в авоську осколок американской ракеты — на память о вьетнамской земле и вьетнамском небе.

Сегодня почти совсем безветренно. И в здании аэропорта Залям довольно сносная температура. Но если на летном поле закрутит ветерок, то и внутри помещения скрыться от него трудно: во время одного из налетов все стекла в здании повышибало. Вставлять новые пока не было смысла, вот и приходится, прикидывая, придет или не придет самолет, стоять поживаясь. Как-никак январь. Наш приятель Владимир Петрович то и дело с беспокойством поглядывает на черное, без единой звездочки небо: даст погода приближающемуся самолету «добро» на посадку или не даст. Сядет — отлично! Тут каждая свежая весточка из дому — событие и праздник. Глядишь, прилетит кто-нибудь из знакомых и даже, может быть, догадается прихватить от жены письмецо. Подходящий случай для гадания на лепестках ромашки: прихватит — не прихватит. Но нет ромашек во Вьетнаме...

Редкий случай: самолет выдерживает на этот раз расписание. И вот вещи погружены, последние напутствия высказаны. Пассажиров приглашают в каби-

ну. «Птичка» вырывается на полосу, разбегается, поднимается, берет курс на север. А мы все стоим на поле и тихонечко машем, прощаясь с друзьями и посылая привет далекой-далекой родной земле. Потом садимся в машины и трогаемся в город. До центра его рукой подать в нормальное время: аэродром находится на одной из ханойских окраин. Поэтому и называется Залям, что расположен впритык к району Залям.

Залям. Помните, в газетных информациях о налетах американцев на Ханой фразы: «Враг сбросил бомбы на городской район Залям», «Разрушены жилые дома в Заляме», «Американские летчики бомбили густонаселенные кварталы Заляма. Среди жертв — много детей». Сейчас мы едем по Залямю к переправе. Дорога грунтовая, пыльная, свет фар будто купается в молоке. На поворотах луч скользит то вправо, то влево, на миг выхватывая или покосившийся заборчик, или несколько разлапистых бананов, или приоткрытую дверь домика и женщину с ребенком на пороге. От этой «главной магистрали» разбегаются улочки, переулки. И мерцают неяркие лампочки. Значит, и там живут люди, ханойцы района Залям. Это на их дома американцы сбрасывали взрывчатку. Это в их семьях у многих женщин воспаленные от слез глаза, потому что вы помните строчку из телеграммы: «Среди жертв — много детей».

Медленно движутся колонны груженых машин. Попутные и встречные. Объезжая свежие воронки от разорвавшихся сегодня днем бомб, переваливаясь через засыпанные ямы от сброшенных вчера и не снижая скорости над местами, где, говорят, позавчера невозможно было проехать.

Ночь. Время самого интенсивного движения на фронтовых дорогах.

Ночью не только спидометры отсчитывают несравненно больше километров, чем в дневное время. Вот, стараясь держаться ближе к обочине, семят в город крестьяне. Через плечо перекинута коромысло, и мелким шагом идти легче. Сколько пешеходов, столько и коромысел. На каждом конце коромысла по

корзине. Сквозь переплетения прутьев выпирают бока налитых соком луковиц. Корзины доверху набиты луком. Через несколько часов, утром, если не будет бомбежки, можно увидеть этих жителей пригорода Ханоя чинно восседающими на небольших базарчиках перед своим товаром.

Путь преграждает река. Зовут ее Красная река, но мне она кажется серебристо-черной. Может, потому, что чаще всего приходится переправляться через нее в темноте. Тогда она речка как речка и ничем не отличается от нашего Донца или, скажем, Вычегды. Только вместо городского моста наведена временная переправа. Чуть-чуть скрипят и покачиваются на своих якорях-крючках понтоны-поплавки. Здесь как когда повезет: или сразу проскочишь, или жди, пока пропустят встречный поток. На этот раз упираемся в конец длиннющей очереди. Правда, спешить особенно некуда, а на крайний случай поспать немножко можно и сидя в кабине. Красная река рядом. Тянет сыростью. Прохладно, даже лягушки не квакают. У всех машин фары потушены: зачем зря разряжать аккумуляторы? Шофер Кэт выпрыгивает на землю — размять затекшие ноги. У кого есть табачок — закуривают, с наслаждением затягиваются. На другой стороне — цепочки света на улицах и отдельные точки в окнах домов. Конечно, не море света, но все же есть. Как-то непривычно: война, фронтовой город, и без затемнения. Помните в наше время... Здесь поступают проще. В случае тревоги где-то в одном месте выключают рубильник. И все.

Тишина. Вдруг еле слышен всплеск впереди, слева. Наверное, резвится местная щука. Подходит знакомый советский специалист, его машина — за нашей. Тоже стоит, ожидая очереди. Облокачивается на крыло «газика», прислушивается к всплескам, шумно вздыхает. Раздувая ноздри, мечтательно произносит: «Гарная, мабудь, в Чорвонной рички рыбалка». Американцы столько разной гадости за последний год набросали, что дно, наверное, перепаханно взрывами не один раз. А рыба в Красной реке все же есть.

На этот же раз плещется не рыба. Склонившись почти к самой воде, лечат поврежденный понтон двое. Мелькает, чуть трепеща, язычок пламени «летучей мыши». По ряби приплясывают причудливые от света фонаря силуэты. Мужской и женский. Как в театре.

Наш черед подходит неожиданно быстро. Ощупывая скатами каждую доску, гуськом ползут машины по настилам понтонов. У самого берега — неподвижная остановка. Застряла шедшая впереди «Волга». Натужно кряхтит стальными шестеренками, судорожно дергаясь раз, другой, пытаюсь с места взобраться на кручу, куда выводит сухопутная часть понтонной дорожки. Потом, поняв безрассудность такого поведения, стыдливо пятится на плиты, ведущие к реке, и, обиженно взревев цилиндрами, докарабкивается до верха глиняной преграды. Там, вильнув задом, поспешно скрывается за поворотом, смущенно помигивая фарами. Кэт с легким пренебрежением говорит ей вслед: «Э-э, машина-мадама», — включает мотор, и «газик» лихо заползает на берег. Мне немножко обидно за «Волгу», но про себя принимаю благоразумное решение не начинать спора на автомобильные темы. К тому же отсутствует лингвистическая база для дискуссии: Кэт знает всего-навсего четырнадцать русских слов, а я вьетнамских — в два раза меньше.

Шофер настойчиво гудит, прося многочисленных велосипедистов уступить дорогу. Но так как велосипедистов легион (это в городе почти единственный вид транспорта), то они, чувствуя свою силу, не очень торопятся откликнуться на просьбу. Да и нам незачем мчаться. До корпункта рукой подать. Вон он, за углом.

Поднимаясь к себе на второй этаж, вспоминаю слова специалиста о рыбалке на Красной реке. Интересно все-таки, как рыба выдерживает удары от взрывных волн. Не может же она, в самом деле, прыгнуть к бомбежкам.

Высокий русский мужчина, облокотившись на конторку администратора хайфонской гостиницы «Катби», с интересом крутил, разглядывая, желто-голубой шар неизвестно зачем поставленного там глобуса. «Все же далековато, даже по прямой, от Хайфона до моего Серпухова», — произнес он по-русски и со вздохом поставил глобус на место.

— А вы что, сюда из Серпухова в командировку? Надолго?

— Нет, я плаваю на «Ромен Роллане». Привезли грузы для Вьетнама. Скоро опять в путь-дорогу. В Серпухов на нашем красавце не пройдешь. В Одессу — другое дело, но в этот раз, наверно, и в Одессу не заскочим. Конечно, нашим одесситам обидно — у нас и капитан Евгений Семенович Бугарь тоже одессит, но такова судьба морская.

Моряк простился и зашагал в сторону порта, из ворот которого двигались грузовики, тяжело груженные контейнерами и ящиками. По их маркировкам можно было с успехом изучать географию если не всех стран социалистического лагеря, то по крайней мере Советского Союза.

Хайфон. Хайфонский порт. У причалов сплошной стеной высятся борта судов. Рядышком три советских: «Невер», «Ромен Роллан» и объект одной американской провокации «Переславль-Залесский». Вокруг шныряют баркасы и джонки, слышатся гортанные крики грузчиков. Суровые лебедки со скрипом ворочают стрелки кранов, потрошащих трюмы. Обычная жизнь морского порта. Но присмотришься — и девушки-ополченки с винтовками в руках, лучи прожекторов, ощупывающих небо, обилие людей в защитной форме — все свидетельствует о суровом военном времени. Здесь проходит одна из линий фронта борьбы народа Вьетнама.

Атаки на город начались четыре года назад. Точнее, 26 марта 1965 года. С тех пор налет следовал за налетом. Только за 1967 год над городом 875 раз раз-

давались сигналы воздушной тревоги. В августе и сентябре 1966 года американское командование попыталось осуществить проект «Развернутой молнии». Так назывался план воздушного разбоя, план бомбежек пригородов Хайфона и портовых сооружений. В тот год защитники Хайфона сбили 45 самолетов американцев. Тогда на смену «Развернутой молнии» вступил в действие новый план Пентагона — «Огненное море». Такое образное название американцы присвоили серии бомбежек мостов, паромов и линий коммуникаций хайфонской провинции. Пиратские вакханалии длились всю вторую половину января 1967 года. Замысел провалился, а защитники Хайфона сбили 127 самолетов в 1967 году.

Я обошел жилые кварталы недалеко от центра Хайфона, только что подвергшиеся бомбардировкам. Пробирались по улице Фан Бой Тьау, которой уже не существовало. Была гигантская груда каменных обломков, исковерканного железа и битых стекол. Мы смотрели на развалины улицы Хоанг Ван Тху. Смотрели, потому что ополченцы не разрешали подходить близко к месту трагедии: еще не все бомбы замедленного действия взорвались. Молодой паренек с красной повязкой на рукаве уговаривал:

— Нельзя, товарищ. Опасно. И все равно там, кроме обломков, ничего нет.

— Но нам важно увидеть.

— Я могу вам рассказать, какая здесь была улица. Я родился на ней; та груда кирпича была моим домом.

Он произнес эти слова совсем, казалось, спокойным голосом, и только взгляд его был неотрывно устремлен на руины.

— Утром четвертого января, — начал свой рассказ юноша, — когда завывли сирены, мы пошли в бомбоубежище. Через несколько минут раздались сильные взрывы совсем рядом, и мы поняли, что бомбы упали на наш квартал. После отбоя все бросились к своим домам, но на их месте лежали одни развалины. Только мой дом чудом уцелел. В это время по радио объявили, чтобы все оставались в укрытиях,

так как американцы сбросили на квартал несколько бомб замедленного действия. Только успели мы вернуться в убежище, как послышался грохот. Мой дом тоже перестал существовать.

Так начался для хайфонцев 1968 год. Может быть, это начало попыток новой серии бомбардировок Хайфона. И кто знает, какое еще поэтическое название даст Пентагон следующим преступным актам. Можно лишь с уверенностью сказать, что третий план постиг судьбу двух предыдущих. Хайфон боролся, Хайфон продолжал самоотверженно трудиться.

В тот же день я побывал на дважды орденоносном хайфонском механическом заводе «Кинкэт», изготавливающем различные станки для предприятий провинции. Завод небольшой: около пятисот рабочих, инженеров и служащих. Почти пятая часть их — члены партии.

Инженер Данг Куи Хынг — один из них. Типичная для нового Вьетнама биография. В войне против французских колонизаторов не участвовал по молодости — еще не исполнилось и четырнадцать лет. Когда кончил школу, стал работать монтером на заводе. Паренек оказался смышленным, и администрация послала его учиться в институт. Получил диплом инженера и вернулся на свой завод. Вся судьба его связана с «Кинкэтом», с родным городом.

Хынг, как и все, непосредственно участвует в обороне Хайфона. Когда раздается сигнал воздушной тревоги, он надевает каску, берет автомат и бежит к месту сбора заводской роты ополчения. Во время всех 54 налетов, произведенных в 1967 году американской авиацией на район, где расположен завод, ополченцы стояли на своих боевых постах. Однажды сигнал тревоги застал Хынга далеко от завода, почти в центре города. Хынг прислонил к стенке ближайшего дома свой велосипед, спустился в подземный ход сообщения и стал пробираться к «Кинкэту». Он успел на свой пост еще до отбоя.

Здесь пора сказать несколько слов о замечательной системе защиты населения города от вражеских бомбардировок. Подземные ходы сообщений протя-

нулись на многие сотни километров. Они дополняют бесчисленное множество общественных и личных бомбоубежищ. Вот почему, хотя на город в 1967 году и сброшено более 6 тысяч бомб, хайфонцам удалось избежать больших человеческих жертв. Так, во время налета 4 января этого года, когда были снесены с лица земли два жилых квартала, уничтожен и поврежден 151 жилой дом, погибло лишь 10 человек и 10 получили ранения.

Военное командование США, совершая бомбежки Хайфона, преследовало четыре цели: установить блокаду хайфонского порта; вывести из строя все портовые сооружения; посеять панику и дезорганизовать население, совершая удары по густонаселенным кварталам города; перерезать и ликвидировать коммуникации, ведущие из Хайфона, и тем самым прервать поток грузов, идущих через порт для остальной территории ДРВ. Ни одна из этих целей ими не была достигнута. По океанским трассам шли и идут в Хайфон корабли с грузами для Вьетнама.

Хайфонские докеры трудились и трудятся круглые сутки, разгружая жизненно важные для Вьетнама грузы, и мощная противовоздушная оборона защищала портовые сооружения от пиратских налетов. Грузы из Хайфона шли и идут вереницей во все концы страны.

Приведу лишь один пример. Дорога № 5 Ханой — Хайфон проходит через много уездов. Не было и дня, чтобы здесь на каком-нибудь участке не рвались бомбы. Один из районов уезда, Намхай, за короткое время американцы бомбили 70 раз. Мне пришлось за неделю проезжать через Намхай четыре раза. «Газик» весь путь шел, не снижая скорости ниже 60 километров в час. Дорожные бригады восстанавливали поврежденные участки пути с фантастической быстротой. Пройдет время, и вьетнамским труженикам дорог будут посвящены песни и легенды.

Во время обсуждения программы осмотра Хайфона представитель администрации города сказал: «Может быть, завтра вы сможете присутствовать при уничтожении юбилейного американского самолета, —

и, как бы на случай непредвиденных трудностей в выполнении этого несколько необычного пункта журналистской программы, осторожно добавил: — Если завтра с утра установится хорошая погода и американцы вздумают совершить налеты на Хайфон». Заявление было оптимистичным, но в нем не было и тени хвастовства. США теряли очень большое количество самолетов. За последние месяцы 1967 года вьетнамские летчики выиграли все, я повторяю, все воздушные бои, и мощь противовоздушной обороны страны, в том числе и Хайфона, выросла колоссально. Зенитки, ракетные установки действуют отлично. Однажды дивизион № 73 одной ракетой сбил над Хайфоном сразу два американских самолета. К нашему приезду защитники города сбили уже 198 самолетов противника. До «юбилейного», до двухсотого, осталось совсем немного.

В тот день небо Хайфона затянула пелена облаков, и налетов не было. Мы уезжали из Хайфона под вечер. К скверу напротив отеля шла женщина, являющаяся на коромысле ведра с водой. С водой в городе туговато. Женщина подошла к клумбе, поставила свою ношу и стала аккуратно поливать цветы. Рядом, на шоссе грохотали тягачи, доверху груженные тяжелыми ящиками, катили на велосипедах рабочие ночных смен, в порту скрипели лебедки и лучи прожекторов металась в одно касание от звезды к звезде.

В Хайфоне шла обычная жизнь фронтального портового города.

*Хайфон.
6 января 1968 года*

ДИРЕКТОР ХОАН

едали крутились легко, усилий почти не требовалось. Справа и слева от Хоана тоже ехали велосипедисты. Рабочие в синих спецовках, служащие министерств, девушки-студентки, старухи с кошелками — многие сотни ханойцев. Раннее утро

обычного рабочего дня вьетнамской столицы. Прохладно. Хоан зябко поеживается и, чтобы согреться, прибавляет скорость. При каждом обороте колеса висящий сбоку портфель сползает, бьет по ноге. Хоан закидывает его за спину. В портфеле, кроме служебных записок, несколько аккуратных тетрадок с конспектами. За оставшиеся до экзамена дни их обязательно нужно как следует протудировать.

Легко рассуждать так, а ведь каждый день Нгуен Ван Хоана расписан по минутам. Нгуен Ван Хоан — директор. Директор Ханойского механического завода электротрансформаторов. 1400 человек рабочих, 75 техников, 25 инженеров. Напряженный план плюс условия военного времени. Вот что такое Ханойский трансформаторный завод. К тому же Хоан — заместитель секретаря парткома. Согласитесь, что в такой обстановке для штудирования институтских лекций остается не так уж много времени.

В пять часов утра директор подъезжает к проходной. Охранник с винтовкой за спиной улыбается ему. Хоан, как всегда, направляется в заводоуправление. Проходит мимо стендов с кубками и грамотами — наградами заводским спортсменам, мимо выстроившихся у входов в цехи бомбоубежищ, отбрасывает ногой с кирпичной дорожки оброненную кем-то бумажку. Ему знаком здесь каждый уголок, каждый станок большого и беспокойного хозяйства. Вот уже скоро пять лет, с момента рождения завода, судьба Хоана неразрывно связана с трансформаторным. И все пять лет — директором.

— Донг-ти* Хоан, — окликает его какая-то девушка, — звонили из МИДа. Просили вас принять иностранную делегацию. Приедут смотреть завод в девять часов.

Хоан кивает головой. Ничего не поделаешь. Хотя, считай, два часа потеряны. По правде сказать, лучше бы эти два часа потолковать с инженерами конструкторского: не за горами выпуск трансформатора в

* Донг-ти — товарищ (вьетн.).

35 тысяч киловольт-ампер — мечта всего коллектива. Хоан смотрит на циферблат. Можно еще успеть обойти цехи и переговорить по телефону с начальниками участков.

Шум токарных, фрезерных, сверлильных станков. Тоненькие девичьи фигурки, склонившиеся над деталями. Почти каждый станок окружен стенами кирпичных боксов — защита от осколков шариковых бомб. Американцы уже сбросили на завод 17 таких «подарочков». К счастью, обошлось без жертв. Нгуен Ван Хоан особенно внимательно присматривается к четким движениям токарей. Как-никак в прошлом — токарь. Правда, было это лет двадцать пять назад. И не здесь, а в Сайгоне. Тогда была война против японских оккупантов. Хоан был членом подпольной организации Сопротивления.

В генераторном цехе директор обычно наблюдает несколько минут за работой сборщиков, цепким взглядом осматривая выстроившиеся как на параде готовые генераторы. А как было трудно вначале. Первый генератор создавался в муках невероятных. Собрали, включили, а тока нет. Бились, бились, наконец заработал, а до нужной кондиции не дотягивает. Сутками не выходили из цеха. Сейчас те волнения позади. На смену им пришли другие. Но может быть, и работать было бы не так интересно при слишком-то спокойной жизни?

...Ритуал приема делегации традиционный. Кто-то еще от дирекции, месткома, молодежной организации, два человека от общественности. Разливают неизменный чай, предлагают гостям конфетки — ириски. Вторая обертка у ирисок прилипает, гости не могут развернуть и смущаются. Не знают: сделана бумажка из муки и тает во рту вместе с конфетой. Объяснили, смеются. Хоан ведет беседу. Неторопливо, обстоятельно. Вся история завода как на ладони — это кусочек его собственной жизни. Перечисляет факты. Что выпускали три, два, год назад. Инженеров не было, сейчас столько-то. В таком-то году перевыполнили план так-то, а сейчас на много дней раньше. Гости вежливо слушают, записывают. Хоан всегда

при таких беседах испытывает какое-то чувство неудовлетворенности. Слишком сухим, абстрактным кажется, должно быть, этот поток цифр для непосвященных. А посмотреть бы им, как давался каждый показатель! Познакомить бы их с Ву Си Дыком. Чудо, а не человек! Гнуть трубы для генератора штука нехитрая, а хлопот много. За день один мастер еле-еле успевал приготовить всего шесть таких труб. Дык прикидывал, примеривал и, наконец, придумал приспособление. Пять минут — и труба принимает нужную форму. Золотые руки у этого рабочего и голова мудрая! Познакомить бы гостей с Ву Си Дыком.

К сожалению, и товарищ Дык далеко, на другом участке, в противоположном конце города, и гости через полчаса прощаются. Потом вернутся домой, в свои страны и, может быть, упомянут в разговоре: «Вот были мы в Ханое на трансформаторном, на орденоносном. Здорово работают вьетнамские ребята!»

Гостей проводили до проходной. Прощаясь, сказал: «После войны приедете к нам во Вьетнам, езжайте в гости в мой родной город Хюэ». Посетители поблагодарили, а один из них пожелал, чтобы агрессоры из Южного Вьетнама были поскорее выгнаны и чтобы Вторая южнокорейская дивизия, что стоит в Хюэ, была оттуда вышвырнута.

Хоану приятно — все-таки, значит, слышали что-то о Хюэ. А если бы они видели, какая течет там прекрасная речка Хьонг, какие там замечательные горы Нгы! Мысли директора там, в родных местах. Вот кончится война, и он вернется в Хюэ строить такой же трансформаторный завод. На рисовых полях работают электрические насосы, и во всех домах будет по вечерам гореть электрический свет...

— Донг-ти Хоан, все собрались на совещание, — окликнул его начальник планового отдела. — И еще звонили из министерства насчет квартального плана.

Повседневные заботы снова окружили директора. Уже спустились сумерки над городом, ушла домой

дневная смена и приступила к работе вечерняя, а у него все дела. Срочные, не терпящие отлагательства. Только в десятом часу Хоан вывел свой велосипед за проходную и, не торопясь, двинулся к дому. Портфель опять сползает и бьет по ноге. Хоан впервые за день вспоминает про аккуратные тетрадки с конспектами. За оставшиеся до экзаменов дни их обязательно нужно еще раз проштудировать. Ведь для этого необходимо выкроить всего несколько часов.

СЕЛО ДЕРЕВЯННЫХ ДЯТЛОВ

обственно говоря, мы направлялись на юг провинции Хэшань и останавливаться в Хоа Са не рассчитывали. Просто впереди не то мост был поврежден, не то американцы сбросили бомбы замедленного действия, но с главной магистрали пришлось свернуть и пробираться кружным путем. В поисках дороги заехали в правление какого-то кооператива. И вот уже который час осматриваем кооперативные постройки, беседуем с крестьянами о жите-бытье.

* * *

По красным от битого кирпича дорожкам бегут в школу дети. В предраассветной мгле мелькают их желтые широкополые соломенные шляпы, которые издали кажутся большими блюдцами подсолнухов, сорванных муссоном со стеблей. Вслед за детьми выходят из домов женщины. Одни направляются к площади, где уже раскинулся базарчик. На плоских плетеных блюдах разложены большие кочаны капусты, апельсины, салат, душистая травка «раумуй», горки темных неочищенных зерен риса и жемчужных с голубоватым отливом — освобожденных от шелухи. Женщины почтенного возраста развешивают во дворах на растянутых над цементными площадками «санфой» — мотки ниток — для просушки. Большинство же идет к приземистым строениям, под крышами

которых установлены ряды деревянных ткацких станков.

В провинции Хатэй село Хоа Са занимает особое место. Да не только в Хатэй, во всем Северном Вьетнаме вряд ли найдешь другое такое. Хоа Са — село ремесленников-ткачей. Вернее, ткачих, потому что это раньше, до начала американской агрессии, у большинства станков стояли мужчины. А сейчас, куда ни посмотри, — всюду женщины: и рисовый крахмал варят, и барабаны станков крутят, и готовую марлю на склад несут. Про марлю упомянуто не случайно. Здесь ткут только марлю. Попробуйте угадать, сколько метров в год дает село Хоа Са? Наверняка ошибетесь. Почти треть марли, вырабатываемой всей Демократической Республикой Вьетнам, — 7 миллионов метров.

Одна отличительная черточка местных жителей: в Хоа Са с любовью хранят исторические реликвии, связанные с прошлым села. На втором этаже правления кооператива можно познакомиться с экспонатами музея: дипломами за ликвидацию неграмотности, за создание отрядов ополчения, за успешные посадки леса и многие другие не менее славные дела. А неподалеку могучая смоковница — тоже историческая. К стволу ее прикреплена табличка, где написано, что под этим деревом в 1942 году товарищ Ван Тьен Зунг собрал односельчан и призвал их поднять знамя национально-освободительной борьбы против французских колонизаторов. В разговоре сопровождающие будто невзначай упомянут, что ныне товарищ Зунг генерал-полковник вьетнамской армии. Вот как-то Хоа Са!

Но все же, мне кажется, нынешние дела людей Хоа Са заслуживают не меньшего почтения, чем их подвиги минувших лет. Скажем, раньше, до кооператива, сколько было грамотных людей? По пальцам пересчитать можно. Сейчас — все. Если же спросите, какой урожай риса получали в Хоа Са, то ваш собеседник только смущенно улыбнется. О рисе и вообще о сельском хозяйстве в Хоа Са рассказ нужно вести особый.

Как это ни странно, но сельские жители Хоа Са не умели выращивать рис. Людей разных профессий можно было встретить в Хоа Са, а рисоводов не было. Когда в пятьдесят девятом году решили организовать кооператив, то какие жаркие споры велись вокруг рисовой проблемы! Одни кричали: «Зачем нам рис самим сажать, купим сколько нужно!», другие резонно возражали: «Забыли разве, как в сорок пятом двести человек наших от голоду умерли?» Покричали, покричали — решили попробовать. Коммунисты показали пример. Сейчас не только научились, но даже на некоторых участках за год снимают по пять тонн с гектара. С животноводством тоже была любопытная история. Везде по Вьетнаму в деревнях и свиней выращивают и буйволиц держат, а в Хоа Са до недавнего времени этим не занимались. Мало того — кто-то лет сто назад выдумал и разнес по селу слух, будто буйволицы наводят порчу на растения, а свинья потому может приносить по дюжине поросят, что не пользуется расположением святых. Как бы то ни было, но немало народа в эти сказки верили и отказывались разводить буйволиц и свиней. Боровов и буйволов покупали, откармливали, забивали и ели, а чтобы самим разводить — ни в какую! И здесь также пришлось коммунистам подавать пример. Сейчас о старых предрассудках вспоминают с улыбкой.

Конечно, американская агрессия и планы многие поломала и привычный уклад жизни нарушила. Во-первых, ушли в армию многие мужчины. Из каждого трех дворов теперь — два солдатских. На места мужчин у прядильных станков, на полях, у руководства кооперативным хозяйством встали женщины. Женщину избрали руководить сельской партийной организацией. А в ней около 80 человек. Женщины составляют большинство местного народного ополчения. А там нужно не примитивный затвор винтовки осваивать — на вооружении ополчения тридцатисемимиллиметровые зенитные установки. Одним словом, не так-то все просто и легко...

Во-вторых, налеты американской авиации. В километре от села есть небольшой мостик. Через него

пройдет повозка, запряженная только одним буйволом. Может быть, этот мостик помечен на картах военного командования США как военный объект чрезвычайной важности? А может, Пентагон пометил в качестве целей для нападения реактивных самолетов несколько школьных зданий, действительно выделяющихся среди других построек Хоа Са своими размерами? С уверенностью утверждать трудно, потому что система мышления у американских генералов ничего общего не имеет с логическим мышлением нормальных людей. В Хоа Са и вокруг села уже неоднократно грохотали разрывы бомб. Работы по противовоздушной обороне отнимали много сил. Бомбоубежища, траншеи, ходы сообщения, подземные классы для школьных занятий, рассредоточение большинства ткацких цехов и распределение станков по домам ткачих. Работы было по горло, но справились.

В Хоа Са я долго разговаривал с До Тхи Лен. Вот уже год, как она трудится звеньевой цеха. Под ее началом 25 ткачих.

— Конечно, — говорит Лен, — забот прибавилось. Муж уже почти три года в армии. Раньше он работал ткачом, а я занималась домашним хозяйством. Сейчас нужно успевать и тут и там. На рассвете встаешь, детям завтрак приготовишь, одного в школу отправишь, другого — в подготовительную группу, младшую дочку отведешь в садик и бежишь в цех. Тут все, конечно, до мелочей знакомо. Ткацким делом занимаюсь с одиннадцати лет. Только в последний перед войной год муж сказал: «Оставайся дома, пока дети не подрастут». Но когда стали нас бомбить американцы, то муж пошел в армию, и я решила заменить его. Так у нас многие женщины поступили.

В правлении кооператива хранится интересный альбом. На первый взгляд он похож на многочисленные книги отзывов для почетных гостей. Но альбом в Хоа Са особый: в нем оставляют свои записи молодые люди, уходящие из села в армию. Будущий боец делится своими мыслями и чувствами с односельчанами. О том, как он думает служить, защищать

страну, бороться против американской агрессии. Это своего рода клятва бойца перед началом боя. И когда после войны придет солдат домой, встретят его почтенные люди Хоа Са — женщины, старики и спросят: «Мы старались, чтобы ты, сынок, не испытывал ни в чем нужды, чтобы военные не беспокоились о своих семьях. А ты как служил? Выполнил ли ты клятву, которую записал в эту красную книгу?» Конечно же, каждому захочется ответить: «Да, выполнил».

Только под вечер мы распростились с гостеприимными хозяевами и — ничего не поделаешь — повернули в сторону Ханоя. Пока выбрались на главную магистраль, пришлось поколесить по узким проселочным дорогам. Но в следующий раз найти дорогу в Хоа Са будет значительно легче: как услышим похожее на стук дятлов по стволу пощелкивание деревянных челноков — значит приближаемся к Хоа Са.

Село Хоа Са, провинция Хатэй

ОДИН ИЗ СТА ТРИДЦАТИ ДВУХ

Там, где возможно, о приближении американских самолетов предупреждают по радио. В селах же дежурный ополченец бьет по гильзе: бам, бам... Если услышите семь ударов, знайте: опасность еще сравнительно далеко. Если же раздается тревожная дробь, то надо, не раздумывая, бежать в бомбоубежище: стервятник на расстоянии всего 30 километров. Сверхзвуковые покрывают их за полторы минуты.

Село Лок Хоа отделяют от Тонкинского залива именно эти 90 секунд. Из двенадцати месяцев 1967 года у жителей Лок Хоа полных четыре заняло время от тревоги до отбоя. Правда, опасность только проходила над ними, и бомбы ни разу не падали на их рисовые поля и хижины. В провинции Намха насчитывается 370 сел. Американцы бомбили 263. Лок Хоа

входило в число 107 удачливых. Вражеские самолеты стремились к другим целям. Может, их привлекал провинциальный городок Фули, все-таки там проживало в два раза больше народа, чем в Лок Хоа, почти 7 тысяч человек. Может быть, их интересовал другой военный объект — текстильный комбинат Намдиня с его 10 тысячами ткачей и ткачих. В Фули не было ни одного промышленного предприятия. Сейчас Фули не существует. Последние 67 налетов бомбы рвались на развалинах. Текстильные станки Намдиня мерно стучат в другом месте, а искореженные стены бывших цехов текстильного комбината свидетельствуют о доблестных «подвигах» летчиков Пентагона. Нет, Лок Хоа положительно везло!

Когда 15 января я отправился из Ханоя в провинцию Намха, то одной из целей было посещение Лок Хоа. Там жила женщина по фамилии Йен. Чан Тхи Йен. Вы знаете, что многие в нашей стране переписываются с зарубежными друзьями. Из Москвы к Чан Тхи Йен несколько лет назад тоже приходили письма. Тогда она еще занималась в педагогическом училище Намдиня. Последняя весточка от нее пришла года четыре назад. Йен писала, что учеба закончена и она отправляется к себе в родное село Лок Хоа, что будет теперь учить ребятишек.

Наверно, поначалу просто прибавилось хлопот, потому переписка и оборвалась. И вот я ехал в Намха с твердым намерением побывать в селе Лок Хоа, чтобы написать очерк о том, как живет и работает молодая вьетнамская учительница по имени Чан Тхи Йен.

Гостиницы в Намдине нет, и ночевали мы, как ни странно, в пагоде. В обычной буддистской пагоде. Накануне здесь собирались верующие, воздух сохранил специфический запах сжигавшихся в больших фарфоровых чашах благовоний, а в ногах раскрашенных фигур будды лежали желтые гроздь бананов и чуть увядшие лепестки роз — скромные приношения прихожан.

С дороги сон всегда крепкий, но часа в два ночи нас разбудили зенитки. Стреляли в нескольких ки-

лометрах к югу от пагоды. Через несколько секунд над ее крышей на бреющем полете проскочил американский самолет. Мгновение — и залпы зениток и пулеметные очереди уже далеко за деревней, куда скрылся стервятник. Больше никто спать не мешал, и проснулись мы от монотонного бормотания, сопровождаемого негромкими ритмичными ударами деревянной колотушки. Это в соседнем помещении читали молитву.

Через редкую циновку, прикрывавшую вход в пагоду, был виден кусочек дороги, по которой медленно двигались почти у самой земли желтоватые пятнышки и слышались детские голоса. Это шли на занятия ребята, и каждый нес в руке маленькую керосиновую лампочку. Первый урок в сельской местности начинается в пять часов утра, и малышам приходится подниматься задолго до того, как начнут петь самые нетерпеливые петухи. Ночи в тропиках темные, вот и приходится всем, даже первоклашкам, таскать с собой лампочки, чтобы ненароком не свалиться с дамбы в воду рисового поля. А если в это время случится налет, то затушить огонек лампочки очень легко: дунул на него — и с «май бай» * никакой американец тебя не высмотрит.

— Вы хотите посетить село Лок Хоа? — переспросил товарищ Кха, один из руководителей провинции. — Это совсем рядом, километра полтора отсюда. Прошлой ночью Лок Хоа подверглось бомбежке. Полностью разрушена католическая церковь. Здесь, в провинции, — и буддисты и католики. Сейчас, правда, почти одни старики верующими остались, но церкви сохранились. Католическая церковь в Лок Хоа, пожалуй, самое высокое здание провинции. Французы строили. В тысяча девятьсот двадцать втором году.

До Лок Хоа добирались минут десять. Еще издали увидели силуэт колокольни. Она казалась нетронутой. Подъехав чуть ближе, поняли, что она, разрушенная, возвышается лишь над грудой кирпичных развалин.

* «М а й б а й» — американский самолет (вьетн.).

Крестьяне разбирали их. К нам подошла секретарь партийной организации села товарищ Чан Тхи Ньам. Вот ее рассказ о трагедии, разыгравшейся в деревне Лок Хоа в ночь на 15 января 1968 года:

— В час двадцать девять минут дежурный ополченец услышал сигнал воздушной тревоги и стал бить в гильзу. Ровно через минуту пронесся реактивный самолет и сбросил на село несколько бомб. Прямыми попаданиями были разрушены церковь и школа. Погибло восемь человек, в том числе четверо маленьких ребят.

— В вашем селе должна преподавать учительница Чан Тхи Йен. Она работала не в этой школе?

— Чан Тхи Йен — одна из восьми жертв. Погибли также ее муж и двое детей — трех и пяти лет. Вся семья Йен. Погибла еще одна учительница — Чан Тхи Там и ее двое детей, шести и семи лет. Муж учительницы. Там еще не знает о случившемся. Он ткач и работает в эвакуированном цехе Намдиньского текстильного комбината. Погиб также под развалинами церкви старик священник.

Вот все, что нам сообщили о происшедшем в Лок Хоа. Стоит добавить еще несколько деталей. Название католической церкви — Фуок. Пагода, где мы ночевали, носит имя Тхап. Оно должно быть знакомо американскому журналисту Солсбери, который однажды тоже провел ночь под ее крышей. Зная о приверженности президента его страны к католицизму, может быть, Солсбери удосужился во время своего визита посетить и Фуок.

* * *

В телеграмме корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс из Сайгона от 16 января 1968 года говорилось: «За 15 января самолеты военно-воздушных сил США совершили на территорию Северного Вьетнама 132 боевых вылета».

Я рассказал об одном из них.

*Село Лок Хоа, провинция Намдинь.
16 января 1968 года*

«ОТРЯД ЧЕТЫРНАДЦАТИ ДЛИННОКОСЫХ»

Взвод зенитчиков обливался горячими слезами. Впрочем, будем объективными: не весь взвод, а лишь расчет энского орудия. Точнее, расчет энского орудия энского взвода ополчения села Н. провинции (тут можно приоткрыть завесу секретности) Тханьхоа. Кое-кто может не поверить в достоверность этого события: помилуйте, бойцы героической вьетнамской армии — и вдруг плачут. Можете сомневаться сколько угодно, но факт действительно был. Боец ведь тоже человек и не застрахован от минутной слабости, если при этом учесть, что вряд ли он отмечал больше восемнадцати раз свой день рождения и только совсем недавно мама перестала заплетать ему косу. О косе упомянуто не случайно. О маме тоже. Ведь взвод зенитчиков целиком состоит из девчат. Девчат села Н.

Сейчас уже невозможно выяснить, кому первому пришла в голову мысль создать в селе женский отряд ополчения. Даже самые заядлые скептики не откажутся поручиться за боевой дух «Отряда четырнадцати длиннокосых». Но то нынче, а поглядели бы вы на иронические улыбки, когда партийный комитет объявил имена тех, кого отобрали из длиннющего списка желающих, и сказал, что именно эти четырнадцать девчат поедут в уезды на курсы пулеметчиков. Один член кооператива вслух назвал их «пигалицами». Другой не менее уважаемый товарищ стал при всех вспоминать древние истории о воинах-богатырях, и было понятно, что ни одна из курсанток не может тягаться пусть даже с самым захудаленьким богатырем. Избранницы стояли с пунцовыми щеками, стояли насупившись, но вы ошибетесь, если предположите, что именно в тот момент... В тот момент они сдержали слезы негодования.

Итак, на другой день, а если придерживаться хронологической точности, то ровно в семнадцать ноль-ноль девятнадцатого мая одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года, посланницы села Н.

приступили к теоретическому курсу овладения боевой техникой. Нельзя сказать, чтобы программа была обширной, но и сроки курсантам поставили жесткие: десять дней на все про все. А тут еще вдогонку пришла депеша от правления кооператива — так, мол, и так, время наступило трудное, засуха страшная; конечно, мы понимаем, что важно нам иметь свой взвод зенитчиц, но если можете, то возвращайтесь досрочно, потому что ваши двадцать восемь молодых рук ой как нужны!

Девушки решили вместо десяти дней уложиться в пять. Занимались в обеденный перерыв, после уроков оставались в аудитории и учили схемы, разрезы по горизонтали и вертикали. Звучит сигнал отбоя, а они накроются с головой простыней, зажгут фонарик и еще раз перечитывают записи. Хотели доказать, что могут, что не «пигалицы», что не зря доверили и послали. Экзамен по теории сдали все на «четыре» и «пять». Вот выстрелить не удалось ни разу. И подержаться за ручки пулемета тоже. Одна теория.

Домой вернулись повзрослевшие. До конца мая не разгибали спину на полях. Работы навалилось уйма; может быть, поэтому у остальных кооператоров не находилось и минутки свободной для подшучивания над «взводом зенитчиков без зениток». А сами девушки порядком волновались: когда же привезут оружие?

Торжественный момент наступил 1 июня. Вечером почти весь кооператив собрался около правления, и зенитчикам передали три новых пулемета. Конечно, не обычных пулемета, а калибра двенадцать и семь десятых миллиметра, зенитных, последнего образца. Потом говорили речи. Оказывается, оружие им вручалось в не совсем обычный день, потому что 1 июня — Международный день защиты детей; и один из выступавших так и сказал: «Новое оружие — новым бойцам для защиты наших детей». Правда, не все правильно поняли про «международный день», и те, которые стояли далеко от трибуны, стали смеяться и поговаривать: «Потому девчонкам и дают пулеметы, что сегодня детский день». Хорошо, что из последних рядов подобные замечания до трибуны не доле-

тали. И без того все четырнадцать испытывали страшное волнение, от которого почему-то подкатывал комок к горлу. Но вы ошибетесь, если предположите, что именно в тот момент... В тот момент они сдержали слезы радости.

Совсем нетрудно угадать, чем занялись девчата после того, как все разошлись по домам. Заперлись в пустой комнате правления и стали разбирать пулеметы. Каждый расчет — в своем углу. Первый этап проходил чрезвычайно увлекательно и довольно быстро. Скоро все винтики лежали в одной кучке, все гаечки в другой, штыречки и болтики в третьей. Ствол покоился на куске марли несколько поодаль. После разборки, естественно, наступил обратный процесс. Сборка продвигалась несколько медленней. Не все болты лезли в отверстия, не все гайки заворачивались как нужно, но в конце концов все стало на свои места. И тут, к великому недоумению личного состава, у всех трех расчетов обнаружили лишние детали. Причем у каждого расчета разные. «Экономия» деталей в процессе сборки, видимо, исключалась. Командир взвода приняла единственно правильное решение и побежала домой за чертежами и схемами, а остальные остались сидеть на полу, обуреваемые неподдельным отчаянием. Но вы ошибетесь, если предположите, что именно в тот момент... В тот момент они сдержали слезы отчаяния, потому что взводная побежала за чертежами, а у них у всех стояли пятерки и четверки за теорию.

До рассвета все три зенитных пулемета были по четыре раза разобраны и собраны, а через два дня уже стояли на второй позиции недалеко от села Н. На второй, потому что зенитчицы подготовили три. Американские самолеты шныряли по этому району и бомбили «военные объекты» — дамбы и плотины рисовых полей. Только вокруг села они сбросили 1113 бомб и разрушили 4 тысячи квадратных метров дамб. Позиции отрыли в местах наиболее частого появления самолетов. Впервые враг показался в их секторе вечером 6 июня. По правде говоря, открывать огонь не имело смысла — пират летел слишком

высоко. Но не так-то легко контролировать свои нервы во время первого боевого крещения. Да еще когда к тому же тебе восемнадцать. И когда при всем равноправии ты все же «слабый пол». Одним словом, девчата чуть-чуть растерялись. Из двух пулеметов открыли огонь в хвост самолету, а третий расчет копошился, копошился, да так ни разу и не выстрелил. После отбоя устроили собрание. Уселись в землянке на циновках и выговаривали личному составу третьего расчета неллицеприятные истины. Резали правду-матку. Именно в тот момент заплакал боевой расчет зенитного пулемета. Они понимали, что критика — движущая сила, но почему-то слезы сами капали из глаз и их приходилось вытирать кончиками кос.

После 6-го числа неоднократно меняли позицию, перетаскивали ночью под проливным дождем оборудование. Досталось порядком: тяжелые пулеметы, шесть-семь километров пути по разбухшим, скользким тропинкам дамб и хрупкие девичьи фигурки, бредущие наперерез потокам ливня с непосильным грузом на плечах. Был еще налет, стреляли уже все одновременно, но снова безуспешно. День триумфа помечен в календаре 16 июня.

Два американских самолета вынырнули из облаков и спикировали на дамбу, прикрывающую канал Кинг Зе. Все расчеты открыли огонь по ближайшему пирату, когда тот выходил в пике. Высота — 500 метров, дистанция по прямой — 800. Цель поражена. С надрывным воем самолет, объятый пламенем, пронесется над головами четырнадцати и обрушивается в море. Девчата пляшут, обнимают друг друга, что-то кричат от радости.

...Об истории взвода зенитчиц мне рассказала их командир Хоанг Тхи Бикмай. Имя Бикмай в переводе на русский означает «Абрикосовый цветок». У командира длинные пушистые ресницы, густая коса и восемнадцатилетний жизненный опыт. Кажется, я выведал у нее самое необходимое для репортажа. Расспросил даже о старшей сестре и младшем брате Ан, о папе и маме — рисоводах кооператива. Узнал,

что весь взвод учится в школе («Абрикосовый цветок» заканчивает седьмой класс, и скоро экзамены). Отснял несколько пленок, особенно долго фотографировал наводчицу крайнего расчета, очень похожую на мою старшую дочку Юльку. Бикмай посматривает на высоко поднявшийся над горизонтом диск солнца. Деликатный намек понят. Задаю последний вопрос:

— Я уверен, что ты храбрая девушка, но все же скажи, чего больше всего боишься?

Бикмай смущается, нерешительно переминается с ноги на ногу:

— Очень боюсь экзамена по геометрии.

*Провинция Тханьхоа,
энский зенитный взвод села Н.*

ПЕРСИКОВОЕ ДЕРЕВО

Наш символ Нового года — нарядно убранная пушистая елка. Во Вьетнаме елки не растут, и Тэт, новогодний праздник, здесь отмечают по лунному календарю. А из всех творений природы в этот день особым уважением и любовью пользуется персиковое дерево — символ радости и счастья.

В этот раз Тэт приходился на самый конец января, но уже задолго до торжественной даты вьетнамцы готовились к празднику, а многие специально к Новому году выращивали маленькие персиковые деревца. Говорят, есть даже кудесники, которые заставляют раскрываться розовые бутоны цветов персика в момент расставания со старым годом.

Командир расчета зенитного орудия № 2 товарищ Лэ Куй Тхай к числу таких кудесников себя не причислял, но взялся к Тэту вырастить на батарее одно персиковое деревце. Эту идею некоторые восприняли скептически: мол, и почва на позиции каменистая, и в первый же крупный налет побьет саженец камнями и осколками. Но Тхай не считал нужным вступать в споры, а просто в свободную минутку принес откуда-то маленький, неказистый отросток, посадил

недалеко от орудия в землю и стал ухаживать за ним. Деревце принялось, стало расти и набирать силы. Маловеры умолкли — и скоро все на батарее стали называть детище Тхая «наше персиковое дерево». Оно принесло небольшую дополнительную частицу радости в суровые военные будни зенитчиков, хотя однажды послужило источником маленькой неприятности сразу для двух солдат — наводчика Чинь Динь Сома и наблюдателя Нгуен Тьен Дата.

На рассвете того дня Тхай пришел на батарею первым. Хозяйским взглядом окинув позицию, он обнаружил полный порядок, взял фляжку, подошел к деревцу и полил его.

Минут через пять появился наблюдатель Дат, расчехлил свою трубу, взял фляжку, подошел к деревцу и полил его.

Потом показался наводчик Сом, флажком подцепил и выкинул забравшуюся в его окопчик ящерицу, взял фляжку, подошел к деревцу и полил его.

Тут уж Тхай не выдержал и отчитал и Дата и Сома. Безусловно, обоим это не доставило никакого удовольствия. К тому же расчеты орудий на соседних холмах, наверное, слышали, как их распекал Тхай, потому что, несмотря на порядочное расстояние, звук здесь разносится как-то удивительно отчетливо. Может, правда, не все обратили внимание, но что касается политрука, то его фигура показалась у входа в блиндаж. Он уж наверняка заинтересуется, почему Тхай сделал выговор Дату и Сому.

Так и есть. Ле Хак Дык поворачивает голову в сторону расчета номер два и кричит: «Что у вас произошло, товарищ Тхай?» Тхаю кажется неудобным объяснять причину своего неудовольствия. «Ничего особенного, товарищ политрук, — отвечает Тхай. — Так, хозяйственные дела».

Политрук заходит за планшетом в блиндаж, усаживается у входа, листая странички блокнота. Дыку только двадцать шесть лет, и в этой части он всего несколько месяцев. Конечно, почетно работать политруком на такой прославленной батарее, сбившей уже почти сто американских самолетов и охраняющей

подступы к очень важному стратегическому объекту. Но не так-то просто. Двести зенитчиков. Двести разных характеров и — можно не преувеличивая сказать — двести героев. Взять, к примеру, тот же расчет зенитного орудия номер два, где сейчас командиром Лэ Куи Тхай. Прежний командир расчета погиб в сражении 3 июня прошлого года, когда третий и четвертый номера расчета выбыли из строя после ранения, а остальные продолжали вести бой против американских самолетов. Стервятники в тот день так и не смогли прорваться к объекту.

Солнце поднимается над горизонтом. Его лучи заливают высоту номер пятьдесят четыре, где расположен командный пункт батареи, и окрестные холмы, на вершинах которых виднеются устремленные в небо дула пятидесятимиллиметровых зенитных орудий. Дык вынимает из кармана гимнастерки сложенный вчетверо листок бумаги, разворачивает его. Это заявление о приеме в партию, которое передал ему вчера боец Дьен. Может быть, удастся сегодня собрать партийное бюро и обсудить его. Растет, растет партийная организация. Сейчас уже на батарее 56 коммунистов.

Политрук поднимается, чтобы отправиться в обычный утренний обход позиций. В это время звучит сигнал воздушной тревоги. Первой за это утро. Американские самолеты появляются со стороны моря. Это из числа тех, что базируются на корабли Седьмого флота США, бесчинствующего в Тонкинском заливе. Самолеты идут двумя волнами. Штук по шесть в каждой. Идут высоко. Первая волна пикирует на позиции батареи. Сбрасывает бомбы. В это время вторая группа пытается пробиться к объекту. Зенитчики ведут прицельный огонь. Действуют четко и слаженно. Земля сотрясается от взрывов бомб. Противник кладет их беспорядочно, торопливо. Один из американских самолетов при выходе из пикирования наклоняется набок и, таща за собой черный шлейф дыма, удаляется в сторону моря.

Воздушные пираты не могут пробиться через плотную завесу зенитного огня. Поворачивают в сторону.

Сбрасывают свой смертоносный груз где-то между батареей и городом, не решаясь приблизиться к нему. Они знают, что на подступах к городу их встретит такой же сокрушительный отпор, кроме того, можно нарваться на ракеты. Послышался сигнал отбоя. Политрук посмотрел на часы. Вражеская атака длилась семь минут. Командир батареи товарищ Нгуен Чи Конг выслушивает доклады об обстановке на расчетах. На этот раз потерь не было, а на личный счет батареи можно записать еще один сбитый самолет противника.

— Товарищ командир, — обратился к Конгу заместитель командира взвода Фам Ван Куй, — это же девяносто девятый мы сбили. До юбилейного, со- того, одного не хватает.

Конг улыбается. Действительно, с мая 1965 года батарея сбила уже девяносто девять американских самолетов!

— Слушай, политрук, — говорит командир Дыку, — как ты думаешь, может, в блиндаже, где красный уголок, подготовим заранее стенд, чтобы потом отметить юбилейный?

— Стоит, — соглашается политрук. — И сегодня же на партбюро обсудим еще кое-какие вопросы.

Дык расстегивает планшет и тут вспоминает о прерванном тревогой утреннем обходе позиций.

Ходы сообщения, наблюдательный пункт, блиндаж орудия номер 2. Навстречу идет заместитель командира взвода. Политрук остановился у персикового дерева. Потрогал набухающие почки. Интересно, успеют ли распуститься к Тэту? Отстегнул от пояса флягу. Отвернул колпачок. Посмотрел — воды на доньшке. Помедлил, затем осторожно вылил на землю около темно-коричневого ствола.

Обернулся к замкомвзвода:

— Товарищ Куй, сегодня вечером в спокойное время соберем бюро. Есть кое-какие вопросы, и еще рассмотрим заявление о приеме в партию. От бойца Дьена из четвертого расчета.

Куй тяжело вздыхает и переминается с ноги на ногу.

— Что вздыхаешь? Или считаешь, рано ему в партию? По-моему, очень хороший боец.

В воздухе разносятся звуки частых ударов в гильзу. Новый налет. Замкомвзвода не успевает ответить и бежит на свой пост.

Вздыхнул он совсем по другой причине: ну разве можно нежное персиковое дерево поливать четыре раза за одно утро?

*Энская батарея,
провинция Тханьхоа*

«СЛУЖУ ВЬЕТНАМСКОМУ НАРОДУ!»

Конечно, бывалые люди им рассказывали, опытные товарищи их предупреждали, но что бы такое!.. Никто из них во Вьетнаме и не подозревал о существовании на земле мест, где было бы так холодно, как в Москве, на Внуковском аэродроме. Группа вьетнамских юношей сошла с трапа ТУ-104 и, кутаясь в легкие пальтишки, побежала к зданию аэропорта. Еле-еле отогрелись внутри. Встречавший гостей высокий мужчина, улыбаясь, произнес что-то по-русски. Никто ничего не понял, но на улыбку ответили улыбками. Над заснеженным полем аэродрома мелькнула стальная птица. Стекла аэровокзала затрепетали от могучего гула. А самолета будто и не бывало. В мгновение скрылся в облаках. Высокий мужчина показал рукой куда-то вверх, а потом на вьетнамских пареньков — мол, и вам предстоит летать на таких. На этот раз все посерьезнели. Будущее немножко страшило своей неизвестностью, но они твердо усвоили одну непреложную истину: Вьетнаму нужны свои военные летчики. Для этого их послали сюда, в Москву, за многие тысячи километров от родных мест. И они будут летать.

Первое время казалось: единственная и непреодолимая преграда — русский язык. За два первых месяца одолели алфавит и стали читать. На бытовые слова не оставалось времени. Слова «истребитель»,

«бомбардировщик», «ведомый» освоили раньше, чем «стол», «дом», «комната». Советские товарищи поражались упорству вьетнамских парней, помогали им, чем могли, но даже они не представляли, какие трудности испытывают вьетнамские курсанты. Общеизвестные условия приема в наши военные училища: крепкое здоровье, десятилетнее образование. Некоторые преподаватели с сомнением качали головами, прочитав в анкетах вновь прибывших: «Окончил восемь классов», «Сдал экзамены за седьмой класс»; и совсем опускали руки, когда видели в личном деле курсанта Май Кыонга лаконичную запись: «Образование — шесть классов».

Сейчас можно раскрыть секрет Мая. Ему не пришлось полных шесть лет проходить школьный курс. В провинции Тханьхоа, где находится его родное село, в пятидесятые годы очень мало было даже семилетних школ. Май Кыонг проучился только четыре года. Вместе с отцом работал на рисовых полях, об учебе не помышлял, время было трудное. Потом многие товарищи пошли служить в армию. Как-то вышло, что все они были несколько старше Май Кыонга, и ему нужно было ждать своего срока еще год. Ждать не хотелось. Пошел в военкомат, просил, доказывал: «Подумаешь, не хватает месяца! Зато посмотрите, какой я крепкий». Уступили просьбам, послали на медкомиссию. Оказалось, с Геркулесом сходство минимальное. Весил Кыонг всего сорок девять килограммов, а для пехотинца существовала норма: пятьдесят. Врачей уломать оказалось значительно сложнее, но Кыонг уговорил. Так бы и прошла его военная служба в пехоте, но тут стали поговаривать, что подбирают ребят для учебы в Советском Союзе. Станут готовить из них военных летчиков. Правда, образование нужно иметь хотя бы семилетнее. Кыонг решил: поеду! Достал школьные учебники, урывал время от сна, отдыха — занимался. С первой группой не успел, отправились без него. К концу года попросил устроить ему экзамен. Сдал сразу за пятый и шестой классы. Не хватало седьмого. Комиссия посоветовалась и решила рискнуть: восполнит

упорством. В ночь перед отъездом Кыонг сочинял письмо отцу в далекое село, что примостилось почти рядом с ныне легендарным мостом Хамжонг. «Еду, отец, на учебу к советским товарищам. Буду летчиком».

В первый год к самолетам не подпускали. Потом стали летать с инструктором на спортивных моделях. Время шло быстро, особенно после того, как немного научились русскому, свыклись с распорядком дня. Даже суровая зима не казалась такой страшной, как тогда, на Внуковском аэродроме. Второй, третий год учебы. Завершен теоретический курс. А вот и первый самостоятельный полет на боевом самолете. Молнией промелькнул мимо стоявших на поле товарищей, преподавателей, врезался в облака и скрылся из глаз курсант Май Кыонг, пилотировавший реактивный истребитель МИГ-17. В зачетной книжке поместили: «Экзамен сдан». Майор Мирошник, которого называли «дядькой вьетнамских мальчиков», говорил в тот день своим коллегам: «Из Мая классный летчик получится. Если придется ему понюхать пороху, врагу несдобровать. Есть у Мая жилка истребителя».

После сдачи экзамена произошло еще одно событие в жизни Кыонга — он стал коммунистом.

Обстоятельства сложились так, что «понюхать пороху» пришлось гораздо раньше, чем кто-либо предполагал. В конце шестидесяти четвертого из СССР после почти пятилетнего отсутствия вернулась, закончив учебу, на родину, во Вьетнам, группа военных летчиков. В их числе Май Кыонг, летчик-истребитель. Кыонга направили в энский авиационный полк под командованием товарища Чань Ханя, слава о героизме которого в скором времени разнеслась по всей стране. Некоторое время Кыонг томился в резерве, с тоской поглядывая на небо. И вот однажды его вызвали в штаб полка.

— Товарищ младший лейтенант, — сказали ему, — примите МИГ-17.

Когда Кыонг подошел к ангару, около самолета возился невысокий ладный крепыш в замасленном комбинезоне.

— Нгуен Ван Тык, — представился он Кыонгу, — техник-механик.

С этого дня Кыонг и Тык вместе вот уже больше трех лет. Когда Кыонг взмывает в небо, он спокоен за машину: знает, что она будет послушна его воле, потому что «птичку» готовил к полету его внимательный и умный друг Нгуен Ван Тык.

Терпя поражение за поражением в Южном Вьетнаме, американские агрессоры решили вымещать свою злобу на мирном населении Демократической Республики Вьетнам. Первые налеты на города и села ДРВ. Первые разрушенные дома вьетнамских крестьян. Налеты на Виньлин, Винь, Тханьхоа. Сообщения в газетах о провале попыток американцев уничтожить мост Хамжонг. Письмо от отца: «Дорогой Кыонг, нам велели эвакуироваться. Переехал в другое село. Как-то ты там у меня воюешь?» Май Кыонг не ответил на это письмо. Товарищи из других полков уже дрались с американскими пиратами. Многие имели на своем счету сбитые самолеты противника. А их подразделение стояло под Ханоем, и на все рапорты летчиков послать их в части, ведущие активные бои, командование накладывало резолюции: «Отказать». Небо Ханоя нуждалось в защитниках.

Наступил день 14 декабря 1966 года. Американские агрессоры пошли на дальнейшую эскалацию преступной войны. Первый налет на Ханой. МИГи вступают в бой. Когда в городе прозвучал сигнал воздушной тревоги, звено, в составе которого летал Май, уже находилось в воздухе. Через несколько минут появились американские пираты. Звено Кыонга пошло на сближение с противником. Сам Май Кыонг так рассказывает о своем первом воздушном бое:

— Все произошло очень быстро. Мы атаковали тех, кто шел первым. Как только в моем прицеле появился самолет противника, я открыл огонь, и машина врага загорелась. Пират рухнул вниз, а остальные американские самолеты повернули обратно.

Вернулся на аэродром, сел, а ко мне бегут товарищи. Спрыгнул на землю, друзья поздравляют, обнимают. Я крепче всех обнял своего друга механика

Тыка. На другой день написал письмо отцу, поделился своей радостью. Комиссар полка Чи Зи Тынь тоже отправил моему отцу письмо. Представляю, как был счастлив старик.

За первой победой последовали новые. Отчетливо врезался в память бой, который пришлось Кыонгу вести совсем недавно, 7 октября 1967 года.

— Мы барражировали в небе над Ханоем, — вспоминает Май Кыонг. — С командного пункта докладывают, что вражеские самолеты приближаются к столице. Дают приказ: обнаружить и вступить в бой. К тому времени мне присвоили лейтенанта и я уже стал летать на МИГе, на той самой машине, около которой вы сегодня меня фотографировали. Мы первыми заметили противника. Группа американских самолетов состояла из одних Ф-4 — «фантомов», как их называют. Ну, думаю, «фантомы» так «фантомы»! Мой МИГ и с «фантомами» справится. По первому пирату открыл огонь и заметил, что сосед тоже пустил по этому же самолету очередь. Так мы вдвоем сбили одного стервятника. Товарищ мой отличился в этом бою — уничтожил и второй самолет. Американцы отвернули, не приняли боя. Вообще у них очень часто сдают нервы. Это и понятно: какие у пирата могут быть моральные качества? К сожалению, в тот день я не мог их далеко преследовать: горючее было на исходе, и пришлось вернуться на базу. Уничтоженный 7 октября «фантом» был пятым сбитым мною самолетом. Вернее сказать, четвертым с половиной, потому что сбили-то мы вдвоем.

Авиационный полк стоит на охране неба Ханоя. На счету полка около ста уничтоженных американских самолетов. У некоторых товарищей Май Кыонга по четыре-пять сбитых стервятников. Нет, не ошиблись в своих вьетнамских воспитанниках преподаватели советского летного училища, когда предсказывали им будущее хозяев вьетнамского неба.

Наша беседа подходит к концу. Май Кыонг должен идти на партийное собрание. Прощаясь, Кыонг крепко жмет мне руку:

— Будешь что-нибудь писать в Москву, не откажи

в любезности, передай от всех нас привет всем преподавателям и всем работникам училища. Особенно майору Мирошнику.

Выполняю твою просьбу, товарищ лейтенант.

Энский авиационный полк.

Район Ханоя.

Февраль

РАКЕТНЫЙ ДИВИЗИОН

Вырвав из тетрадки листок чистой бумаги, Фан Бинь стал сочинять письмо домой, во Вьетчи. «Дорогие родители, — писал он, — вы просите описать, как идет моя служба в армии, довольны ли мной командиры, чем я занимаюсь. Право, рассказывать много не о чем. У нас очень хорошие товарищи, и у меня замечательные друзья. Служба обычная...» Бинь, не окончив фразу, задумался. Нет, не такое простое дело рассказать о своей армейской жизни, если многое пока нужно держать в тайне. Бинь опять взялся за перо, но в это мгновение раздался глухой звук сирены.

Тревога! Выскакивают из блиндажей бойцы, занимают свои места. Включены моторы радиолокатора. В считанные секунды дивизион приготовился встретить самолеты противника. Грозное оружие нацелено в небо. В центр ПВО идет рапорт: «Ракетный дивизион к бою готов!» У своего боевого поста и наводчик Фан Бинь.

А Ханой все еще ни о чем не подозревает. Самолеты врага пересекают рубеж, отделяющий их от столицы ДРВ. Голос диктора ханойского радио: «Американские самолеты в семидесяти километрах от Ханоя!» Через девяносто секунд новое объявление: «Самолеты в тридцати километрах!» На командном пункте дивизиона все внимание к экрану радиолокатора, где должна появиться цель. Жизнь в Ханое замерла. Все в бомбоубежищах, в укрытиях. На своих постах зенитчики, ополченцы, ракетчики. Вот цель прибли-

зились. Включены командные установки. Ракеты нацелены в направлении объектов. В безоблачном небе вой американских реактивных самолетов. Около ракетных установок пусто: боевые расчеты ушли в блиндажи. Сейчас действует электронная автоматика. Нажатие кнопки — и зеленое тело ракеты устремляется ввысь, к цели. Через считанные секунды совсем рядом с самолетом стервятника вспыхивают блески разрыва. Самолет, как будто наткнувшись на невидимую стену, клюет носом, разламывается, падает вниз. Вверху раскрывается купол парашюта. Значит, один из американских пилотов будет захвачен живьем. Второй находит свою бесславную гибель, врезаясь в землю вместе с остатками того, что было минуту назад самолетом.

Звучит сигнал отбоя. Наводчик Фан Бинь возвращается к себе в блиндаж, садится за прерванное письмо. Пишет о том, как занял первое место в соревнованиях по настольному теннису, как помогает товарищам, занимающимся в вечерней школе, как учит русский язык... О ракетах нельзя — военная тайна. О том, что обороняет небо Ханоя, нельзя — военная тайна. О том, что он наводчик ракетного расчета, — тоже военная тайна. Придет время, и можно будет рассказать.

Я беседую с ракетчиками ракетного дивизиона Вьетнама. Их двое: командир дивизиона товарищ Нгуен Дык Тонг и наш знакомый наводчик Фан Бинь. Мне посчастливилось быть первым, кому дали «добро» на рассказ читателям о боевом пути славных вьетнамских ракетчиков из этого дивизиона. Командир Тонг улыбается:

— Конечно, нам будет очень приятно, если о нашей борьбе прочитают советские товарищи. Пусть знают, что мы довольны оружием, предоставленным нам советскими братьями. Ваша техника служит делу защиты народа Вьетнама от посягательств американских агрессоров. Мы благодарим вас за помощь.

Товарищ Тонг неторопливо перечисляет даты сбитых самолетов, называет имена отличившихся ракетчиков.

Два с лишним года трудной борьбы. 41 сбитый самолет агрессора. Два ордена на боевом знамени. Первое боевое крещение состоялось 24 июля 1965 года. Тогда в четырнадцать часов тридцать минут была запущена лишь одна ракета, которая уничтожила сразу два самолета США. После этого дивизион побывал почти на всех участках Демократической Республики Вьетнам. Колесил по всем дорогам, множество раз подвергался бомбежкам.

Ночные дороги Вьетнама... Урча моторами, медленно идут тяжелые тягачи с потушенными фарами. Под натянутым брезентом смутно проступают знакомые контуры. Эти колонны получают «зеленую улицу», они первые пропускаются на переправах, им везде особый почет и уважение. Это ракетчики. Это дивизион занимает новые позиции.

Часто казалось фантастически неправдоподобной быстрота, с какой ракетчики оборудуют свои блиндажи, роют окопы и траншеи, ходы сообщения и наблюдательные пункты. Не проходит и суток, как на новом месте дивизион уже готов к бою. Секрет раскрывался просто. Жители окрестных сел моментально узнавали о прибытии ракетчиков. И сразу же к ним шли сотни и сотни людей. Дети и старухи несли с собой термосы с горячим чаем — угостить бойцов; несли охапки свежих листьев и ветки деревьев — укрыть ракеты от американских разведывательных самолетов. Шли женщины и мужчины с лопатами — помогать оборудовать позиции. Вот и весь секрет «чуда».

— Однажды, это было в провинции Ниньбинь, — рассказывает командир дивизиона товарищ Тонг, — нам велели занять позиции в месте, где преобладали болотистые почвы. Ил достигал толщины сорока-пятидесяти сантиметров. Если бы мы рассчитывали на свои силы, то ни в коем случае не смогли бы справиться к сроку. Но, как всегда, на помощь подоспело население. Крестьяне приходили за десятки километров, чтобы предложить свои услуги. Добровольные помощники перекопали тысячи кубометров земли. Двадцать третьего августа мы доложили командованию о своей готовности. На другой день приняли

участие в сражении с американскими самолетами. В одиннадцать часов утра при налете вражеских самолетов на этот район мы выпустили по американским стервятникам пять ракет и сбили ими три самолета.

Безусловно, успехи пришли не сразу. Техника сложная, а людей подготовленных было мало. Потом стали прибывать первые ракетчики, прошедшие курс обучения в Советском Союзе. Да и мы много занимались. Частенько по четырнадцать-шестнадцать часов в день. Теперь наша родина, — заканчивает свой рассказ Нгуен Дык Тонг, — имеет необходимое количество опытных ракетчиков. Не подумайте, что вы находитесь в каком-то особом дивизионе. Некоторые наши коллеги сбили еще больше американских самолетов. Но наш не теряет надежды на первое место в боевом соревновании. Личный состав у нас дружный, и главное — в коллективе семьдесят процентов — коммунисты. Остальные — члены Союза трудящейся молодежи Вьетнама.

Вот лишь часть того, что мне рассказали друзья-ракетчики из дивизиона, стоящего под Ханоем. Тогда, 9 февраля 1968 года, на их боевом счету был, как я уже сказал, 41 сбитый американский самолет.

А 15 февраля, когда очерк должен был передаваться в Москву, на корпункте в Ханое раздался звонок из дивизиона. На проводе был командир Тонг.

— Прошу вас, товарищ корреспондент, внести маленькую поправку. Во время вчерашнего налета американской авиации на Ханой из трех сбитых самолетов один приходится на нашу долю. Так что общий счет сейчас у дивизиона сорок два стервятника. И еще. Если вы станете передавать поздравления с праздником, то ракетчикам пожелайте особых успехов.

*Демократическая Республика Вьетнам
Январь — февраль 1968 года*

БОССЫ ЦАРЬКА ВАНГ ПАО

ОБЫЧНЫЙ РЕЙС

Через восемь месяцев снова появилась возможность побывать на земле Вьетнама: редакция дает разрешение на мою командировку в Освобожденные районы Лаоса. А самый верный путь туда — через Демократическую Республику Вьетнам.

...Валентин Петрович Бянкин, в то время работавший заместителем начальника Владивостокского пароходства, услышав, что специальному корреспонденту «Правды» необходимо знать, с каким судном можно дойти до Хайфона, задал лишь один вопрос: «Когда хотите выйти?» — «Сегодня», — последовал ответ. Бянкин нажал рычажок селектора. «Свяжитесь с «Гжатском», — сказал он абоненту на другом конце провода, — пусть внесут в судовую роль... — Он назвал мою фамилию. — Пойдет пассажиром до Вьетнама. Торопитесь, — добавил он, обращаясь ко мне, — отход намечается через два часа. Счастливого вам плавания».

Так через полсутки после вылета из Москвы я стал пассажиром теплохода «Гжатск». Водоизмещение — 3800 тонн. Команда — 40 человек. Капитан — Виктор Романович Афанасьев. Порт назначения — Хайфон. Цель рейса — доставка груза для героического народа Вьетнама.

Позади Владивостокский порт, родная земля. Жизнь на «Гжатске» втиснулась в рамки повседневного корабельного расписания: вахты, приборки, со-

брания по подведению итогов соревнования. Вечером «крутят кино». «Дед» — стармех Егор Иванович — добродушно ворчит на погоду. В первую ночь попросили включить отопление — было холодновато. Потом пришлось заботиться о холодильных установках — входили в тропическую зону.

В судовом журнале появилась очередная запись: «Американский военный самолет дважды совершил облет судна». Обычная в районе Цусимского пролива мелкая американская провокация. Несколькими днями спустя еще несколько строчек аналогичного содержания. Опять рыскали, воя турбинами, американские самолеты, и нудно долго висел почти над самым мостиком вертолет с опознавательными знаками ВВС США. Знакомая картина для каждого советского моряка, совершавшего рейс на линии Советский Союз — Вьетнам.

На юте около одной из кают висит аккуратно расчерченная сводка — показатели предыдущих рейсов в 1968 году. Вьетнамские порты упоминаются не один раз. Ветераны делятся воспоминаниями о своих первых посещениях вьетнамской земли. Две с половиной тысячи миль туда и столько же обратно. За несколько последних лет количество судов, идущих под советским флагом по этому маршруту, неизмеримо возросло. Может быть, лучше было бы в интересах Вьетнама часть морских перевозок переложить на стальные плечи железных дорог, но сделать это невозможно, как говорится, по не зависящим от нас обстоятельствам...

Есть такие два очень объемных слова — интернациональный долг. Мы на нашей одной шестой части планеты впитали это понятие вместе с молоком матери. Есть такая страна — Вьетнам, народ которой выстоит, если интернационалисты свой долг выполнят. Вот почему мы идем во Вьетнам. Идем в обычный очередной рейс.

Не верьте тому, кто говорит о пустынности океанских просторов. Просто на водных дорогах не остается наезженных колея. Зайдите в радиорубку, что рядом со штурманским мостиком. Здесь корабли гово-

рят с кораблями. «Ревда» запрашивает «Гжатск», не уделит ли он несколько десятков тонн топлива: ей нужно идти из Хайфона в Сиануквиль. Наш капитан Афанасьев отвечает согласием. Сообщаем в Хайфон на «Баргузин», что везем экипажу почту... Потом кто-то интересуется, какие у нас кинокартины и нет ли желания по прибытии в Хайфонский порт совершить дружеский обмен лентами. Навстречу идут суда, возвращающиеся из Вьетнама, сзади следуют суда, идущие во Вьетнам. И на большинстве поднят красный флаг с серпом и молотом. Наш флаг, советский.

На седьмые сутки подходим к Хайфонскому рейду. Терпеливо стоят корабли, ожидают своей очереди под разгрузку. Бесшумно скользят джонки. С левой стороны виднеются покореженные остовы зданий, разрушенных американской авиацией. Скрипят корабельные стрелы, вынимая из трюмов грузы. Знакомая картина. Вон там, возле бочки номер пять, стоял «Переславль-Залесский», когда американский пират обрушил на стоянку сухогруза град бомб замедленного действия. А здесь разгружался «Туркестан». Отсюда направился в Камфу и там подвергся злодейскому нападению американских истребителей-бомбардировщиков. Тогда погиб механик-электрик Николай Рыбачук. Ему воздвигнут памятник во Владивостоке. Со стапелей Владивостокской верфи сошло судно, названное его именем. Может быть, настанет день, когда «Николай Рыбачук» тоже придет в Хайфон.

Экипаж «Гжатска» завершил переход. Мне же еще предстоит дальняя дорога. Вначале на «газике» в Ханой. Затем пятнадцать дней томительного ожидания ответа от руководства Нео Лао Хак Сат из Освобожденных районов Лаоса. Должны сообщить, когда смогут принять специального корреспондента «Правды». Наконец, дата поездки согласована, виза получена, выдавший визы «газик» подъезжает к калитке корреспондентского пункта, и мы отправляемся в путь. К вечеру добрались до границы и вступили на территорию соседней страны, добрались еще до одной «горячей точки» нашей планеты.

И ЗДЕСЬ ОТМЕЧАЛИ НАШ ПРАЗДНИК

границы нас ожидал мощный вооруженный эскорт — небольшой броневичок, около верхнего люка которого был установлен скорострельный пулемет, и машина с автоматчиками. Хотя путь и проходил по освобожденной территории, полностью находившейся под контролем патриотических сил Нео Лао Хак Сат, но и здесь не исключена была возможность встречи с вооруженными бандами диверсантов американского ставленника генерала Ван Пао. До намеченного пункта предстояло проехать по отвратной дороге около шестидесяти километров. За час до полуночи рассчитывали прибыть на место. Праздничный день, день пятьдесят первой годовщины нашего Октября, заканчивался. Было немножко грустно, и я вспоминал, как ровно год назад встретил юбилейный Октябрь за 20 тысяч километров отсюда, от Лаоса, в рабочем предместье чилийской столицы Сантьяго — коммуне Сан-Мигель. Там на митинг собралось несколько тысяч рабочих, говорилось много теплых слов о нашей Родине, выступали лучшие чилийские артисты, местные комсомольцы выпустили специальный номер газеты. Интересно, знают ли мои сопровождающие о том, что сегодня годовщина Октябрьской революции? К сожалению, за минувшие четырнадцать часов пути мы не могли перекинуться ни одной фразой: лаосским языком я не владел, а они никакого другого не знали. Переводчик ждал в конечном пункте нашего маршрута. Поглядываю на шофера. В полумраке видно, как крупные капли пота выступили у него на лбу. Вести машину трудно необычайно. «Газик» то карабкается вверх под углом в сорок пять градусов, то сползает по скользкой глине с дороги, извивающейся по склону горы. Справа скала, слева черт знает что, но чувствуется — глубина немалая. Шоферу не до переживаний пассажира: четырнадцатый час крутит баранку. Сидящий сзади спутник трясет меня за плечо, вытягивает руку, укаывая на что-то в кромешной темноте. Через пять

минут впереди тускло замерцали желтые огоньки. Прибыли на место.

Освещая тропинку фонариками, двигаемся за идущим впереди товарищем к пещере, отведенной для пребывания гостей на освобожденной территории Лаоса. Поднимаемся сначала по ступенькам, вырубленным в скале, затем по деревянной лестнице и попадаем в пещеру. Те из советских людей, которые побывали в борющемся Лаосе, наверняка останавливались в ней.

— Здравствуйте, товарищи! С благополучным прибытием вас на нашу землю! — вдруг слышу я приветствие на чистейшем русском языке.

Нас встречает миловидная девушка, одетая в национальную лаотянскую одежду. Так произошло знакомство с Кемфет Фолсеной — выпускницей Московского института международных отношений. Переводчиком же моим стал другой выпускник института — Понг Сурифуми, небольшого роста, подвижный, с выразительным лицом, очень эрудированный молодой человек.

Нет, напрасно я подумал, что здесь никто и не вспоминает о нашем празднике. На стене пещеры укреплен большой лозунг на русском и лаосском языках: «Да здравствует 51-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!» И сразу же как-то стало на душе теплее.

— Вы прибыли вовремя, — говорит Понг и вручает мне какой-то конверт. — Завтра у нас состоится торжественное заседание по случаю советского национального праздника, и меня просили передать вам приглашение. Понг переводит: «Лаос. Мирный, независимый, нейтральный, демократический, единый и процветающий».

По решению ЦК Нео Лао Хак Сат сегодня, 8 ноября 1968 года, в 19 часов в помещении пещер военного политического штаба состоится массовый митинг, посвященный 51-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, с участием работников

ЦК, трудящихся масс и представителей всех организаций, объединенных вокруг ЦК Нео Лао Хак Сат.

Инициативная группа имеет честь пригласить гостя из СССР принять участие в этом митинге.

Инициативная группа».

Стемнело, когда сели в «газик» и отправились к пещерам военного политического штаба. Рядом с входом — группы людей с автоматами. Мелькают огоньки фонариков, оранжевые точки сигарет — подходят новые и новые люди. Спускаемся на шесть ступенек и оказываемся в громадной пещере, где будет проходить митинг. Длинные ряды скамеек заполнены участниками торжества. Сидят бойцы, одетые в защитную форму, зажав коленями винтовки и автоматы, сидят женщины, держа на руках ребятишек. Многим места не хватило. Человек пятьдесят пристроились в проходах, примостились на корточках вдоль стен.

В глубине пещеры — деревянная сцена, портрет Ленина, и над ним два флага: Освобожденных районов Лаоса и советский. По бокам развешаны плакаты, провозглашающие здравицы в честь Великого Октября, Советского Союза и братской дружбы и солидарности между народами, а также призывы к борьбе против американских империалистов и их пособников. У входа на сцену установлены стабилизаторы от американских ракет — подставки для цветов. Нам приготовлено место в первом ряду.

На митинге присутствуют многие видные деятели Нео Лао Хак Сат, в том числе его генеральный секретарь Фуми Вонгвичит, два заместителя председателя Фронта — Файданг из народности лаосунг и Ситон Коммадам из народности лаотынг, члены ЦК, высшие командиры Народной армии Освобождения.

Докладчик — член ЦК генерал Пун Сипасет — говорит о советском интернационализме, о помощи, которую оказывает Советский Союз народам мира, борющимся за свое национальное освобождение с оружием в руках, против империализма и неокOLONиализ-

ма. А потом ведущий собрания стал провозглашать лозунги. И все громко повторяли вслед за ним последние слова каждого лозунга и выбрасывали вперед руку с ладонью, сжатой в кулак. От мощного хора голосов покачивалась лампочка над сценой и причудливые тени метались по сводам пещеры.

В заключение вечера показали два советских фильма. Когда на экране во время демонстрации «Александра Матросова» появлялись советские танки, когда давали залп знаменитые советские «катюши» и когда Матросов бросался и закрывал своим телом вражескую амбразуру, все в зале восхищенно прищелкивали языком.

К полуночи вернулись в гостевую пещеру. А через день состоялась поездка в провинциальный комитет Сам Неа. После детального ознакомления с жизнью и трудом населения провинции, с ее историей гостей пригласили принять участие в церемонии «баси». Этот очень древний буддийский обряд существует с незапамятных времен и устраивается для наиболее почетных гостей, как местных, так и прибывших из далеких заморских стран. Безусловно, «баси» устраивалась по случаю прибытия к ним в гости советского человека, в честь уважаемой лаосским народом Советской страны.

В пещере провинциального комитета стоял празднично убранный стол, в центре которого возвышалась серебряная чаша необычной формы, наполненная плодами благодатной лаосской земли. Самый старейший и почетный житель селения зачитал послание, специально написанное к этому случаю. В нем говорилось о том, как довольны все местные жители приезду советского человека, с каким уважением относятся все здесь к Советской стране, с какой благодарностью принимают от далеких братьев помощь, чтобы успешно отбивать атаки американских империалистов — виновников горя и страданий народов многонационального Лаоса.

На причудливых серебряных завитульках чаши висели белые нити. Каждый из присутствующих брал по ниточке и перевязывал ею запястье гостя, выска-

зывая при этом пожелания счастья, здоровья, успехов пришельцу и процветания его стране. Понг добросовестно переводил все пожелания; и только когда ко мне подошел юноша по имени Буа Тхонг, услуги Понга оказались лишними, так как выпускник Московского автодорожного института Тхонг прекрасно говорил по-русски. Буа Тхонг тоже пожелал всего самого наилучшего нашей стране и, как и все, выразил надежду, что при помощи и поддержке стран социалистического лагеря народ Лаоса одержит победу над американскими агрессорами. Слова «агрессоры из США», «американский империализм» я слышал в Лаосе на каждом шагу. О том, как орудут американские хищники в Освобожденных районах Лаоса, и пойдет речь в следующем репортаже.

БОССЫ ЦАРЬКА ВАНГ ПАО

рации, установленной в помещении военной миссии Соединенных Штатов во Вьентьяне, круглосуточно дежурят американские офицеры связи. Сюда стекаются донесения, поступающие из соседнего Таиланда, с кораблей Седьмого флота США, пиратствующего в прибрежных водах Южного Вьетнама, а также от агентов, орудующих по всей территории Лаоса. Все материалы расшифровываются и в порядке срочности докладываются начальству. Но один вид донесений имеет «зеленую улицу». Это радиogramмы, принимаемые от генерала Ванг Пао — опоры и козырной карты пентагоновских военачальников в Лаосе. Его просьбы выполняются незамедлительно, по его требованию в воздух поднимаются самолеты с продовольствием, тканями, транзисторными приемниками и спиртными напитками. В империалистических планах США, касающихся Лаоса, генералу Ванг Пао отводится особая роль.

Генерал Ванг Пао принадлежит к народности лаосунг, и отряды его составлены тоже из жителей народности лаосунг, или, как их еще называют, мео. Ванг

Пао служит американцам и фактически подчиняется только Центральному разведывательному управлению США. Ничьи другие приказы не выполняет. Используя племенные связи, Ванг Пао сколотил так называемые «отряды особого назначения» в количестве 15 тысяч человек. Они участвуют в проведении различного рода диверсионных и провокационных операций. По существу, это настоящие вооруженные банды, признающие Ванг Пао главарем и беспрекословно выполняющие его приказания. Авторитет Ванг Пао зиждется на удовлетворении нужд своего «воинства» за счет американских подачек. «Отряды особого назначения» орудуют на всей территории Лаоса. Отдельные группки их просачиваются в Освобожденные районы, совершая террористические акты и наводя страх на местное население. Недаром американские деятели откровенно заявляли, что если они даже будут вынуждены убраться из Лаоса, то частично цели свои смогут выполнять, пока в стране будут действовать «отряды особого назначения» Ванг Пао. Таков ударный террористический кулак американского империализма в Лаосе. Разумеется, США поддерживают и другие правые лаосские группировки.

Однако подобными мерами военщина США не смогла воспрепятствовать распространению успехов Нео Лао Хак Сат, и тогда Пентагон пошел на новое преступление в Лаосе, начав зверскую бомбардировку Освобожденных районов страны. Вот уже более трех лет на мирные селения и города Лаоса обрушивается смертоносный груз с клеймом: «Сделано в Соединенных Штатах». Доставляется он на самолетах, построенных в Соединенных Штатах и пилотируемых военными летчиками Соединенных Штатов. Мировая общественность осведомлена о преступлениях Вашингтона во Вьетнаме, Лаос же остается для многих «терра инкогнита» — загадочной землей, где все непонятно и неизвестно, кто с кем воюет, и почему и что делают там американские парни, и есть ли там они вообще. А нужно о творимых в Лаосе американцами бесчинствах рассказать подробно и во весь голос. Нужно информировать общественное мнение, ни на

один миг не останавливая кампании за немедленное и полное прекращение американских преступлений в Лаосе, за то, чтобы сами жители Лаоса решали свою собственную судьбу на основе Женевских соглашений 1954 и 1962 годов.

А пока ежедневно на лаосскую землю обрушивается град американских бомб. Однажды в провинции Самнеа я поехал осматривать гражданский госпиталь, расположенный километрах в пятнадцати от центральной базы. В большой полутемной пещере в несколько рядов стояли грубо сколоченные койки, на которых лежали мужчины, женщины и дети. Больные и раненые. Я подчеркиваю: это был гражданский госпиталь, никакого отношения не имеющий к Народной армии Освобождения, госпиталь, предназначенный лечить пахарей, ремесленников, школьников от гриппа и кори, ангины и скарлатины. А в этом госпитале большинство было не больных, а раненых. Гражданских раненых.

О работе госпиталя рассказывал его главный врач Кео Пимпатын, исполняющий одновременно обязанности начальника санитарного отряда провинции. По профессии он врач-педиатр. Кроме Кео, в госпитале восемь врачей, двадцать медсестер и пять человек обслуживающего персонала. Кео получил образование во Франции, в этом госпитале работает около двух лет. Последний год госпиталь со всеми своими службами располагается в пещерах. Раньше они помещались в благоустроенных помещениях неподалеку отсюда. В декабре 1967 года американцы произвели первый налет на госпиталь во время большого массированного налета на район Хамлонг. Вскоре был новый налет, и единственным объектом бомбежки служил госпиталь. Налетали волнами, по четыре самолета сразу. Нападение было внезапным, и многие больные, особенно женщины с детьми, не успели уйти в укрытия, в пещеры. Тяжелобольных не успели перенести в безопасное место. В результате многие были убиты, многие получили серьезные ранения. С той поры госпиталь разместили в пещерах. Условия тяжелые. Пещеры сырые, зимой температура не подни-

мается выше пяти градусов. Обогреть пещеру невозможно, большинство больных лежат в одежде, операционная находится в глубине пещеры. Туда проведено электричество. Сейчас в госпитальной «палате» находятся 40 человек.

Вот история нескольких раненых гражданских лиц. Учитель Тяп Моа из Луангпробанга. Ему девятнадцать лет. Преподавал в начальной школе селения Фумет ребятам из народности лаосунг. 19 октября этого года во время налета американских самолетов был ранен в руку, грудь и предплечье.

Двадцатидвухлетний шофер из Саванакета по фамилии Ситат. В госпиталь поступил за несколько дней до нашего приезда с ранениями рук и ног. Пострадал во время американского налета 3 ноября. Это было днем, в шестнадцать часов, на дороге № 6. Ситат вел порожний грузовик ГАЗ-51, когда в небе появились два самолета AD-6 и два реактивных F-4. Они стали охотиться за его машиной, сбрасывая шариковые и фугасные бомбы. Машина загорелась. Ситату удалось выпрыгнуть из нее уже раненым шариковой бомбой.

Супруги муж Лао Бози и жена Поу Суа, жители деревни Пабак гасенга (уезда) Хуой Пуок, 13 августа возвращались с поля домой. Налетели американские самолеты и стали расстреливать крестьян. Супруги получили ранения. Мужчине пришлось ампутировать ногу, женщине — правую руку. Дома у них четверо маленьких детей. Причем во всех случаях никаких военных объектов в районах налетов не было.

Так выглядит «особая война», проводимая американцами в Лаосе. Это не что иное, как самый настоящий международный бандитизм и разбой.

СУХОЙ ПРУТ НА ГОЛОЙ ЗЕМЛЕ

Переводчик Понг сообщил программу мероприятий на следующий день: поездка к зенитчикам километров за двадцать от нашей базы,

затем посещение военного госпиталя и вечером беседы в редакциях газет. «Таков распорядок дня, — сказал он и благоразумно добавил: — Если непредвиденные обстоятельства не заставят нас изменить намеченный план». Оговорка оказалась отнюдь не лишней. Через несколько часов послышался гул летящего самолета, и все живое скрылось и замерло. Сначала в небе кружил американский AD-6, затем послышался рев реактивных двигателей и в воздухе мелькнула тень от американского «фантома», летевшего на бреющем полете. Стервятник прошел несколько раз одним курсом, как хищник, высматривающий добычу. В свой последний заход он пролетел всего в 400 метрах от входа в пещеру, держась на высоте в три сотни метров. Очевидно, это были разведывательные полеты. Ни одной бомбы не сбросили.

Однако «прогулки» американских самолетов вызвали нарушение намеченной программы. Вечером пришел связной из штаба главного командования вооруженных сил фронта и сообщил об отмене посещения батареи. После разведывательных полетов противника зенитчики должны были перебазироваться на новые позиции. К счастью, они находились всего в трех километрах от нашей пещеры, и мы, принеся в жертву визит в госпиталь, решили на рассвете отправиться к зенитчикам.

Рано утром тронулись в путь. Дорога проходила по холмистой местности, покрытой высокой выжженной травой с разбросанными то там, то сям редкими группами кустарников. Нещадно палило солнце, и волны горячего воздуха вызвали воспоминания об африканских переходах по земле Гвинеи (Бисау). Тихо. Птиц в этой части Лаоса почему-то не так много. Из «живности» только изредка порхают цветастые бабочки, да натужно, со скрипом сверчат поджарые голенастые кузнечики. Сугубо мирный сельский пейзаж. Даже горы на горизонте и те, покрытые дымкой тумана, окрашенные в голубоватые тона, не кажутся суровыми, неприступными. Но посмотришь — и впереди тебя шагает боец с автоматом в руках. Оглянешься — сзади движется цепочкой группа воору-

женных людей. А сбоку — воронки от бомб. На всем пути воронки, воронки... Прикинул — бомбили двухсотпятидесятикилограммовыми фугасными, есть ямы и от полутонных. Между ними очень часто следы, будто крот землю покорябал: это вмятины от взрывов шариковых бомб. За те три первых километра, которые мы прошагали до батареи, я насчитал 42 воронки от взрывов фугасных бомб.

Можете представить, с какой интенсивностью бомбили военные самолеты Соединенных Штатов этот район, проводя свою «особую войну в Лаосе»! При чем следует отметить, что квадрат, по которому мы двигались, подвергался ничуть не большим по силе бомбежкам, чем остальные участки Освобожденных районов Лаоса.

За час пути встретились на дороге только три бойца, да промчался один бронетранспортер. Гражданские люди после рассвета выходят из своих убежищ лишь в исключительных случаях. Все работы по хозяйству, обработка рисовых полей, заготовка дров ведутся в ночное время, когда больше шансов не пострадать от налетов носителей «цивилизации свободного мира».

На подходе к позициям зенитчиков нас встретил заместитель командира зенитного батальона по политчасти товарищ Пен Хун. С ним мы и отправились осматривать одну из рот зенитчиков, вооруженных тридцатисемимиллиметровыми орудиями. Командир роты товарищ Кхам и политрук товарищ Бун Тянь пригласили зайти на командный пункт, но я, желая воспользоваться безоблачным небом и хорошим освещением, попросил разрешения сначала сделать несколько снимков батареи.

Отсняв пленки, я спустился в землянку и увидел на деревянных нарах аккуратно расставленные чашечки с традиционным чаем. Когда это только успели хозяйева приготовить его? Но, взяв в руки чашечку, заметил что-то знакомое: вроде в «нашей» пещере на столике стояла чашечка, у которой тоже, кроме отломанной ручки, еще был выщерблен краешек. Точно. Поглядываю на пришедшую вместе с нами Кемфет, и

все становится ясным. Наша Фет тащила сюда большой термос с чаем и эти блюдца с чашками. Она же знала, что у зенитчиков хватило по горло дел до утра с установкой орудий на новых позициях, и естественно, им было не до чая. Но традиция есть традиция, и Фет тащила (по такой-то жаре!) чай «для достойного приема советского журналиста».

Товарищ Пен Хун рассказал историю зенитного батальона. День его рождения относится к 12 октября 1965 года. За это время батальон отразил 183 воздушных налета американской авиации. Бойцы батальона сбили много вражеских самолетов, из них 17 упали в непосредственной близости от орудийных позиций на расстоянии от 500 до 700 метров. В основном американцы используют для налетов на Лаос самолеты, базирующиеся на Седьмой флот США, а также действующие с баз, расположенных в Таиланде. Командование Народной армии Освобождения неоднократно отмечало отвагу и мужество бойцов и командиров батальона. Три человека награждены медалями первой степени. Все бойцы имеют опыт сражений с агрессором, хотя средний возраст зенитчиков не превышает двадцати лет.

Я прошу политрука назвать лучший расчет орудия роты, где мы находимся. Пен Хун вопросительно смотрит на Бун Тяна. Бун Тян — политрук роты, и пусть он сам дает оценку своим ребятам. Бун Тян качает головой:

— Очень трудно назвать одно лучшее орудие. Давайте скажем откровенно, что это вообще невозможно. Лучший отряд, пожалуй, можно назвать: отряд номер двадцать семь под командованием Ло Кхеу. Посмотрите их в деле, сами скажете: боевые ребята.

— Конечно, — вступает в разговор командир роты Кхам, — в любом сбитом самолете есть доля каждого орудия, любого бойца и командира. Наш батальон «летучий», действует на территории всей провинции Самнеа. И везде можно найти остатки сбитых батальоном американских самолетов.

— Ну, а на этой позиции, — ловлю командира на

слове, — можно найти остатки от сбитого американского самолета?

— Разумеется, — отвечает Кхам, — километрах в двух отсюда валяются обломки сбитого нами AD-6.

Кхам достает из кармана гимнастерки потрепанную записную книжечку, не спеша перелистывает ее, наконец находит нужную пометку.

— Этот AD-6 мы сбили девятнадцатого мая 1967 года. Летчик — капитан американских ВВС — погиб. Самолет пришел со стороны Пати и намеревался разведать здесь условия для бомбежки деревни, которая располагалась у подножья вон той горы.

...Прощавшись с зенитчиками, мы пошли искать место, указанное Кхамом.

— Идите сюда! — кричит Понг и, подняв с земли длинный сухой прут, бросает его на кучу металлолома.

Вот и все то, что когда-то было самолетом AD-6, принадлежавшим военно-воздушным силам Соединенных Штатов Америки. Обгорелый мотор, два куска крыла, погнутые дюралевые ошметки, смятые остатки приборов с этикетками и инструкциями на английском языке.

Если полистать донесения тех, кто осуществляет проведение операций «особой войны в Лаосе», то наверняка там можно было бы найти сведения о вылете с одной из баз 19 мая одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года самолета типа AD-6, пилотирувавшегося капитаном военно-воздушных сил США. И еще одну запись, где говорилось бы о невозвращении самолета на базу. Может быть, летчика зачислили «пропавшим без вести», а может, семье этого капитана послали аккуратно заполненную стандартку, извещая их о том, что капитан «погиб геройской смертью на посту, выполняя задания командования». Не знаю, вероятно, в стандартном извещении отпечатаны какие-нибудь другие слова, но ручаюсь, что суть его я передал точно. Не верьте этим извещениям, американские матери, сестры, жены и невесты парней, закончивших все счеты с жизнью в джунглях Вьетнама и Лаоса, в небе Вьетнама и небе Лаоса. Как

ни больно вам это слышать, но ничего геройского нет в их гибели.

Они бомбили госпитали. В этом нет ничего геройского.

Они разрушали деревни и города, убивали детей в колыбелях. В этом нет ничего геройского.

Они вторглись на чужую землю, вооруженные современной военной техникой. В этом тоже нет ничего геройского.

Их уничтожал на земле, подбивал в небе народ Вьетнама и Лаоса, вот такие простые крестьянские парни, как в отряде номер двадцать семь. Это настоящие герои.

Мы возвращались «домой», в пещеру. Впереди автоматчик, за ним переводчик Понг, следом все остальные. Не доходя метров двух до дороги, Понг споткнулся о какой-то лист железа. Нагнулся — в траве лежала половинка контейнера от шариковых бомб. Может быть, их сбросил тот самый AD-6?

— Сейчас, — заметил один из автоматчиков, — больше шариковых не бросают. Сейчас у них в корпусе вместо шариков — стальные стрелки.

Эскалация оружия. «Вместо шариков — стальные стрелки».

Я оглянулся назад. Сухой прут, застрявший в обломках самолета, еще чуть-чуть виднелся вдали. В сезон дождей его обязательно смоем. Дожди здесь идут сильные.

За время пребывания в Освобожденных районах Лаоса мне приходилось встречаться со многими бойцами и командирами, руководителями Нео Лао Хак Сат и крестьянами. Они рассказывали о своей жизни, о планах на будущее. Их судьбы — как бы частица судьбы их родины, ее истории, ее борьбы против американских агрессоров и их пособников, за мирный, независимый, нейтральный, демократический и процветающий Лаос.

ЛЮДИ СРАЖАЮЩЕГОСЯ ЛАОСА

БОЕЦ

Вы спрашиваете, где я впервые стал солдатом? — Товарищ Нао, высокий, худощавый, смуглолицый мужчина с мягким, чуть задумчивым выражением карих глаз, нерешительно потер переносицу, прикусил губу и, помолчав несколько секунд, задал встречный вопрос: — А как вы сами понимаете слово «солдат»?

— Мне хотелось бы знать, когда вы пришли в армию, как вы принимали участие в национально-освободительной борьбе.

— Военную форму я надел четырнадцать лет назад, незадолго до подписания Женевских соглашений, но еще пять лет до этого стал считать себя бойцом Нео Лао Хак Сат — правда, тогда он назывался по-другому. В ту пору мне только исполнилось шестнадцать. Родился я на юге, в провинции Атапеу. Там и находится моя деревня Таклеум. Конечно, вы о ней ничего не слышали, но для меня она самая дорогая на земле. Места у нас гористые, красивые, но на красоту как-то внимание не обращали — жить было трудно. Наши хоть и принадлежали к народности лотынг, но все же занимались не только собиранием плодов и охотой, знали и как вести подсечное земледелие. В Таклеум был очень хороший глава деревни по фамилии Диу. Он был знаком со многими людьми из Фронта, настоящими революционерами. Наши семьи дружили, и Диу внимательно ко мне присматривался, разговаривал со мной. Как-то однажды он спрашивает: «Слушай, Нао, хочешь быть бойцом революции?» Я, конечно, ответил «хочу», но не очень ясно представлял себе, что это такое быть «бойцом революции». Оказывается, мне предстояло время от времени служить проводником агитаторов Фронта. Местность нашу я знал очень хорошо. Каждую тропинку, каждое ущелье на многие десятки километров вокруг своей деревни. Как сейчас помню свою первую операцию. Поручили провести ночью из Таклеум в Попей двух человек. Шли двенадцать ча-

сов и ни разу не столкнулись ни с одним карательным отрядом. Сложность-то заключалась в том, что французы знали о работе революционеров и разослали по всей стране карательные отряды своих ставленников. Французы понимали, какую опасность несет их господству работа революционеров-агитаторов. Ведь проходит какое-то время, и там, где действовали агитаторы, возникает политическая организация, и потом начинается вооруженная борьба.

Так в течение пяти лет я служил связным в районе Мынг Сансай. Мне всегда удавалось водить за нос карателей. Потом мне дали рекомендацию, и я вступил в армию патриотов. Был затем в 705-м батальоне, с которым проделал десятисуточный переход из Лаонгиам в Самнеа, куда перебазировались войска Патет Лао после подписания Женевских соглашений. Участвовал в тридцати боях против правых сил, дважды был ранен и получил медаль «Знамя свободы» первой степени. В армии научился читать и писать. Конечно, армия меня многому научила, многое дала. Но если отвечать на ваш вопрос: «Когда я стал солдатом?», то я скажу — в 1949 году, когда дя-дюшка Диу дал мне первое партийное поручение: провести двух агитаторов-революционеров из Таклеум в Попей.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Во Вьентьяне до сих пор помнят это заседание Национального собрания. Шли вторые сутки ожесточеннейших дебатов. Обсуждался вопрос о выдвижении на пост премьер-министра кандидатуры Фуми Саникона. На местах, отведенных для публики, были свободные места, а перед зданием собрания бушевала толпа, полиция забаррикадировала все входы и никого из посторонних не пропускала внутрь. Народ хотел слышать выступления своих представителей — депутатов, избранных от Фронта. Разгар страстей достиг своего накала, когда на трибуну вышла маленькая, хрупкая женщина. Длинные ресницы оттеняли красивой формы глаза, а низкий грудной голос

как-то неожиданно гармонировал со всей ее изящной фигурой и мягкими, плавными движениями рук. Выступала Кампен Буфа — первая женщина-депутат в истории Лаоса, избранная в Луангпробанге подавляющим большинством голосов народа...

Не торопясь, спокойно рассказывает мне Кампен Буфа об этом эпизоде из своей жизни. Заседание Национального собрания, о котором мы вспомнили, было более десяти лет назад, в июне 1958 года. В собрании товарищ Кампен Буфа говорила о положении лаосских женщин, о их невыносимо тяжелой доле, о зверской эксплуатации, о протигуции.

Безусловно, тогда, стоя на трибуне, Кампен очень волновалась, но, смотря в зал, она встречалась взглядом с глазами ласково улыбавшегося ей человека — своего мужа Кампай Буфа, тоже депутата Фронта.

Общественная деятельность Кампен началась в сорок шестом году, и с тех пор она всегда там, где трудно, там, где она всего нужнее. Сейчас товарищ Кампен Буфа — председатель Федерации лаосских женщин, объединяющей в основном крестьянок не только Освобожденных районов страны, но и многих женщин на территориях, занятых правыми силами. Федерация входит в Нео Лао Хак Сат. Работы сейчас невпроворот. Да и когда ее было мало. Кампен Буфа рассказывает о минувших кампаниях времен Сопротивления, о создании фонда «Рис — родине».

— Сейчас, — говорит Кампен, — довольно сложные условия, потому что... — Кампен не успевает закончить фразу.

Раздается адский грохот, и над местом, где мы сидим, проносится американский реактивный самолет. 4-Н делает второй заход, третий, потом скрывается за горизонтом.

— Вот так каждый день над всей территорией Освобожденных районов, — говорит Кампен. — Днем нельзя работать на полях. Женщины трудятся ночью. Ничего, мы переживем — и победим. Вашим женщинам тоже было очень тяжело во время войны, но они же выстояли.

Мы прощаемся с Кампен. Медленно обходя вздыб-

ленные груды желтой глины, выброшенной взрыва-ми бомб, сброшенных американцами, налетавшими на этот район, Кампен уходит по тропинке, держа в руках тетрадку в красном клеенчатом переплете, где записаны неотложные дела, требующие своего решения. А их так много! И откуда только берется столько сил у этой маленькой, хрупкой женщины!

УЧЕНЫЙ

Возможно, Лоо Фунг будет первым представителем народности лаосунг, которому благодарные соплеменники могут еще при жизни поставить памятник. Он достоин этого. Впервые в жизни я встречался с человеком, создавшим письменность для своего народа. Язык народности лаосунг в корне отличается от языка лаолунгов, но его обладатели веками не имели возможности изъясняться при помощи письменности. Гибли замечательные народные сказания, забывались традиции, народ не имел своей самобытной литературы, своих писателей и поэтов. Лет пятнадцать назад, тогда еще сравнительно молодой, Лоо Фунг задался целью создать письменность народности лаосунг. Шли годы напряженной работы. В 1965 году он завершил этот основной труд своей жизни. Обстановка уже тогда была трудная. Начались налеты американской авиации на Освобожденные районы. Фунг жил в то время в провинции Сиенкуанг. Руководство Нео Лао Хак Сат признало деятельность Лоо Фунга чрезвычайно важной для дела революции.

В Освобожденных районах были мизерные запасы бумаги, не хватало типографий, квалифицированных рабочих. А тут нужно создавать новый шрифт, печатать многие тысячи учебников. Но обучение полумиллиона человек новой, созданной Лоо Фунгом грамоте — чрезвычайное задание революции, и оно было выполнено.

— Когда я почувствовал, что «нечто» созданное мною с полным правом, при самом критическом отношении можно назвать письменностью, счастьем, ис-

питанному мною, не было границ, — говорит Лоо Фунг, улыбаясь, и лучики морщинок сбегают к краешкам глаз. — Первое письмо я написал своей жене, потом знакомым и друзьям. Все приходили, спрашивали, что это такое. Я объяснял, растолковывал алфавит. Его сначала переписывали от руки и передавали из дома в дом, из селения в селение. Я ставил своей задачей усилить узы братства между своим лаосунгским народом и основной народностью нашей страны — лаолунгской, имеющей свою письменность. Так, за основу я взял лаолунгский алфавит, но так как в нашем языке звуков больше, то пришлось выдумать десять новых букв.

Получив в своей работе горячую поддержку руководства Фронта, Лоо приступил к организации курсов по подготовке преподавателей лаосунгской письменности. На них занимались в основном учителя начальных школ, знавшие лаосунгский язык. Фактически им нужно было выучить всего десять новых букв! После этого можно было идти и обучать народ. Тяга к овладению письменностью была колоссальная. За грамоту взялись старики, многосемейные матери, бойцы и офицеры армии. Фронт отпечатал учебники и разослал по всем Освобожденным районам.

Товарищ Фунг решил взяться за решение еще одной проблемы: подготовить первый словарь лаосунгского языка. Времени мало, приходится работать ночами. Он же еще член ЦК Фронта, отвечает за вопросы исследования быта народности лаосунг. Я думаю, что Кирилл и Мефодий работали в более легких условиях, создавая нашу азбуку. Во-первых, им не приходилось испытывать на себе варварские бомбардировки американской авиации. Во-вторых, Кирилл и Мефодий трудились вдвоем. С другой стороны, Лоо Фунг опирается на Нео Лао Хак Сат. А без такой поддержки что мог бы сделать ученый-одиночка, даже такой мудрый, как Лоо Фунг? •

ПРОСТО МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК ПО ИМЕНИ ЭК

Мы виделись с ним регулярно не реже двух раз в день. По крайней мере каждое утро он, не спеша

шагая по деревянным ступеням стремянок, поднимался ко мне в пещеру и с чувством собственного достоинства степенно произносил: «Сабайди сахай» («Здравствуйте»). Я отвечал ему: «Сабайди». Потом он что-то начинал мне рассказывать — наверное, самые последние новости. Побеседовав с иностранным гостем, он брал автомат и отправлялся осматривать ближайшие окрестности. Совершив традиционный обход местности, он вешал автомат на ветку около тропинки, а сам принимался исследовать воронки от авиабомб. Путники, проходившие по тропинке, задевали автомат, тот качался, рискуя оборваться с ветки. Но это было не опасно, потому что автомат был деревянный. Владелец сам вырезал его из старой доски из-под снаряжного ящика. Владельцу исполнилось недавно семь лет, и звали его Эк.

Эк родился, когда война в Лаосе давно шла. Когда он стал что-то соображать, над его головой уже летали американские самолеты и бросали бомбы. Эк не знает, что на земле есть места, где люди живут в домах с крышей и не прячутся днем в пещерах. Он по звуку может отличить «фантом» от «тендерчи-фа», и когда прилетают американцы, забивается в угол пещеры и затыкает пальцами уши. Эк любит конфеты, только ел он их очень мало в своей жизни.

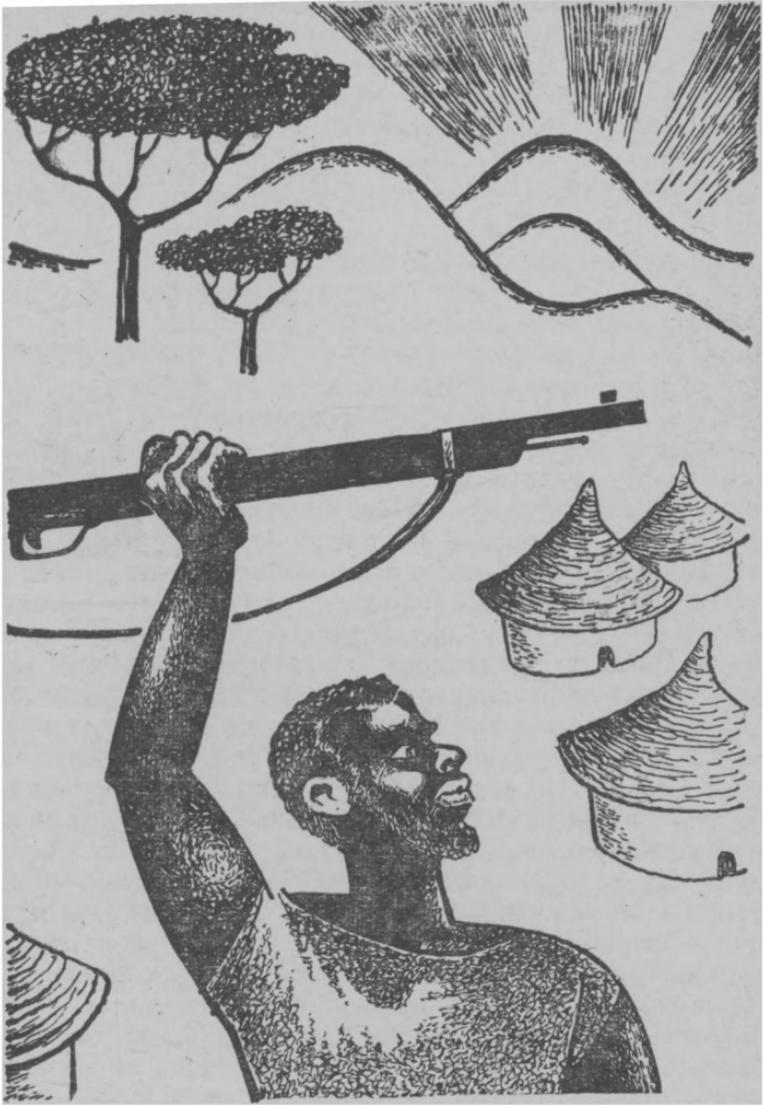
А еще Эк любит петь песни. Вечером, когда в пещерах зажигают свет, Эк приходит ко мне и поет все песни, которые знает. У него есть одна песня про любовь. Это взрослая песня о том, как парень предлагает руку и сердце девушке, а вместе с рукой и сердцем — свою любовь. Все остальные песни не про любовь, а про войну. Про то, как лаотянские зенитчики сбивают американские самолеты, и про победу патриотов на плато Пати. Эти песни тоже сочинили взрослые люди, но в них все Эку понятно. Детских песен Эк не знает, потому что вокруг пещеры, где он живет, детей нет. Есть зенитчики, есть автоматчики, приезжают иногда иностранные гости, а детей нет. Вот закончится в Лаосе война...

Когда вечером Эк уходил от меня спать, то всегда говорил: «Лаа кон», что значит «до свидания».

Я тоже отвечал ему: «Лаа кон, Эк». Когда же я покидал гостеприимных хозяев, уезжая из Освобожденных районов Лаоса, то Эк произнес на прощание какие-то другие слова, а не «лаа кон», как обычно. Я попросил Понга перевести, и Понг объяснил, что Эк сказал: «До победы». Я помахал ему из «газика» рукой и крикнул по-русски: «До победы, Эк!» Думаю, что он меня понял.

*Освобожденные районы Лаоса.
Ноябрь 1968 года*

СЛУШАЙТЕ! ЗВУЧАТ БАРАБАНЫ...

ДВА ГОДА СПУСТЯ

се было как в мае 1966-го. Опять командир отряда осматривал у бойцов автоматы и ручные пулеметы, опять носильщики отдыхали в тени большого баобаба, и тюки груза, которые им предстояло нести много часов, были аккуратно уложены на подстилке из сухих пальмовых листьев. Я знал, что через несколько минут мы, пройдя по стволу громадного дерева, перекинутого над небольшой речушкой, углубимся в джунгли и пойдем по тропе, ведущей к освобожденной территории Гвинеи (Бисау). А километрах в двух от лагеря по правую сторону появится полуразрушенная, сложенная из камней пирамидка, когда-то служившая пограничным знаком между двумя странами. Вытянувшись индейской цепочкой, примемся шагать след в след, освещая себе фонариками дорогу, чтобы не ушибить обутое в кеды ноги о многочисленные пеньки и твердые как камень грибочки муравьиных домиков. И снова, как два года назад, начнем отсчитывать километр за километром, без отдыха и привалов, оставившаяся только, чтобы выкурить сигарету или наполнить опустевшую фляжку водой из ручья.

Правда, в этот раз в группе было не 12, а 30 автоматчиков и число носильщиков увеличилось вчетверо. С нами шли четыре новичка, впервые вступающие на освобожденную территорию юга Гвинеи (Бисау), — операторы Центральной студии документаль-

ных фильмов Юрий Егоров и Алексей Константинович Бабаджан, специальный корреспондент «Известий» Анатолий Никаноров и заместитель главного редактора болгарской газеты «Народна армия» полковник Николай Ангелов Бозев.

Перед началом похода мы встретились с генеральным секретарем ПАИГК — Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса, — товарищем Амилкаром Кабралом и в основных чертах договорились о программе нашего пребывания в стране, о том, какие эпизоды нам нужно отснять для будущего фильма о жизни и борьбе народа Гвинеи (Бисау). Решили, что первую половину отведенного нам времени потратим на знакомство с мирной жизнью юга страны, а потом перебазирuemся на север, где нам предоставят возможность увидеть боевую жизнь армии и даже военные операции против португальских колонизаторов.

Так с первого момента работа шла по намеченному плану. Практически местность, по которой двигалась экспедиция, была вполне безопасна, и мы могли не опасаться неожиданной встречи с какими-либо отрядами салазаровцев. Они не высывали носа из своих фортов; и если два года назад португальское командование утверждало, что контролирует местность радиусом в 10—15 километров вокруг каждого форта, то сейчас они не могли похвастаться и этим.

Правда, в первый день, во время перехода через район Кубисек, руководитель нашей экспедиции Жозе Перейра вдруг неожиданно для меня передал по цепи приказ не разговаривать, не курить и двигаться, потушив фонарики. Причина была в том, что нам необходимо пройти незамеченными между двумя португальскими фортами, свет которых виднелся и слева и справа километрах в четырех от нашей тропы. Я заподозрил подвох, но промолчал, и только через месяц, вспомнив об этом случае, спросил у Жозе, чем было вызвано его распоряжение, неужели в тот момент существовала какая-то опасность для нашей группы. Жозе рассмеялся. «Что ты, закончив съемки на юге, мы же возвращались по этой самой тропе

днем и шли совершенно спокойно, не думая ни о каких португальцах. Просто в ту ночь мне стало обидно смотреть, как ваши товарищи понапрасну расходуют батарейки своих фонарей, в то время как можно было спокойно идти при лунном свете. Ну, а насчет курения и разговоров — это я прибавил для пущей важности». Мы оба рассмеялись. Действительно, на том участке, где проходила первая половина нашего пребывания в Гвинее (Бисау), увидеть португальцев можно, только явившись в один из их укрепленных гарнизонов или же наблюдая, как высоко в небе время от времени шныряли их самолеты, отправляясь на очередную бомбежку сел и деревень Освобожденных районов.

В нашей печати неоднократно сообщались эти цифры: «1966 год — патриоты освободили 50 процентов национальной территории, 1968 год — освобождено две трети территории Гвинеи (Бисау). Можно сказать, что я получил возможность физически ощутить это самое увеличение на одну треть освобожденной территории. В 1966 году наш маршрут должен был пролегать недалеко от района гарнизона Буба, но поступили сведения, что где-то поблизости действуют карательные португальские отряды. Пришлось обойти гарнизон с южной стороны и двинуться дальше на запад по направлению к Кабукаре. Сейчас же мы расположились на 12 дней в районе Буба, спокойно занимаясь своим делом: брали интервью, снимали учебу детей в школах, разговаривали с председателями партийных комитетов селений, или, как их здесь называют, табанок, наблюдали, как на опытных полях сажают маниоку, смотрели, как ребята молотят рис, и принимали в лагере экспедиции многочисленных гостей из самых отдаленных табанок, — некоторые шли 15—20 километров, чтобы поприветствовать друзей из очень далеких, но хорошо им знакомых Советской страны и Болгарии.

Говоря о том, что народ Гвинеи (Бисау) хорошо знает нашу страну, я не погрешил против истины. Социалистические страны и в первую очередь

Советский Союз много помогают ПАИГК в деле подготовки национальных кадров. Если еще два года назад из Москвы, Киева и других городов Советского Союза возвращались на родину лишь первые люди, закончившие различные училища и курсы, то сейчас таких молодых специалистов насчитывается многие и многие десятки. Выпускники Университета дружбы народов работают главными врачами госпиталей, старшими агрономами районов, бывших слушательниц медицинских курсов в Киеве можно встретить почти в каждом подразделении Армии освобождения, в больницах и полевых лазаретах.

Как правило, селения состоят из 8—12 хижин, и практически разместить в нескольких маленьких хижинах селения почти сотню людей нашей группы не представлялось никакой возможности. Но гостеприимные хозяева делали все, чтобы облегчить нам работу. Лагерь всегда разбивали в лесу неподалеку от какой-нибудь табанки. Вечером приходили представители партийного комитета, и совместно с ними мы разрабатывали программу работы на следующий день.

Во время первого же перехода меня поразил вид покинутых табанок. По деревенской площади бродили куры, забравшись в тень, дремали собаки, но не видно было ни одного человека. Мы проходили одну табанку, вторую, третью и везде наблюдали ту же самую картину. Оказывается, жители, как только начинало рассветать, собирали свой скарб, брали на руки детей и спешили в лесные убежища, потому что в последние пять-шесть месяцев португальцы стали применять в Освобожденных районах новую варварскую тактику — тактику выжженной земли. Лишь в отдельных районах у Армии освобождения имелись зенитные установки. На большей же части территории, с которой были изгнаны колонизаторы, не было необходимых средств для отпора воздушным стервятникам. Вот над этими районами и кружили ежедневно на большой высоте португальские самолеты-разведчики. Заметив женщин, работающих на рисовых полях, или детей, идущих в школу, тотчас же посы-

дали в Бисау донесение: «Обнаружен противник». Со столичного аэродрома поднимались в воздух вертолеты с вооруженными до зубов десанниками, вылетали реактивные самолеты-бомбардировщики. Достигнув указанного места, они сбрасывали бомбы. Бомбы зажигательные, бомбы осколочные, бомбы, начиненные напалмом. К моменту окончания бомбежки поспевали вертолеты. На вспаханную взрывами землю высаживался десант, и начиналась операция по прочесыванию местности. Все живое уничтожалось. Не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. Подобная тактика геноцида была полностью перенята салазаровцами у американцев, применяющих те же самые методы в Южном Вьетнаме.

Португальская политика уничтожения мирного населения ставит своей целью деморализацию жителей Освобожденных районов. Но салазаровцы просчитались, не приняв во внимание важнейший фактор — цементирующую роль ПАИГК, которая проводит колоссальную работу по организации мирной жизни населения Освобожденных районов, применяет свою тактику, сводя на нет все замыслы португальских колонизаторов.

Два года назад я наблюдал процесс становления вооруженных сил страны, когда партизанские отряды, плохо обмундированные, с разношерстным вооружением, еще преобладали над отрядами регулярной освободительной армии. Сейчас же существуют три четко организованные силы, сражающиеся против поработителей и охраняющие мирный труд в Освобожденных районах: регулярная армия, милиция и вооруженный народ.

На обширных просторах района Юга, где проходила наша первая половина пути, патриоты — полновластные хозяева положения и португальцы уже давно не осмеливаются совершать сухопутные вылазки из своих гарнизонов.

Новая жизнь пустила глубокие корни на освобожденной земле. Не будет преувеличением сказать, что на двух третях территории Гвинеи (Бисау) уже сложилась новая структура общественных отно-

шений, существует очень прочная, поистине народная власть. Как-то раз я спросил у одного из руководителей ПАИГК: кто стоит во главе партийных комитетов, как они избираются? В основном, последовал ответ, это люди, которые уже много лет участвуют в борьбе против португальцев, которые вели пропагандистскую и агитационную работу в период мобилизации масс. Это те члены партии, которые в 1961, 1962, 1963 годах ходили из табанки в табанку, разъясняя своим соплеменникам цели и задачи предстоящей борьбы, объясняя массам необходимость вооруженного восстания против португальских колонизаторов. В то время еще некоторые сомневались, некоторые даже отказывались слушать агитаторов. Приходилось вести долгую, кропотливую работу, прежде чем большинство народа убедилось в правильности выработанной партией линии. Сейчас эти люди и составляют костяк партийных руководителей на местах, те, кто проводит в табанках политику партии.

Вот, пожалуй, главный вывод, который напрашивался после первых 15 дней нового визита на юг Гвинеи (Бисау): за два минувших года еще больше возросла и укрепилась роль ПАИГК в организации жизни гражданского населения на освобожденных территориях.

Впереди нас ждал поход на боевые участки северного фронта Гвинеи (Бисау). Несомненно, что мы с колоссальным нетерпением ожидали начала второго, самого интересного этапа нашей экспедиции, потому что в тех местах не бывал еще ни один советский журналист.

ТРИ СУДЬБЫ

БОЕЦ ФРАНСИСКА ПЕРЕЙРА

В первый раз я услышал о ней пять лет назад, когда работал корреспондентом в Бразилии. Из Москвы, с Всемирного конгресса женщин вернулась на родину бразильская делегация. Одна из моих

знакомых, делясь впечатлениями о конгрессе, выражала свое восхищение выступлением представительницы борющегося народа Гвинеи (Бисау): ее мужеством, революционной стойкостью, непоколебимой решимостью отдать все свои силы делу освобождения родины от португальских колонизаторов. Бразильская делегатка в маленьком блокноте записала имя подруги из Гвинеи (Бисау): «Фанта Камара».

Потом, перелистывая комплект журнала «Советская женщина» за 1963 год, я натолкнулся в девятом номере на небольшую заметку о Фанте Камара. Рядом был помещен ее портрет, выполненный польской художницей Ольгой Имбербвич.

...Март 1968 года. Мы расположились лагерем около селения в районе Кабукаре. Одолевали москиты. Ночью было довольно прохладно, но, как только солнце забралось на самую верхушку ослепительно голубого небосвода, воздух заполнился тонким жужжанием тысяч мошек, укрыться от которых было практически невозможно. Теоретически между полуднем и тремя часами дня работать в такой обстановке нельзя. Однако избытком времени наша группа не располагала, и волей-неволей приходилось использовать даже самую жаркую часть дня для бесед с бойцами, знакомства с людьми, принимавшими участие в подготовке вооруженного восстания против португальских колонизаторов, съемок новых эпизодов для будущего фильма о Гвинее (Бисау). Диктофонные ленты заполнялись новыми и новыми записями, блокноты пухли от полученных сведений.

Среди местных товарищей, с которыми хотелось бы встретиться, одной из первых в записной книжке стояло имя Фанты Камара. Хотелось узнать о ее дальнейшей судьбе. Я спрашивал о ней у руководителей партии, у командиров партизанских отрядов, у председателей партийных комитетов табанок, где мы останавливались. В ответ собеседники лишь пожимали плечами и отвечали, что никогда не слышали о женщине, носящей такую фамилию. Желая как-то сгладить мою неудачу, друзья рекомендовали мне массу новых героев и героинь освободительной борь-

бы. Вот и в этот день меня обещали познакомиться с отважной женщиной, которую знают в каждой табанке южного района страны, потому что она отвечает за медицинское обслуживание межрайона Юг.

— Компаньеро Олег, познакомься: это Франсиска Перейра.

Сидевшая с книгой в руках на груди сухих пальмовых листьев молодая, подтянутая женщина в военной форме поднялась, протянула мне маленькую крепкую руку:

— Франсиска. Очень приятно.

— Что это за книгу ты читаешь, Франсиска? — спросил я, еще не зная, как начать разговор.

— А, так. «Дипломатический этикет».

— ??

— Случайно попалась под руку, когда недавно собиралась сюда из Конакри. Между прочим, издано у вас, в Москве, в издательстве «Международные отношения». Конечно, подобная литература мне сейчас никакой пользы не принесет, но если нет с собой учебника терапии или хирургии, то и об этикете полезно почитать. Например, разве нам здесь, в джунглях, не интересно знать, что «...поднимаясь по лестнице, мужчина должен идти на шаг впереди, а спускаясь, пропустить даму на шаг вперед», — и Франсиска засмеялась.

— Скажи, Франсиска, а учебники по медицине нужны для сдачи экзаменов или просто так, для самообразования?

— Можно назвать это и самообразованием, но, откровенно говоря, они нужны как воздух для ежедневной практической работы. Я ведь всего два года назад закончила годовичные курсы медсестер у вас, в Советском Союзе, в Киеве. Трудно было. Назначили меня руководительницей группы наших девушек из тридцати человек. Подготовка у них не ахти какая — все из деревень. Преподаватели объясняли нам предметы на русском языке, переводчики переводили на испанский, я записывала по-португальски и затем излагала девушкам на креольском наречии.

Ужас как было трудно! К тому же еще программа сложная, а сроки сжатые. Вот и приходится сейчас наверстывать. Подождите минуточку. Ко мне пришли.— Франсиска встала и направилась к появившейся у опушки леса женщине с ребенком за спиной. Минут через пять она вернулась, озабоченная.— Это из соседней табанки. Двое ее старших сынишек заболели. Горло распухло, глотать не могут. К вечеру обещала достать лекарства и пойти посмотреть больных детей.

— Это входит в обязанности ответственной за медицинское обслуживание?

— Нет, но что делать, если врачей не хватает. Мы только еще готовим кадры, потому что при португальцах здесь вообще ни о каком медицинском обслуживании не знали. Все приходится начинать с нуля. На этом участке я всего несколько месяцев и чувствую, что даже в шестьдесят втором году, когда я занималась работой среди женщин и только-только разворачивалась вооруженная борьба в нашей стране, — даже тогда было намного легче.

«Может быть, — подумал я, — вот кто мне скажет, где найти героиню очерка журнала «Советская женщина»? Если Франсиска занималась женским движением в период мобилизации, то она могла знать, где сейчас находится делегатка конгресса Фанта Камара».

— Скажи, Франсиска, — спрашиваю я с надеждой в голосе, — ты не знаешь, как мне разыскать одну очень боевую женщину? Она активно участвовала в работе партии в первые годы ее деятельности, пользовалась большой популярностью, была участницей конгресса в Москве. Зовут ее Фанта Камара.

Франсиска удивленно посмотрела на меня:

— Какая же это боевая женщина? Таких, как она, у нас масса. Вот Кармен Перейра — это действительно героиня. Или возьмем, к примеру, Титину. Она отвечает сейчас за медицинское обслуживание населения района Северного фронта. О ней можно книгу написать. А Фанта Камара ничем себя особенно не проявила. Выполняла то, что ей поручали, — и все.

Откровенно говоря, я заподозрил Франсиску в чувстве зависти.

— Конечно, это твое право, — заявил я, — сказать, где я могу отыскать ее, или не говорить. Но мне хотелось бы все же с ней встретиться.

Франсиска вздохнула:

— А что ее искать? Фанта Камара — моя подпольная кличка. Под этой фамилией я ездила на конгресс женщин в Москву, и под портретом в журнале тоже написали «Фанта Камара». Только я тебе повторяю: ничего особенного я не делаю. Когда в следующий раз будет время побеседовать, то я тебе расскажу о стольких героических женщинах нашей страны, что все блокноты заполнишь записями. Только сейчас некогда беседовать, потому что нужно к четырем часам поспеть в одну из табанок, где меня ждут медсестры, а вечером я обещала пойти с лекарствами к той женщине, у которой дети заболели.

Франсиска сунула книжку в планшет и поднялась. Место, где мы сидели, было немного покатое, и я, вспомнив наставление из «дипломатического этикета», пропустил ее на шаг вперед. Франсиска кивнула и, поправив висевший сбоку в кобуре пистолет, сбежала с холмика.

— Одну минутку, Франсиска! — крикнул я и, открыв объектив аппарата, сделал пару снимков. — Если давать материал для печати, то как тебя называть — Фанта Камара или Франсиска Перейра?

— Фанта Камара была, когда мы начинали борьбу, а сейчас мы ходим как хозяева по нашей земле. Сейчас я Франсиска, — последовал ответ. — Только все это совсем не нужно, писать обо мне. Подумаешь, «тема»!

Франсиска помахала на прощание рукой и пошла проводить инструктаж с медсестрами.

Солнце примостилось на самой верхушке ослепительно голубого небосвода. В воздухе стояло тонкое жужжание тысяч мошек. До табанки, где ждали медсестры, было четыре часа ходьбы. Двадцать километров...

От этого проклятого солнца было невозможно спрятаться. Редкая листва хилых деревьев почти не отбрасывала тени, а навесов в этот раз решили не делать, потому что выступать в поход часа через два.

Пристроившись у тюков с грузами, мы с Марселино вели неторопливую беседу, продолжая каждый заниматься своим делом: я обматывал лейкопластырем кассеты с отснятой фотопленкой, он в который раз чистил автомат.

— Вот ты спрашиваешь, — говорил Марселино, — почему ко мне с таким уважением относятся бойцы даже тех отрядов, где до этого меня никто из них и в глаза не видел. Подвигов я никаких не совершал, в атаках на португальские гарнизоны не участвовал и звания команданте не имею. А причиной тому — мое прошлое. Несколько лет назад, хочешь верь — хочешь нет, имя Марселино Константино Перейра Баретто да Коста гремело по всем городам Гвинеи (Бисау). В то время спросил бы кого-нибудь в Бисау, кто такой Марселино или задал бы вопрос кому-нибудь из Габу или Бофата: «Знаете ли вы Марселино да Коста?» — тебе сразу же ответили бы: «Кто не знает Марселино! Это же один из лучших футболистов на всем Африканском континенте».

Марселино замолчал, принявшись усердно продувать спусковой механизм автомата, затем посмотрел вокруг и крикнул:

— Компаньерос, у кого есть близко ружейное масло?

Два бойца тут же принялись искать в своих мешках масленки и поспешили вручить их Марселино.

Аккуратно собрав автомат и сдунув с него несуществующие пылинки, Марселино осторожно прислонил его к дереву.

— Ты что ходишь со старым ППШ? — заметил я. — Взял бы себе новый автомат системы Калашникова.

— Чудак ты человек, — усмехнулся Марсели-

но, — это же знаменитый ППШ номер 3460216. Я его даже на безоткатное орудие не променяю. Это память о тех далеких временах...

* * *

Тогда, в начале шестидесятых годов, борьба в основном велась на юге, и хотя первое вооруженное нападение на португальских колонизаторов было совершено на северной дороге от Мансаба до Лосато, все же первые Освобожденные районы появились опять-таки на юге. В то время приходилось пересекать границу с юга и идти пешком два, три, четыре дня, обходя табанки, преодолевая широкие, многоводные реки, питаясь кореньями, диким медом. И первое оружие и первые боеприпасы тоже приходилось доставлять с юга.

Сейчас в каждой табанке, в каждом партийном комитете табанки вы сможете встретить людей, которые были активными участниками периода мобилизации, периода организационной и агитационной работы среди населения, тех, кто создавал первые отряды. Марселино был одним из таких ветеранов революционного движения.

Он родился в семье административного служащего в городе Бисоран на севере Гвинеи. Его родители считались людьми привилегированного класса, так как обладали португальским гражданством. Дело в том, что если кто-то в семье местных жителей работает на административной должности, то португальцы «поощряли» такого человека, жалую ему звание гражданина Португалии. Имея бумажку от властей, местный «португалец» пользовался «всеми» благами цивилизации, то есть мог поступить в одну из немногочисленных начальных школ.

Марселино воспользовался этой возможностью: ему удалось не только окончить шесть классов школы, но и некоторое время проучиться в коммерческом училище, пока обстоятельства не заставили его пойти работать. Бисау и Бафата, Була и Бантэ — Марселино исколесил всю страну, выполняя ком-

мерческие поручения своего дяди, закупая мед, арахис, рис. Все свободное время он уделял футболу, имея контракт со «Спортинг клуб», с «Футбол клуб Була» и другими спортивными организациями. Можно сказать, что Марселино не испытывал таких финансовых и материальных затруднений, как большинство его соотечественников. У него было все: популярность, любовь зрителей, даже деньги. И чем больше он ездил по стране, чем чаще сталкивался с португальцами, тем быстрее крепла уверенность в том, что народ Гвинеи (Бисау) должен подняться на борьбу против колонизаторов. Марселино не знал, как нужно действовать, что необходимо предпринимать. Но вот однажды он услышал о каком-то необычном спортивном клубе в столице Гвинеи (Бисау). Во главе клуба стоял уважаемый агроном Амилкар Кабрал. Но не спортивные состязания, не любовь к футболу привели Марселино в Бисау к Кабралу. Марселино узнал, что Кабрал подбирает людей для будущей организации, которая сможет возглавить борьбу народа Гвинеи (Бисау) за свое освобождение. Рождалась партия — ПАИГК.

Однако вскоре в ряды патриотов проник доносчик, часть членов клуба была арестована. Марселино удалось скрыться и добраться до Конакри.

После того как Марселино в первый раз покинул территорию своей страны, ему уже больше не удавалось выходить на зеленые футбольные поля. Да он и не жалел об этом. Работа по подготовке вооруженного восстания целиком захватила его. И вот в июне 1963 года Марселино вместе с одним товарищем переходит границу, чтобы вести в Гвинею (Бисау) подготовку к вооруженному восстанию. К этому времени на юге борьба длилась уже целых шесть месяцев. Но север находился на особом положении. Очень трудно было организовать базы в северных районах. Если сейчас личный состав одной бигруппы — 56 бойцов, 56 хорошо вооруженных, хорошо обученных парней, 56 одетых в форму солдат освободительной армии, то тогда, в 1963 году, знаете, каким оружием располагала база, или, как тогда называ-

ли, пост? Всего-навсего двумя автоматами ППШ, одним чешским пистолет-пулеметом и ящиком с гранатами. На каждом посту — всего 15 человек. Можно было встретить в каждой группе несколько человек, вооруженных пистолетами. Остальные же были вооружены обычными ножами — торсадос. Так начинали борьбу на севере.

— Вот в тот первый нелегальный переход границы я тащил на себе оружие для одного из постов, — продолжил свой рассказ Марселино. — Два десятка гранат и автомат ППШ. Этот самый автомат № 3460216. С тех пор я не расстаюсь с ним. А ты говоришь: «Возьми новый, системы Калашникова». В какие только переделки мы с моим ППШ не попадали — и все ничего! Понимаешь, почему я так забочусь о нем?

— Марселино! — Какой-то человек в военной форме появился на краю поляны в сопровождении двух пареньков лет по семнадцати.

— Это заместитель председателя комитета соседней табанки, — сказал мне Марселино. — Пойдем, я познакомлю тебя с ним.

Мы подошли к вновь прибывшим.

— Слушай, Марселино, эти пареньки, Жозе Пирис и Кева Самбу, убежали из Катю, там сейчас салазаровцы проводят мобилизацию молодежи в армию.

Я с любопытством посмотрел на юношей. Они резко отличались от окружавших нас все эти дни бойцов и жителей окрестных табанок. Их городская одежда была довольно потрепана и порвана за время скитаний по джунглям.

Из городишек Гвинеи (Бисау) молодые люди десятками бежали в джунгли, к бойцам Освободительной армии, не желая служить в салазаровских частях. Но эти двое, Пирис и Самбу, входили, можно сказать, в число привилегированной молодежи. Португальцы организовали в населенных пунктах, еще находящихся под их контролем, а также в столице Бисау спортивную организацию «Мосидаде» («Молодость»), в которую вовлекали четырнадцати-пят-

надцатилетних юношей. Там они занимались гимнастикой, им давали бесплатное обмундирование, учили в католической школе и всячески внушали мысль о том, что Португалия является благодетелем их родины и что те, кто выступает против салазаровцев, должны быть уничтожены. Короче говоря, из членов организации «Мосидаде» готовили обычное пушечное мясо для защиты колониальных интересов португальской империи.

И Пирис и Самбу провели несколько лет на казарменном положении в организации «Мосидаде». Но правда о событиях в стране проникла и сюда. Когда португальцы решили, что у очередной партии членов «Мосидаде» завершена «промывка мозгов», они объявили о призыве в армию. Однако расчеты салазаровцев не оправдались. Большинство из группы Пириса и Самбу приняли решение уйти на освобожденную территорию. И вот сейчас они направляются в один из центров армии патриотов, чтобы сражаться на стороне своего народа.

Ребята рассказали мне все это позже, когда мы сидели у костра, поджидая прихода проводника из дальней табанки. В первый же момент нашего знакомства они не обратили на меня никак. о внимания, а с необычайным почтением взирали на Марселино. Наконец один из пареньков робко обратился к моему спутнику:

— Это вы тот самый Марселино да Коста?

— Конечно, я тот самый Марселино да Коста, — ответил с достоинством Марселино. — Тот самый известный во всей Гвинее (Бисау) футболист Марселино да Коста!

— А-а, — разочарованно протянули ребята. — Мы думали, что вы «Марселино с ППШ», тот самый Марселино, о котором рассказывают, что он имеет заветный автомат-талисман.

Тут мне в первый и последний раз пришлось увидеть, как смутился наш Марселино.

— Какой там талисман... — пробормотал он и махнул рукой. — Просто я дал слово расстаться с этим ППШ только в день окончательной победы.

Пришел проводник. Пареньки попрощались и отправились на базу. Нас же ждал другой маршрут, в глубь страны.

О встрече с Пирисом и Самбу у меня в блокноте остались записи на нескольких листочках. Вверху одного из них крупными буквами приписаны два слова: «Кнут и пряник». Это я сделал заметку просто так, для памяти. Потому что когда через несколько дней мы проходили через табанку, сожженную португальской авиацией, то Марселино кивнул в сторону обугленных остовов хижин и произнес только одно слово:

— Кнут.

— Что? — не понял я. — Какой кнут?

— Кнут, — говорю. — Разные там организации, «Мосидаде» и им подобные, — пряник, а вот это кнут.

* * *

Мы шли и шли по освобожденной земле Гвинеи (Бисау). Впереди отряд автоматчиков, за ними носильщики, потом наша группа, затем снова автоматчики. Марселино шагал легко и свободно, а за спиной у него висел неизменный ППШ № 3460216.

СИЛВИНО ДА ЛУС С ОСТРОВА САО-ФРАНСИСКО

У Силвино смуглый цвет лица, небольшая окладистая бородка. Добрые глаза задумчиво глядят на собеседника сквозь толстые стекла больших очков. Мы сидим друг против друга в плетеных креслах-качалках на веранде одного из домов недалеко от центра столицы Сенегала города Дакар. Сидим и беседуем. Вернее, говорит Силвино, а я лишь изредка спрашиваю, предоставив диктофону возможность записывать ответы моего собеседника.

Силвино — один из руководителей ПАИГК.

Родился и вырос он на одном из островов Зеленого Мыса. Если посмотреть на карту, то можно обнаружить это название — острова Зеленого Мыса. Однако места, где прошла юность Силвино, конечно, сколько бы ни искали, не увидите. Это маленький

островок Сао-Франсиско. При желании его можно без особого труда за день обойти. Теплые воды Атлантики со всех сторон омывают родную землю Силвино. Даже в спокойную погоду красавицы пальмы не перестают еле слышно шуршать зелеными шапками листьев, в тени которых ярко раскрашенные птицы вьют гнезда и выводят птенцов. Люди из Сао-Франсиско выращивают арахис, сажают кукурузу, снимают урожай маниоки, апельсинов, ловят рыбу и очень любят свою землю, которая им не принадлежит.

На этих островах, как и в Гвинее (Бисау), как в Анголе и Мозамбике, хозяйничают колонизаторы из Португалии. Хозяйничают уже многие десятилетия, и поэтому ни красивая земля, ни благодатный климат не приносят счастья жителям островов Зеленого Мыса. Обделен счастьем и маленький Сао-Франсиско.

Можно сказать, Силвино повезло — ему удалось окончить семь классов. Отец умер, когда Силвино был совсем маленький. У матери осталось трое детей: две девочки и Силвино. Мать выбивалась из сил, стремясь дать им образование. Но вот, казалось, первый этап трудностей позади. В 1959 году Силвино закончил школу. Мечтал о профессии врача. Для этого нужно было покинуть острова и попытаться поступить в португальский университет Коимбра. На островах Зеленого Мыса существовало такое правило: если юноша закончил школу, набрал определенное количество баллов, то он мог подавать документы на получение стипендии для поступления в университет.

Полный радужных надежд, крепко зажав в руке собранные справки, юноша является в португальскую администрацию. Чиновник конторы смотрит на паренька:

— Тебе что?

— Я, сеньор, принес документы об окончании школы. Хочу ехать в Португалию заниматься на медицинском факультете.

— Как твое имя?

— Силвино да Лус.

— Где работает твой отец?

— Он умер, сеньор, много лет назад.

— А мать?

— Она выполняет разную работу.

— Поденщица, что ли?

— Да, сеньор.

— Откуда же ты собрал деньги на поездку?

— У меня их нет, сеньор. Я хочу получить стипендию.

— Думаешь у нас в Португалии своих оборванцев не хватает?

Силвино еле сдерживал себя.

— Но ведь существует правило: кто хорошо окончил школу, имеет право на стипендию.

— Хорошо, оставь документы. Месяца через два зайдешь.

Прошло два месяца, еще один. На исходе четвертый. Его одноклассники, дети местных португальских чиновников, сын владельца рыбацких шхун, уже готовились в дорогу. Силвино перестал ждать. Но однажды директор лицея Балтазар Лопес да Силва встретил юношу.

— Слушай, Силвино, пришел ответ из Лиссабона в отношении тебя. В этом году нет мест в университете. Все вакансии заполнены. Придется подождать еще год.

Силвино больше не тешил себя надеждой получить университетское образование. Но все-таки на следующий год опять подал документы. Повторилась та же история.

Но время не прошло даром. В жизни юноши произошли большие перемены. Он вступил в ПАИГК. В то время партия еще делала первые шаги. Как-то с Африканского материка приехал один товарищ, устроившийся работать на одном из островов. Спокойный, отзывчивый характер приезжего позволил ему быстро завести много друзей. Среди них был и Силвино. По вечерам они собирались на берегу океана, пели под аккомпанемент гитары песни на родном языке и беседовали о том, как живет народ, почему кругом столько несправедливости, почему их судьбой должны распоряжаться португальцы, — «почему» бы-

ло много. Наконец наступило время на все «почему» дать ответ. И тогда друзья стали говорить и о борьбе.

Безусловно, на маленьких островках не могут храниться большие тайны. О собраниях молодых людей стало известно португальским властям; приезжему пришлось скрыться, но брошенные им семена дали хорошие всходы.

Имя Силвино португальские власти занесли в черный список. И кто знает, как сложилась бы его судьба. Но тут подошло время отправляться на военную службу. Все жители Португалии и ее колоний, имеющие среднее образование, — а там средним образованием считается семь классов школы — обязаны во время прохождения военной службы получить офицерскую подготовку и звание офицера запаса. Таким образом, когда наступило время призыва, Силвино отправили в Лиссабон и послали в школу по подготовке офицеров охраны общественного порядка. Она находилась в Мафре. Кто когда-нибудь бывал в этом местечке, то обязательно обращал внимание на довольно странный монастырь. В одной части его обитают монахи, а другая занята салазаровскими военными. Здесь расположена военная школа.

Декабрь 1960 года. Около военной школы в Мафре стоит несколько черных лимузинов с армейскими номерами. В низком кирпичном здании заседает комиссия по распределению выпускников офицерской школы.

— Кто следующий? — спрашивает председатель.

— Силвино да Лус, — говорит секретарь, просматривая личные дела курсантов.

— Откуда он?

— Из заморских территорий. С островов Зеленого Мыса.

— Есть дополнительные данные?

Секретарь усмехается:

— Целая папка донесений секретной полиции. ПИДЕ располагает данными, что этот курсант — активный член нелегальной организации ПАИГК.

— Данные местных осведомителей или присланы с островов?

— Всякие. Здесь он вел подозрительные разговоры среди курсантов из Анголы и Гвинеи (Бисау).

— Вызовите его.

Проходит минута, вторая...

— Курсант Силвино да Лус явился по вашему приказанию!

— Куда хотите быть направлены, сеньор да Лус?

— Желал бы продолжать службу на островах Зеленого Мыса.

— К сожалению, там нет вакантных мест. Будете нести караульную службу здесь, на материке. Послужите два года, потом в запас и вернетесь к себе, на острова. Можете идти.

Силвино вышел. Он не ждал другого ответа. Знал, что португальские власти никогда не исполняли желания тех, кого подозревали в крамольных идеях. Однако предсказания председателя комиссии не оправдались.

В мае 1963 года в порт Луанда прибыл из Лисабона транспортный корабль. На его борту находились армейские подразделения, переброшенные сюда для того, чтобы подавить восстание ангольского народа. В списках личного состава было и имя Силвино да Лус.

Силвино задумчиво стоял у борта пришвартовывавшегося транспортника, глядя на город, и размышлял о том, что ждет его на африканской земле. Он знал, зачем их посылают в Анголу, какое задание имеет их подразделение. Но, помимо этого, у Силвино было свое особое задание, полученное от партии. По прибытии в Анголу он обязан был организовать помощь местному населению, боровшемуся против португальского владычества, а затем при первом удобном случае дезертировать из португальской армии. Безусловно, задача не из легких. Он должен был сам разыскать пути для налаживания контакта с местными патриотическими организациями. Должен был сам подобрать людей, на которых можно было бы опереться. Сделать это было непросто. За уроженцами португальских колоний, неважно, будь то

солдат, сержант или офицер, устанавливалась постоянная слежка агентов ПИДЕ. Выходцев из португальских колоний долго не задерживали в Луанде, а старались как можно быстрее направить в глубь лесов. Силвино ожидала та же судьба.

Всего через несколько дней после прибытия в Луанду его направили с группой солдат на северную границу Анголы, в Санто-Антонио-дос-Айре. Но здесь все было относительно спокойно, а власти стремились посылать таких, как Силвино, в места, где можно было бы быстро от них избавиться, подставив под пулю или стрелы ангольских патриотов.

Через некоторое время Силвино уже в Беса-Монтейру и Кибале. Отряду Силвино приказано охранять фазенды и плантации местных португальских колонистов.

* * *

По джунглям шел патруль. Десять солдат во главе с младшим лейтенантом. Они совершают обычный обход местности и собираются передохнуть часок в ближайшей деревне.

— Сеньор младший лейтенант! — кричит вдруг один из солдат. — Смотрите, впереди дым. Горит деревня.

Действительно, из-за леса поднимаются густые клубы дыма.

— Прибавить шаг! Быстрее! — приказывает младший лейтенант.

Группа выходит на опушку прямо к околице поселка. Там от хижины к хижине перебегают португальские солдаты, натренированными движениями поджигают жилища ангольцев. Вдали, где начинаются крестьянские поля, по посевам ананасов и маниоки двигается вездеход, уничтожая все, что попадает под его колеса. Патруль подходит ближе.

— Что здесь происходит, сержант? — кричит начальник патруля одному из португальцев, выплескивающему бензин на стену хижины.

— Уничтожаем партизан, сеньор младший лейтенант.

— Отчего вы взяли, что здесь находятся партизаны? Это мирное население!

— Нет, это партизаны. Когда они увидели нас, то все скрылись в лесу.

— Я отвечаю за этот район. Немедленно прекратите!

— А мы выполняем приказ нашего офицера. Вон он стоит.

Действительно, недалеко стоит офицер старше Силвино по званию. В этот момент где-то недалеко, у самого края леса, слышится плач ребенка. Офицер из карательного отряда суетится.

— Коутиньо, Абреу! Возьмите пять человек и общите тот участок.

Солдаты с автоматами наперевес бросаются в лес. Через минуту возвращаются, ведя женщину с грудным ребенком на руках. Офицер, на плечах у которого капитанские погоны, подсакивает к женщине:

— Говори, где партизаны!

Женщина молчит. Офицер поднимает ногу, бьет сапогом женщину в бок.

— Говори, где партизаны! — повторяет он.

Женщина падает, закрыв телом ребенка.

— Сеньор капитан, — вмешивается младший лейтенант, — она, вероятно, не говорит по-португальски.

— Я буду бить ее до тех пор, пока она не заговорит.

— Но это ж бессмысленно, сеньор капитан.

— Молчать! Как вы смеее перечить старшему по званию?! Коутиньо, — обращается капитан к солдату, который вывел женщину из леса — Через одну минуту, если эта женщина не заговорит, ты бросишь ее в огонь вместе со щенком.

Младший лейтенант кладет руку на раскрытую кобуру пистолета.

— Вы не сделаете этого, сеньор капитан, — спокойно произносит он.

Капитан оглядывается. Его пояс с оружием висит на ветке растущего неподалеку дерева.

— Вы мне угрожаете?

— Считайте как хотите.

К другой стороне селения подъезжает на «джипе» еще один патруль, с участка, прилегающего к тому, что находится в ведении младшего лейтенанта.

Офицер передергивает плечами.

— Хорошо. Скажите мне вашу фамилию.

— Силвино да Лус.

— Я еще припомню вам, сеньор Силвино да Лус, этот день! — угрожающе произносит капитан.

Женщину с ребенком уводят по направлению к Кибале.

* * *

— Я никогда потом не слышал, — говорит Силвино, — что в Кибалу привозили какую-нибудь женщину с ребенком для снятия допроса. Думаю, что каратели убили ее по дороге.

Таков один из дней службы Силвино да Лус в португальской армии на территории Анголы.

Вероятно, капитан привел свою угрозу в исполнение. Досье португальской секретной полиции на Силвино да Лус пухло с каждым днем. В него заносили самые мельчайшие подробности поведения. Однажды отряд Силвино вел патрулирование зоны. В одном месте они наткнулись на остатки костра, около которого, без всякого сомнения, некоторое время тому назад отдыхали и варили пищу ангольские патриоты. Солдаты решили сделать в этом месте привал. Силвино разложил на земле плащ и прилег немножко отдохнуть. Рядом на земле валялась кожа от папайи. Думая о чем-то своем, Силвино поднял выпавший из костра уголек и машинально написал на коже свое имя: «Силвино да Лус». В каждой группе солдат находился агент ПИДЕ. На другой день в Луанду пошло донесение о том, что младший лейтенант Силвино да Лус «оставляет условные знаки ангольским мятежникам».

Нет, в то время Силвино еще не установил связь с патриотами. Но он вел осторожные беседы с солдатами и офицерами, с выходцами с островов Зеленого Мыса и из так называемой «португальской» Гвинеи. Говорили они не на португальском языке, а на своем

диалекте, на криольо. Португальцы не понимали их разговоров. Пусть беседы носили самый безобидный характер, все равно думали, что Силвино ведет заговорщическую деятельность и подбивает солдат к восстанию.

Силвино направляют на очень отдаленный участок, но и там агенты ПИДЕ не выпускают его из поля зрения. Через пост Силвино часто проходили местные жители, спасавшиеся от преследований португальских солдат, потому что слух о том, что начальник отряда хорошо относится к местным жителям, распространился по всему району. В зоне находились две португальские фазенды. Одна из них в пяти километрах. Войскам вменялась в обязанность охрана фазенд и оказание помощи владельцам-португальцам в сборе урожая. Однажды к Силвино поступило сообщение, что все местные жители покинули дальнюю фазенду и ушли в лес. А еще через несколько дней фазенду сожгли ангольские патриоты. Управляющему удалось скрыться, и он прибежал на пост с просьбой о помощи.

— Сеньор, — дрожащим голосом убеждал управляющий Силвино, — пойдите помогите. Партизаны и сейчас находятся там.

— Странно вы рассуждаете, сеньор управляющий, — спокойно отвечал Силвино. — Раз фазенда сожжена, то помощи вам никакой не требуется, и к тому же я не хочу рисковать сейчас своими солдатами.

Управляющий визгливо закричал:

— Я знаю, вы тоже заодно с этими бандитами!

На другой день в управление ПИДЕ пошел новый донос на Силвино да Лус.

Португальские власти приняли решение изолировать опасного для них человека. И не только арестовать, а устроить над ним показательный суд в Лиссабоне. Оставить его в Луанде боялись. Боялись, так как Силвино да Лус пользовался колоссальным авторитетом среди солдат и младшего офицерского состава, в числе которых было много выходцев из Гвинеи (Бисау) и островов Зеленого Мыса.

А в это время Силвино уже установил контакт с ангольскими патриотами. Часто в казарме, на кроватях у солдат появлялась газета «Победа или смерть». Это было делом рук Силвино. С этого времени Силвино перевели в Луанду, в гарнизон, так как руководство португальской армии опасалось, что на дальнем посту младший лейтенант через некоторое время распропагандирует своих солдат и вместе с ними перейдет на сторону ангольских патриотов. Силвино запретили выходить за территорию гарнизона.

Подошел срок отпуска. Силвино выразил желание провести его дома, на островах Зеленого Мыса.

— Сеньор младший лейтенант, — заявил Силвино начальник гарнизона Луанды, — прежде чем идти в отпуск, вам надлежит явиться в Лиссабон для отчета и выяснения кое-каких формальностей.

Силвино знал, что в Лиссабоне его ждет неминуемый арест. Но у него имелся свой план.

В декабрьский день 1963 года на аэродроме в столице Нигерии сел самолет, совершавший рейс между Луандой и Лиссабоном. Стоянка должна была длиться тридцать минут. Но прошло сорок, пятьдесят минут... Прошел час. Самолет не вылетал: не хватало одного пассажира. Стюардессы и работники аэропорта бегали по помещению, кричали: «Сеньор да Лус! Сеньор Силвино да Лус! Вас ждут в самолете».

Силвино не слышал призывов. Он уже находился в Лагосе, в квартире своих знакомых, выходцев из Анголы. Самолет улетел без Силвино да Лус.

На другой день он попросил политического убежища у нигерийских властей. Еще через некоторое время Силвино связывается с руководством ПАИГК и с этого момента отдает всего себя делу освобождения народа Гвинеи (Бисау) и островов Зеленого Мыса.

Солнце уже опускалось за горизонт, когда Силвино закончил свой рассказ.

— Вот так, — сказал он, — как видишь, ничего в моей жизни особенного нет. Я пришел в ряды борцов за свободу моей родины таким путем. Другие — иным.

Завтра ты пойдешь в партизанские отряды, на освобожденную территорию. Там, конечно, встретишься с множеством друзей, у которых судьбы гораздо более интересные, чем моя. А сейчас давай-ка еще раз осмотрим лямки твоего рюкзака. Мне кажется, они будут резать плечи. Потом я отправляюсь в штаб.

— Но мы с тобой еще встретимся, Силвино? — спросил я.

— Безусловно, — улыбнулся он своей доброй улыбкой, — встретимся. Может быть, где-нибудь в Бисау, еще лучше — на моем прекрасном острове Сао-Франсиско. Там так хорошо поют птицы по вечерам!

КАРТИНКИ БОЕВЫХ БУДНЕЙ

ПОЛНЫЙ ПЕСЕН ПАТРОНТАШ

Он не ходил никогда в атаку на вражеский гарнизон. И не стрелял из миномета. Вряд ли ему даже приходилось готовить к бою автоматные диски. Может быть, поэтому такие грустные глаза у самого веселого человека Гвинеи (Бисау). Его зовут Доминико. Спросите застенчивых девушек на рисовом поле, спросите ребятишек на берегу Бошекула, спросите мудрых старцев затерянной в джунглях табанки: знают ли они Доминико? И девушки разогнут усталые спины, и мальчишки перестанут играть в войну, и убеленные сединами мудрецы прервут разговор с тенями предков, и все по-разному улыбнутся одинаково хорошей улыбкой: «Это наш Доминико. Ну кто же не знает певца Доминико».

Каждый занимает какой-нибудь пост. Один — служит бойцом в партизанском отряде. Другой — варит рис или учит детей. Третий — долгие годы пашет землю. А Доминико ходит по родной стране и поет любимые песни. Идет война. Тяжелая и долгая. А Доминико просто ходит из селения в селение и несет с собой много разных песен. Но разве существует такой пост — песеносец? Идет война, тяжелая и долгая, падают большие стальные бомбы на маленькие тростниковые жилища, гонят патриоты португаль-

ских колонизаторов, умирают жители, стелется дым пожарами. А что же ходит Доминико со своими песнями? Разве есть такой пост, разве бывает такая должность — песненосец?

Меня познакомили с Доминико. «Инспектор по обеспечению госпиталей военного района «Юга», — представился он и протянул лопаточкой сложенную ладонь. Титул звучал весомо, важно, значительно. Потом, ночью, мы сидели вокруг тлеющего костра. Партизаны молча смотрели на язычки пламени, женщины в соседней хижине укладывали спать детей, командир отряда зашивал прорванную гимнастерку, а Доминико пел кантингу. Так называются песни этой страны. Безусловно, многие поют лучше. Но они не умеют петь о том, как партизаны разбили у Беданды гарнизон «тугов» — португальских захватчиков. Они не могут сложить песню о бесстрашном команданте Чучу и тут же исполнить ее на языке баланта. Просто потому, что они не знакомы с Чучу и даже не представляют себе, где находится эта Беданда. А Доминико знает.

— Доминико, — спросил я его, — что это за должность такая «инспектор по обеспечению», наверно, очень серьезная работа, раз партия доверила ее тебе?

И тогда Доминико тихонько вздохнул.

— Нет, товарищ советский журналист, — сказал он и покачал головой, — госпиталь у нас всего один, и народ помогает ему от души сам, чем может. Обеспечивать ничего не нужно, поэтому инспектор при нем ни к чему. Это просто пост такой. Инспектор Доминико. Просто как-то звучит солидно. И все.

Доминико затащил новую кантингу о том, как вчера партизаны гнали врага совсем близко от столицы Бисау. Командир отложил в сторону иголку с ниткой, притихли в хижине дети, а партизаны молча смотрели на язычки пламени тлеющего костра и только чуть улыбались от удовольствия.

Потом я встретился с Доминико в госпитале. Тот самый, что «единственный на Юге». Опять слушал кантинги. Про смелых бойцов, про зажившие раны, про вставших в строй. И даже к тем, у кого очень

сильно болело тело, в эти минуты вернулась надежда и появилась улыбка на лице. И тогда я подумал, как все же здорово, что у Доминико-инспектора есть такое призвание: дарить людям хорошее настроение! Пусть он никогда не стрелял из миномета и не захватывал вражеский гарнизон. У него такая уж особая почетная должность — песненосец. На другой день он уходил от нас по тропе, напевая кантингу. И казалось, в джунглях шагает боец с патронташем, битком набитым песнями.

КОМАНДАНТЕ ИРЕНИО

Темная полоска леса заманчиво виднелась километрах в двух, охватывая полукругом линию горизонта. Шедший впереди автоматчик, срезая угол, свернул направо и зашагал напрямик через окаменевшую землю рисового поля: все-таки сократим путь на несколько сот метров. При сорокаградусной жаре даже такая сушья безделица кстати. Минут через десять оглянулись и, какая досада, видим, что основной отряд не следует за нами, а забирает влево. Приходится догонять. Из головной группы превращаемся в замыкающую, прибавив себе лишний километр перехода по солнцепеку.

Вот уже можно разглядеть переплетенные лианами стволы ближайших деревьев, почва под ногами становится сначала мягкой и податливой, затем после каждого шага следы заполняются черной водой, и, наконец, приходится прыгать с кочки на кочку, чтобы избежать предательских лужиц, затянутых зеленой ряской: ступишь в такую — и моментально проваливаешься по пояс в мутную болотную жижу. Операторам Юрию Егорову, Алексею Константиновичу Бабаджану и болгарскому журналисту Николаю Бозеву тяжелее, чем мне: у меня только легкие фотоаппараты в футлярах, а у них еще и кинокамеры, которым болотное купание категорически противопоказано.

Ну, еще прыжок вон на ту кочку, потом ухватиться за висящую сбоку лиану — и можно считать себя в лесу.

— Компаньеро, — раздается вдруг рядом спокойный голос, — прыгай сюда, здесь твердая почва.

Поднимаю голову и широко раскрываю от удивления глаза: незнакомец словно сошел с картинки модного журнала. Тщательно заправленная гимнастерка, чуть-чуть сдвинутая набекрень ковбойская шляпа, во рту прямая трубка, за плечами новенький автомат и на боку аккуратный планшет. Стоит и улыбается. Только ноги до колен, так же как у всех нас, перемазаны липкой болотной грязью. Следую его совету — вместе пробираемся через невероятное переплетение толстенных лиан, садимся на поваленный ствол пальмы. Незнакомый протягивает руку:

— Давай знакомиться: Иренио.

Весь остальной путь Иренио прошел с нами. Его должность в Армии освобождения — командующий резервом Главного командования Северного фронта. Для встречи с нашим отрядом Иренио вместе с группой бойцов совершил ночной марш-бросок и точно в назначенное время вышел к условленному месту. Опытнейший командир, вот уже почти пять лет участвует в боевых операциях против португальских колонизаторов. Был ранен, сейчас снова в строю.

Однажды устроились на ночлег рядом. Кругом отчаянно верещат местные тропические сверчки. Иренио лежит на земле, жует какую-то соломинку и смотрит вверх на рассыпанные точки звезд чернеющего неба. Спрашиваю:

— Вот выгоните последнего колонизатора, чем тогда думаешь заняться, Иренио?

Ответ совсем неожиданный:

— Поеду в Москву учиться на кинооператора. Очень мне нравится эта работа.

Утром Иренио не оказалось на его месте. Присоединился к отряду на полпути следующего перехода. Как всегда, подтянутый, аккуратный. Подошел к одному из кинооператоров:

— Давай помогу нести сумку с пленкой.

На вопрос, где пропал, односложно ответил:

— Дела.

Потом узнаю, что отсутствовал, выполняя зада-

ние: ходил за тридцать километров от нашей стоянки «прощупать» один из гарнизонов противника. Мы в шутку сказали:

— Взял бы нас с собой.

Иренио серьезно возразил:

— Не имело смысла. Операция проходила на расвете, а у вас пленка недостаточной чувствительности.

Уже сейчас, в боевой обстановке, он мыслил категориями своей будущей профессии.

СЛУШАЙТЕ! ЗВУЧАТ БАРАБАНЫ...

— Эй, — закричал Константино Тейшейра, — дороге!

Подпрыгивая по кочкам, его громадная фигура, неуклюже сидевшая на велосипеде, промчалась вперед, скрылась за поворотом тропинки, и сразу же послышался резкий скрежет — Константино тормозил. Причем тормозил довольно оригинальным способом: просунув пятку между колесом и вилкой велосипеда, потому что настоящих тормозов на его машине не было.

— Посмотрите, — воскликнул гигант, — опять лала, по-моему, уже седьмая по счету!

Лала — это тростник. Но когда тропинка скрывается в зарослях тростника, заполнившего впереди на сто, двести метров все пространство, когда приходится пробираться через него, волоча за собой велосипед, когда этот тростник весь обвит ползучими растениями с неимоверно острыми шипами, рвущими и одежду и тело, и, наконец, когда вы уже семь часов находитесь в пути под палящими лучами африканского солнца и вокруг нет даже лужи, чтобы утолить нестерпимую жажду, тогда появление каждого нового участка, открытого лалой, способно основательно испортить настроение.

Через седьмую по счету лалу пробирались минут сорок. Начало смеркаться, когда выбрались на тропинку и углубились в лес. Стал накрапывать дождик. Все сильнее и сильнее. Ливень. Ливень хлестал нещадно. Казалось, еще мгновение — и можно захлеб-

нуться. Проходили часы, а мы все двигались вперед, проталкиваясь через плотную пелену дождя, проклинавшая бесполезные в таких условиях велосипеды. Потом, когда стало совсем немоготу, упали в хлюпающую земляную жижу и долго лежали в темноте.

Нас было трое. Четвертые сутки пробирались по джунглям Гвинеи (Бисау). Рассчитывали после пятой лалы выбраться на тропинку, ведущую на базу. Ясно было, что в какой-то момент сбились с пути. Приходилось ждать рассвета.

С трудом переволокли через лианы велосипеды и улеглись прямо на земле, накрывшись плащ-палаткой, — «капой», как ее называют в Гвинее (Бисау). Брезент спасал от струй, хлеставших сверху, но был не в состоянии оградить участок земли, на котором мы расположились, от потоков воды.

И по-прежнему мучила жажда. Пить хотелось отчаянно. Константино, попросив прикрыть его автомат, стал решительно выбираться из-под капы. Дождь барабанил по брезенту, а Тейшейра, надавив на середину палатки, промял в капе углубление и просил нас ни в коем случае не шевелиться.

— Пусть дождевая вода наберется во вмятину, — сказал он, — а потом станем по очереди вылезать наружу и пить скопившуюся в капе воду. Только осторожнее выбирайтесь, не оставляйте автоматы на мокрой земле.

Вероятно, прошло не менее часа, прежде чем мы, напившись, попытались заснуть. Ветер неистовствовал. В небе дрожали зарницы и рокотали раскаты грома. Вдруг донесся какой-то новый звук — он явно диссонировал с ревом стихии. Казалось, вдалеке кто-то неторопливо опустил гигантскую колотушку на туго натянутую кожу исполинского тамтама. Затем через равные промежутки времени звук повторился еще дважды.

— Мане, — обратился я к другу, — ты слышишь?

— Да.

— Это стучат барабаны?

— Э, нет. Это бьет орудие из португальского гарнизона в Беданде.

Бьет орудие. Самый обычный обстрел сектора из осажденного португальского гарнизона...

...Наутро отыскали потерянную тропу. Несколько часов пути — и база. Скидываем мокрые, разорванные кеды, бросаемся на циновки и моментально засыпаем. Но только погружаемся в глубокий сон, как кто-то решительно трясет за плечо. С грудом раскрытых веки — стоит рядом Арафанс Мане, улыбается:

— Послушай. Сейчас это Он.

Из глубины леса доносится мерный, ритмичный звук: «Раз-раз, раз-раз, раз-раз». Все ближе и ближе... Хватаю камеру и босиком — какие там кеды! — к выходу. Вижу — колонна. Идет отряд. А впереди — горнист и барабанщик. Горнист отдыхает, и все равняют шаг по звуку барабана: «Раз-раз, раз-раз!» Наверно, его слышно далеко кругом. Может быть, даже в португальском гарнизоне Беданда.

«Раз-раз, раз-раз!» Тише! Слушайте, как звучат барабаны сегодняшней Африки!

МУРИДА-МУРМУРИДА

Еще во время первой поездки в Гвинею (Бисау) я повстречал в одном военном госпитале мальчугана лет пяти, который сразу же стал моим приятелем. Все его звали Зе. А полное его имя было Жозе. Мать Зе работала поварихой в госпитале, готовила для раненых и в свободное время стирала и штопала партизанские гимнастерки.

Обстоятельства сложились так, что нам пришлось пробыть в госпитале целых два дня. Мы с Зе болтали о всякой всячине: о футболе (я его убедил, что самая хорошая команда — это московский «Спартак»), о том, как нужно ловить местных обезьян и как надежнее спастись от москитов. А когда ночь опускалась на джунгли, мы садились у костра и говорили на военные темы: как лучше и быстрее победить португальских колонизаторов; и еще Зе рассказывал мне о своем отце, который сражался в одном из партизанских отрядов. Отец Зе был не просто партизаном. Он был горнистом отряда, и когда пела

труба, поднимая бойцов в атаку, то все знали, что это отец Зе дает сигнал идти на штурм вражеского гарнизона.

Уже потом, через несколько дней после нашего ухода из госпиталя, я случайно в одном из отрядов встретил отца Зе и даже сфотографировал его.

И вот судьба снова свела меня с маленьким Зе. Конечно, он стал на два года старше и даже учился в первом классе. Зе узнал меня, тут же выложил все накопившиеся за столь долгий срок нашей разлуки новости и познакомил со своей подругой. Девочку звали Мурида, она была на год старше Зе, но ничем не показывала своего превосходства. Я сразу же прозвал Муриду «Мурида-Мурмурида», но девочка на прозвище не обижалась.

Опять мы с Зе беседовали о футболе, о боях против португальцев и о бесстрашном горнисте — отце Зе. Правда, нашему серьезному мужскому разговору порядком мешала Мурида, которая, вероятно, не понимала, о каких важных вещах мы толкуем. Стоило мне, например, начать расспрашивать Зе о том, в каких еще сражениях участвовал его отец и когда была от него в последний раз весточка, как тут же Мурида непременно вмешивалась в разговор, начинала капризничать и просить Зе поиграть с ней в мячик или принести мягких пальмовых волокон для кукольной постели.

Конечно, нам это не нравилось, и однажды Муриде было даже сделано замечание:

— Мурида-Мурмурида, — сказал я, — пойди и сама собери пальмовых волокон для постели своим куклам. Не нужно мешать нам с Зе вести серьезную беседу о минометах и автоматах ППШ и о том, как важно во время атаки вовремя услышать сигнал горниста.

Мурида-Мурмурида тихонечко встала и ушла, а мы с Зе продолжали разговор. Прошло минут двадцать, а девочка не возвращалась. Зе заволновался. Наконец он не выдержал и побежал искать подругу. Вскоре прибегает расстроенный и шепчет мне на ухо:

— Мурида там одна сидит за хужиной и плачет.

Отправился я улаживать конфликт. Смотрю, действительно, сидит наша приятельница на корточках в тени под деревом, а слезы градом катятся у нее по щекам. Спрашиваю:

— Ты что плачешь? Обиделась на меня? Я больше не буду называть тебя Мурида-Мурмурида.

А она, всхлипывая, оглянулась по сторонам, не видит ли Зе, — и говорит еле слышно:

— Я не из-за Муриды-Мурмуриды, а совсем из-за другого. Вы не спрашивайте у Зе о его папе. Я не могу слышать, как он о нем рассказывает. Я-то знаю, а Жозе не знает, что его папу убили португальцы еще в прошлом году...

* * *

Через несколько часов после этого случая мы простились с Зе и Муридой и отправились дальше в поход. Мне не хотелось верить, что погиб отважный горнист; и когда в других отрядах армии патриотов до меня доносился призывный звук трубы, то в моем сердце начинала теплиться надежда, что я сейчас увижу отца Зе. Но это были другие горнисты, потому что в Народной армии много отрядов, и в каждом из них поет труба, призывая бойцов идти в атаку.

ТРИСТА ФУТБОЛЬНЫХ МЯЧЕЙ

Во время этой командировки я еще раз убедился, что наша «Спидола» действительно приемник самого высокого класса. Посудите сами: почти после каждого перехода оператор Алексей Константинович Бабаджан вынимал из кофра отвертки, кусачки, снимал заднюю крышку «Спидолы» и принимался разбирать ее внутренности. Несмотря на все его усилия, приемник продолжал работать. Правда, с каждым новым ремонтом количество принимаемых станций неуклонно уменьшалось, пока в эфире не стал звучать только голос станции, ведущей передачи для наших рыбаков, промысляющих сардины у берегов Африки. Бродя по джунглям Гвинеи (Бисау), мы были в курсе всех морских новостей.

Однажды даже пришлось прослушать большую обстоятельную передачу о «Черноморце» — популярной в Одессе футбольной команде. Почерпнутые сведения сослужили пользу уже на следующий день.

* * *

...Очень уж заводные были питомцы интерната, над которым шефствовала бигруппа. Песню или танец разучивают, вечер ли самодеятельности организовывают — во все вкладывают массу энергии и страсти. А когда они узнали, что ребята окрестных школ намерены вызвать их на товарищескую встречу по футболу, то можете себе представить, что творилось в этот день в интернатском коллективе. Во-первых, утрясали состав команды. Проблема чрезвычайно трудная, если учесть число желающих играть и количество футболистов, допускаемых на поле согласно международным правилам ФИФА. Во-вторых, для выбора капитана команды пришлось бросать жребий. В-третьих, все хотели быть нападающими и забивать голы и никто не хотел становиться в ворота, чтобы, не дай бог, пропустить гол от противника. Проблема номер четыре имела непосредственное отношение ко мне: накануне матча в наш шалаш явилась делегация с просьбой прочесть теоретическую лекцию на тему о последних новинках футбольной тактики в европейской школе кожаного мяча. Вот тут-то и пригодились знания, усвоенные из передачи радиостанции «Атлантика».

Безусловно, время для начала игры было выбрано не совсем удачно — полдень. Солнце нависло прямо над головой, и зрителям, не говоря уже об игроках, приходилось довольно тяжело. Сборная интерната играла в черных трусах и белых майках, сборная школ — только в трусах. Команды пришли на поле с самодельными мячами и провели перед игрой небольшую разминку. Начало состязания несколько задерживалось. Поджидали арбитра — командира одной из бигрупп, обладателя настоящего судейского свистка. Команданте явился минут через пятнадцать

и принес с собой (вы даже не можете себе вообразить, что!) настоящий футбольный мяч! Такого замечательного футбольного мяча наверняка не было даже во время финальной игры первенства мира на стадионе «Уэмбли». Когда щелкали по мячу согнутым пальцем, то мяч звенел.

Игра проходила в быстром темпе, тактически и технически грамотно. Объективно говоря, перевеса не было ни у той, ни у другой команды. Основное время закончилось со счетом 1:1. Посоветовавшись, решили бить по пять одиннадцатиметровых ударов. Это было волнующее зрелище. Впрочем, одиннадцатиметровый — всегда волнующее зрелище. Сборная школ два раза промазала мимо ворот, два их удара отбил вратарь и один удар достиг цели. Счастье склонилось на сторону интерната, когда дважды они поразили ворота противника. Видимо, сказалась лучшая теоретическая подготовка.

Зрители бурно переживали ход матча. Я стоял у кромки поля рядом с Луисом Кабралом и видел, как член командования Северного фронта радовался каждому удачному финту, как огорченно разводил руками, если игрок какой-либо команды бил мимо ворот. После финального свистка капитаны поблагодарили судью и пожали друг другу руки. Все тронулись в лагерь, обсуждая перипетии встречи. Луис шагал задумчиво, погруженный в свои мысли, и я был уверен, что он, забыв о футболе, обмозговывает очередную проблему, связанную с одной из предстоящих военных операций против португальцев. Несколько поодаль шел рефери-команданте, держа под мышкой футбольный мяч.

Когда мы уже подходили к лагерю, к Луису приблизился капитан сборной школ района.

— Команданте Луис, — сказал он, — вы нам не можете достать такой мяч? Мы бы с ним очень бережно обращались.

Кабрал едва заметно нахмурился и закусил губу.

— Ты знаешь, — ответил он пареньку, — что у нас очень много школ, и все хотят играть в футбол, и везде есть свои футбольные команды, и всем при-

ходится гонять самодельные мячи. Что скажут ребята других школ, если я подарю вам этот мяч? Пусть лучше он хранится у бигруппы, а командование Северным фронтом постарается постепенно прислать мячи во все школьные команды.

Парнишка ушел явно расстроенный, а Луис еще больше насупил брови и не произнес больше ни слова.

Вечером Луис Кабрал проводил очередное заседание командования Северного фронта, а когда все разошлись, подсел ко мне на скамеечку и, как бы продолжая прерванный разговор, огорченно заметил:

— Не мог я отдать ему этот мяч. Нет такой у нас возможности — подарить каждой школе по футбольному мячу: всего в Освобожденных районах больше двухсот пятидесяти школ. А спорт так важен для ребят. Ты же сам видишь, какое у них трудное детство. Вот сейчас на заседании командования Северного фронта мы обсуждали различные вопросы и в том числе о... футбольных мячах. Решили, что когда я буду вести переговоры с нашими друзьями из социалистических стран, то попрошу вместо нескольких автоматов поставить нам триста футбольных мячей. Ведь в конце концов мы же воюем и для того, чтобы наши дети могли улыбаться. Что ты на это скажешь?..

Конечно, он был прав, Луис Кабрал.

СОЛИДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Нет, ты послушай. Когда он пришел ко мне, то, не успев переступить порог, так сразу же и заявил: «Хочу быть команданте». — Амилкар Кабрал восхищенно качает головой.

Мы сидим в секретариате ПАИГК, и Амилкар рассказывает, как он впервые познакомился с Арафане Мане, ставшим потом одним из самых боевых командиров партизанских отрядов.

— Сколько же тогда, в 1961 году, было лет Арафане? — вспоминает Кабрал. — Наверное, не больше пятнадцати, а выглядел лет на тринадцать. Ху-

денький такой. Потом он добился своего: послали Арафане сначала проводить агитационную работу среди населения, поднимать народ на вооруженное восстание против салазаровцев, затем стал воевать. Ему уже тогда, вероятно, исполнилось шестнадцать. Вполне, — подчеркнул Кабрал, — солидный человек.

Мы вспомнили Арафане не случайно. Два года назад, когда я в первый раз был в действующей армии патриотов Гвинеи (Бисау), Арафане в течение полумесяца был моим другом, товарищем и верным помощником. Естественно, что когда в марте 1968 года появилась возможность снова увидеть своими глазами мужественную борьбу народа Гвинеи (Бисау), то я в первую очередь поинтересовался, нельзя ли иметь попугачиком друга Мане. Оказалось, что Арафане несколько месяцев назад поехал на учебу в Советский Союз. Мы разминулись.

Шестнадцатилетний боевой командир, юноша, принимающий активное участие в вооруженной борьбе, Арафане вовсе не является каким-то исключительным примером. В армии патриотов, в табанках освобожденной территории Гвинеи (Бисау) людей с подобными судьбами можно встретить множество. Вспоминаю, как недалеко от района Морес, на севере, мы несколько часов провели с группой народной милиции — милисианос — юношами и девушками четырнадцати-восемнадцати лет. Но сначала несколько слов о том, кто такие милисианос. Армия освобождения ведет вооруженную борьбу против колонизаторов, атакует вражеские гарнизоны, устраивает засады, а охрану населенных пунктов на освобожденных территориях взяла на себя народная милиция, или, как ее называют, милисианос. В каждой табанке есть отряд из десяти-пятнадцати милисианос, которые вооружены автоматами и винтовками и прошли допризывную подготовку. Они практически не расстаются с оружием. Идут работать на поля или расчищать джунгли — обязательно берут с собой свои автоматы. Возвращаются в селение — вешают автоматы у входа в хижину. На всякий случай. Со всем недавно милисианос табанки, где мы остано-

лись, вели бой с колонизаторами. События развивались так.

Случилось, что в тот день часть регулярной Армии освобождения, стоявшая недалеко от селения, ушла на задание. Жители занимались в табанке своими будничными делами, когда вдруг послышался возглас дозорного: «Самолеты!» Действительно, вдали послышался гул приближавшихся военных самолетов португальцев. Женщины схватили на руки детей и побежали по тропинке в видневшийся неподалеку лесок, старики заковыляли вслед за ними. Все понимали, что через минуту-две начнется бомбежка. В покинутой табанке осталась только группа милисианос, укрывшаяся в вырытых недалеко от околицы окопчиках.

Португальские истребители-бомбардировщики стали сбрасывать свой смертоносный груз. Отбомбившись, самолеты ушли, и в воздухе показались три вертолета с десантом. Португальцев нужно было задержать во что бы то ни стало, иначе они окружили бы лесок и истребили бы всех жителей. Если их остановить, то, может быть, успеет подойти отряд Армии освобождения, и тогда колонизаторам несдобровать.

Салазаровские вояки не ожидали встретить сопротивление после бомбежки и побежали к вертолетам. Однако командовавший ими офицер, размахивая пистолетом, погнал солдат назад. Милисианос снова открыли огонь. Португальцы залегли, отстреливаясь. Так прошло несколько минут. В момент, когда каратели опять попытались начать атаку, среди них разорвалась первая мина. Это подоспел отряд Армии освобождения и начал вести огонь из минометов. Потеряв несколько человек убитыми и ранеными, португальцы поспешно убрались восвояси. Не будь милисианос, салазаровцы вырезали бы несколько десятков жителей. Таковы боевые будни этих ребят.

— А кто же командир вашего отряда? — спросил я, когда мы стали прощаться.

— Вот Марио — наш командир, — сказал один из пареньков, указав пальцем на щуплого мальчишку лет четырнадцати.

Я чуть было не поднял удивленно брови, но вовремя вспомнил реплику Кабрала об Арафане Мане. Мы пожали руки командиру отряда и сказали, что нам было очень приятно познакомиться с такими вполне солидными людьми.

ВETERАНЫ

Обсуждая с генеральным секретарем ПАИГК товарищем Амилкаром Кабралом программу нашего пребывания на освобожденной территории, мы просили его указать фамилии ряда людей, которые принимали активное участие в подготовке вооруженного восстания. Кабрал посмотрел на карту, где был обозначен маршрут перехода, отметил кружочками несколько населенных пунктов и назвал десять-двенадцать фамилий.

— С этими людьми вам было бы очень интересно поговорить. Каждый из них включился в борьбу на самом первом этапе и за это время показал примеры мужества и героизма. Хорошо, если они появятся в вашем фильме.

Я уже упоминал, что дней двенадцать нам пришлось провести в районе, прилегающем к португальскому гарнизону Буба. Кинооператоры Егоров и Бабаджан снимали эпизоды мирной жизни табанок, журналисты брали интервью у членов народной милиции, учителей и членов партийных комитетов. Время от времени мы интересовались, нет ли среди всех этих людей ветеранов, о которых упомянул Амилкар Кабрал. В розысках нам очень помогал президент партийного комитета одной из табанок Мади Камара, пожилой, солидный мужчина со степенными, неторопливыми манерами, пользовавшийся очень большим уважением среди жителей табанки.

Мади Камара по несколько раз за день заглядывал в наш лагерь, осведомлялся, не нужно ли нам чего, а потом, свернув самокрутку, садился на какой-нибудь поваленный ствол дерева и рассказывал о людях своего селения.

Мы узнали, что в начале шестидесятых годов,

когда проходил период мобилизации, было не так-то легко убедить крестьян в необходимости готовиться к ведению вооруженной борьбы против португальских колонизаторов.

— Как же мы будем бороться, — говорили крестьяне, — если у португальцев есть и пушки, и пулеметы, автоматические винтовки и самолеты, а у нас только ножи-торсадос и кольца?

Сейчас, когда Армия освобождения оснащена вооружением, поступающим из братских стран, о былых сомнениях люди вспоминают с улыбкой, а в те времена приходилось тяжело.

— Тяжело было на первом этапе, — вздыхал Мади Камара и, бросив на землю тлеющий окуроч, растирал его голый пяткой. — Приходилось долго разъяснять, что к чему. Ну как, — неизменно заканчивал он свой очередной рассказ вопросом, — не нашли никого из нужных людей? Все они сейчас на горячих участках. Алба и Кефаде Намбара, вероятно, в Кинара, Константино Тейшейра где-нибудь на острове Комо, мой молодой друг Арафана Мане отправился на учебу в Советский Союз. Очень героические люди. Много подвигов совершили. Здесь все, с кем вы встречаетесь, знают их уже много лет. Вместе работали.

Так как рекомендованных нам для съемки товарищей найти не было никакой возможности, то мы решили восполнить пробел, взяв киноинтервью у нескольких членов партийных комитетов табанок, в том числе у Мади Камара.

Когда вся работа была завершена и мы, вернувшись с освобожденной территории, зашли попрощаться в секретариат ПАИГК, кто-то из руководства партии спросил:

— Ну как, увековечили на пленку героев нашей борьбы?

— К сожалению, — последовал наш несколько смущенный ответ, — встретиться с товарищами, которых нам порекомендовали, не удалось. Правда, засняли Сана Мане, Мади Камара, Саламака Ньай, Фату Ньай и других. Но...

— Так это же именно те люди, встречи с которыми вы искали, — перебил наш собеседник. — Товарищ Кабрал был не в состоянии перечислить всех активистов периода мобилизации. Таких людей многие сотни. В этом-то и заключается сила партии, что она с самого начала действовала не как узкая группа заговорщиков, а опиралась на многочисленных единомышленников среди разных людей в различных частях страны.

* * *

Работая над фильмом, мы в студии разложили отснятую пленку по отдельным коробкам, в зависимости от темы. На одной из них значилось: «Ветераны. Мади Камара и его друзья». Сделав такую надпись, мы знали, что не погрешили против истины.

ЗАВАЛЫ НА ДОРОГАХ

Посмотришь на карту мира и сразу даже не найдешь, где там притулилась на краешке Африки Гвинея (Бисау). Даже на карте Африки она кажется совсем маленькой и незаметной. Чтобы познать ее истинные размеры, желательно совершить путешествие пешком, по возможности днем, когда нещадно палит солнце, и в сезон дождей, когда одежда не просыхает за ночь и утром из обуви приходится вытряхивать разных мокриц и прочих мелких тварей. Вот после таких переходов вы обязательно скажете, что Гвинея (Бисау) страна большая, исходить ее вдоль и поперек не так-то просто.

Если сейчас пробыли мы на освобожденной территории целый месяц, то два года назад я находился «внутри» всего чуть более десяти дней. Трудностей же пришлось перенести, пожалуй, больше. Особо неприятными участками переходов были районы рисовых полей и те отрезки дорог, где в изобилии встречались завалы. Шагаешь шестой или седьмой час — и вдруг тропинка исчезает, а перед тобой вырастает нагромождение из поваленных деревьев, переплетен-

ных лианами. Пока, скользя и обрываясь, перевалишь на другую сторону, уходят последние силы. Метров пятьсот проковыляешь — опять завал, еще больше прежнего. И так без конца... Вот почему перед началом нынешней командировки, на этот раз в составе целой группы, я в качестве «бывалого знатока» этих мест предупреждал своих спутников: «Берегите силы для переходов через болота, рисовые поля и завалы на дорогах».

Проходит первый день нашего пребывания на освобожденной территории, второй, пятый, десятый... Болота встречались, рисовые поля — в изобилии, а завалов нет и нет. Спутники уже стали посмеиваться: мол, не сгустил ли «ветеран» краски. Но ведь это сущая правда: завалы раньше были в несметном количестве. Под конец не вытерпел, решил спросить у ответственного за нашу группу, куда исчезли завалы?

Оказалось, все как нельзя просто. Тогда, в 1966 году, еще было освобождено только около половины национальной территории, и здесь, на юге, еще была вполне реальной возможность передвижения по дорогам карательных отрядов португальской пехоты. Завалы в какой-то мере затрудняли их проникновение к базам патриотов. В настоящее же время от колонизаторов освобождено уже примерно две третьих страны. Португальцы практически заперты в своих гарнизонах и очень редко рискуют высовывать из них нос. По дорогам передвигаются отряды регулярной Армии освобождения, которая пришла на смену прежним партизанским отрядам. Завалы сейчас только мешали бы патриотам, и их взяли да расчистили.

Правда, однажды на севере, на дороге между Мансаба и Лосато мы встретили несколько небольших завалов. Вероятно, в этом районе еще шныряют португальские патрули? Ничего подобного. Просто этой дорогой вообще никто не пользуется. А завалы оставлены так, для истории: оказывается, именно в этом месте несколько лет назад товарищ Освалдо (ныне член политбюро ПАИГК) вместе с несколькими товарищами произвел первое вооруженное нападение на португальский конвой.

Может быть, даже после окончательной победы на этом месте будет решено построить какой-нибудь монумент. Здесь, совсем рядом с завалом.

ОПЕРАЦИЯ «БИНТА»

перативное заседание штаба Северного фронта шло второй час и, по-видимому, находилось в полном разгаре. Член политбюро ПАИГК Луис Кабрал, Жулион Лопес, Кайтано Самедо и Лусис Суарес склонились над картой района, разложенной на колченогом, сколоченном из жердей столике, и что-то горячо обсуждали. Потом Луис вызвал связного, написал на листке, вырванном из блокнота, какое-то распоряжение, передал бойцу, и тот поспешно ушел по тропинке, ведущей на восток. Через поляну, где мы расположились, то и дело проходили незнакомые нам комиссары и командиры бигрупп. По их запыленным гимнастеркам и кедам, облепленным черной болотной грязью, можно было догадаться, что вновь прибывшим пришлось проделать до лагеря длинный и нелегкий путь. Все свидетельствовало о том, что готовится военная операция.

Обычно отряды Армии освобождения совершают свои атаки на португальские гарнизоны с наступлением темноты. На всей территории Гвинеи (Бисау) насчитывается около полусотни вражеских укрепленных фортов и гарнизонов. Расположены они преимущественно по берегам рек и в наиболее крупных населенных пунктах и городах, еще пока находящихся во власти колонизаторов. Соединения Армии освобождения, как правило, от одной до трех бигрупп, — каждая бигруппа состоит из 54—56 бойцов и командиров, включая политработников, — скрытно подходят на минимальное расстояние к стенам салазаровского форта и обрушивают на него артиллерийский и минометный огонь. Обстрел длится несколько минут, и потом подразделение патриотов возвращается на базу. Это один из видов военной операции.

Несколько иная тактика применяется в борьбе с вражескими катерами и военными речными судами, поддерживающими связь между гарнизонами и снабжающими их боеприпасами и продовольствием. Почти на всем протяжении берега рек покрыты густыми джунглями, пробраться через которые невозможно человеку, слабо знакомому с местностью. В заранее определенных точках по обеим сторонам реки патриоты располагают ударные отряды автоматчиков и минометчиков. О предстоящем проходе салазаровского судна «оповещают» португальские самолеты, подвергаящие бомбежке участок берегов реки, мимо которого должен проследовать их корабль. Подобные бомбардировки никакого ущерба Армии освобождения не приносят, так как бомбы, падая в болото, угрожают жизни бойцов лишь в очень ограниченном радиусе от центра разрыва. Португальцы рассчитывают в основном на психологический эффект бомбежки. Но патриоты народ обстрелянный, их подобными трюками не запугать, и через две-три минуты после бомбардировки они уже готовы встретить вражеский корабль. В большинстве случаев атаки на португальские корабли бывают очень успешными.

Наша группа рассчитывала стать свидетелем одной из таких операций, потому что с первого момента пересечения границы мы настойчиво просили наших гостеприимных хозяев из руководства ПАИГК предоставить нам возможность отснять для кинокартины хотя бы одну боевую операцию патриотов. Командировка подходила к концу. Мы слышали близкие разрывы бомб и мин, зная, что это Армия освобождения атакует португальские гарнизоны, но сами еще не участвовали ни в одной из атак. Теперь, кажется, желанный момент наступил.

Вероятно, нас присоединят к одной из бигрупп, которая готовится к нападению на катера противника. Раз обстрелы гарнизонов осуществляются ночью, то не имело смысла нам присоединиться к подобной операции: в темноте нельзя было бы производить съемок.

Луис Кабрал встал и направился в нашу сторону.

— Компаньерос, — сказал он, улыбаясь, — часа через два вы отправитесь с бигруппой команданте Кемо Мане, которому поручено произвести обстрел гарнизона Бинта. В четыре часа вы тронетесь в путь с тем, чтобы к семи часам вечера вернуться после операции в лагерь. До Бинта всего минут сорок хода, так что вполне управитесь. Прошу вас соблюдать максимум осторожности. Гарнизон Бинта, несомненно, попытается отвечать на огонь. Поэтому не задерживайтесь, постарайтесь управиться со съемкой в минимальное время, в считанные минуты.

Не скрою, в первый момент мы несколько скептически отнеслись к словам товарища Луиса насчет сорока минут пути до вражеского гарнизона и о возможности возвращения в лагерь вечером того же дня. Сорок минут пути означали, что Бинта находится от нашей теперешней стоянки всего в четырех-пяти километрах. Однако ничто не указывало на близкое соседство неприятельских подразделений. Наоборот, к этому времени в распоряжение лагеря стали сходиться председатели партийных комитетов табанок района, с которыми Луис Кабрал собирался провести совещание в связи с предстоящей высадкой на поля рисовой рассады. Участники совещания все прибывали, степенно здоровались с Луисом Кабралом, членами командования Северного фронта, командирами бигрупп, подыскивали местечко в тени и, усевшись в кружок, неторопливо вели беседу, изредка бросая любопытные взгляды в нашу сторону. Казалось, мы находимся в глубине освобожденной территории, куда не могут сунуться салазаровские каратели. Как же может идти речь о сорокаминутном переходе!

К тому времени на территории лагеря осталась только одна бигруппа. Остальные куда-то ушли. К нам подошел невысокого роста командир, правая рука покоилась у него на перевязи.

— Меня зовут Кемо Мане, — сказал он, — пора отправляться в путь.

Цепочка бойцов шла по тропинке. Наш маршрут сначала пролегал через лес, но уже вскоре мы вышли на открытое место и повернули на север. Полча-

са ходьбы. Слева видны обугленные остовы хижин — очередная табанка, сожженная португальскими напалмовыми бомбами. Навстречу идут несколько женщин с кувшинами и тыквенными плошками на голове. Жители уничтоженной табанки переселились на новое место, но по воду ходят к колодцу, что виднеется на пепелище: очень уж в нем прохладная и чистая вода. Мы тоже наполняем свои фляжки и пьем, пьем... До конца обещанного сорокаминутного перехода остается всего семь минут, а еще не видно никаких признаков гарнизона «тугов».

— Ну как, команданте, — спрашиваю товарища Кемо, — сколько часов еще шагать до Бинты?

Кемо Мане показывает левой рукой на виднеющуюся у горизонта полосу леса:

— Небольшой лесок видишь? Ширина его около трехсот метров. Из него мы поведем обстрел. За лесом расположено поле. Оно заминировано. За полем гарнизон Бинта и порт.

Вошли в лес. Соблюдая все меры предосторожности, двинулись к кромке зеленого луга, в конце которого проглядывалась группа невысоких строений. Гарнизон Бинта. Несколько лет назад Бинта являлся крупным по масштабам Гвинеи (Бисау) портом по вывозу арахиса. Сейчас крестьяне несут арахис на приемные пункты, организованные ПАЙГК, а са-лазаровцы, засеяв за стенами форта Бинта, полностью утратили контроль над этим районом.

Кемо Мане отдавал приказания командирам отделений. На участке около 300 метров расположились бойцы с пятьюдесятью миллиметровыми ротными и восьмьюдесятью двухмиллиметровыми батальонными минометами. Рядом поставили две безоткатные пушки. Между ними заняла позицию группа «эрэсовцев». Операторы Алексей Константинович Бабаджан и Юрий Егоров установили на штативе камеру, объектив которой направили на гарнизон. Двумя другими камерами они снимали с рук. Николай Ангелов Бозев и я, вооруженные фотоаппаратами, тоже спешили запечатлеть все детали подготовки к операции. Согласно разработанному плану действий мы долж-

ны были ждать, пока группа бойцов, заранее посланная Кемо Мане в обход гарнизона, не откроет огонь из автоматов, отвлекая на себя внимание противника. Через несколько минут после этого должны вступить в действие основные силы бигруппы.

Наконец по ту сторону послышались звуки автоматной очереди. В португальском гарнизоне прозвучал сигнал тревоги. Кемо Мане вынул из кобуры пистолет и выстрелил в воздух: сигнал начинать обстрел. На каждый миномет у нас было припасено по три мины. Безоткатные орудия должны были произвести по два выстрела.

— Фогу! (Огонь!) — скомандовал Кемо Мане.

Столб пламени показался у места, где стояло ближайшее от нас безоткатное орудие. Невооруженным глазом мы могли видеть полет «эрэс». Примерно через восемь-десять секунд впереди гарнизона появились разрывы упавших мин.

— Недолет! — крикнул по-русски Кемо Мане. — Прицел куатро! (Прицел четыре!)

Еще порция мин и снарядов выпущена по цели. Вступили в действие автоматчики: они должны были не допустить выхода португальских солдат из форта. После третьего залпа два снаряда разорвались непосредственно в центре гарнизона. Клубы дыма и языки пламени взметнулись в воздух. По всей вероятности, это было прямое попадание во вражеский склад с боеприпасами.

Прошло минуты три, прежде чем заговорили орудия противника. Их огонь сначала не отличался большой точностью. По крайней мере он не нанес никакого ущерба бигруппе. Кемо Мане нетерпеливо взглянул на циферблат часов: «Пора кончать съемку и отходить», — сказал он, видя, что мы собираемся перезаряжать аппараты. Егоров попытался что-то возразить, но в это время взрыв от португальской мины поднял столб земли всего метрах в тридцати. Противник тоже начал пристреливаться. Следующий залп накрыл место, где находилась наша группа. Но в это время мы уже выходили на знакомую тропинку, ведущую в лагерь.

Солнце уже зашло за горизонт, когда добрались до места стоянки. Луис Кабрал только что закончил совещание.

— Разрешите доложить, — обратился к нему Кемо Мане, — операция проведена согласно плану. По предварительным данным отмечено два прямых попадания в гарнизон противника. Потерь не имеем.

Вот так мы явились свидетелями одной из операций подразделения Армии освобождения патриотов Гвинеи (Бисау). Конечно, операции «Бинта» командование Северным фронтом не уделит и одной строчки в своем очередном коммюнике боевых действий, настолько она незначительна. Но в ней, как в капле воды, отразилась обстановка, существующая на сегодняшний день в Гвинее (Бисау). И то, что салазаровцы зажаты в своих гарнизонах, и то, что население чувствует себя уверенно и спокойно даже в четырех километрах от вражеского форта и что уже в нескольких стах метрах от португальских укреплений действуют представители новой, народной власти — партийные комитеты ПАИГК, — все это служило еще одним доказательством неминуемого изгнания колонизаторов с земли Гвинеи (Бисау).

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

ровожая нас в поход, товарищ Амилкар Кабрал рассказывал:

«Часть территории страны, в основном городские центры и крупные населенные пункты, пока еще оккупирована иностранными войсками, но мы уже освободили около двух третей нашей родины. На освобожденных территориях налаживается нормальная жизнь. Большинство наших детей учатся в школах. Работают госпитали, которые обслуживают также и гражданское население, действуют народные магазины. Всей жизнью на освобожденных территориях руководят партийные комитеты ПАИГК. Мы опи-

раемся сейчас на три силы: вооруженное население, народную милицию и регулярную Армию освобождения.

Мы очень благодарны за помощь и поддержку африканским странам, социалистическим странам и в особенности Советскому Союзу. Вы почувствуете эту признательность, встречаясь и беседуя с нашими людьми. Желаю вам как можно больше посмотреть и успеха в вашей работе».

И вот наше путешествие подходит к концу. Тридцать дней народ Гвинеи (Бисау) принимал нас как братьев, как дорогих близких друзей. Мы прошагали более 400 километров по опаленной войной земле, разговаривали с сотнями жителей: крестьянами, агрономами, врачами, военными, политкомиссарами, членами партийных комитетов табанок, руководителями секторов, районов и межрайонов. Мы видели, как салазаровские стервятники на самолетах, предоставленных в их распоряжение командованием НАТО, бомбят мирные хижины, мы видели деревни, сожженные дотла, изуродованные напалмом тела детей.

В теплых улыбках, обращенных к нам, в дружеских рукопожатиях, в задушевных беседах у костров, разложенных в джунглях, мы еще и еще раз находили подтверждение незыблемой марксистской истины: «Интернационализм — могучая сила». Об интернационализме, о нашей дружбе, о братской помощи народу, который ведет вооруженную борьбу против империалистических захватчиков, я и хочу рассказать в этом последнем из репортажей, посвященных поездке в Гвинею (Бисау).

НОЭЛ — ВНУК ЧАПАЕВА

На небольшой полянке недалеко от интерната бойцы занимались необычным делом: устанавливали по периметру поляны невысокие столбики и натягивали между ними тонкую проволоку. А в центре лежала большая папка с тщательно завязанными тесемками. Потом папку раскрыли и из нее извлекли несколько

десятков фотографий, на которых были запечатлены стремительно мчащиеся танки, новейших типов реактивные самолеты с красными звездами на крыльях, десантники, переправляющиеся через бурный поток, минометчики и артиллеристы, ведущие огонь по врагу. А на некоторых снимках можно было увидеть бойцов Армии освобождения Гвинеи (Бисау), детей из табанок, склонившихся над учебниками, врачей и сестер госпиталя «Донка». Кроме того, в папке оказалось несколько портретов советских военачальников — Чапаева, Блюхера, Тухачевского. В глубине Северного фронта готовилась к приему посетителей первая в истории страны фотовыставка, и посвящена она была пятидесятилетию Советской Армии.

Сначала организаторы выставки колебались: стоит ли развешивать фотографии, снятые в Гвинее (Бисау), но потом все пришли к единому мнению, что раз патриоты громят колонизаторов оружием советского производства, то значит пятидесятилетие Советской Армии в какой-то степени и праздник Армии освобождения. На том и порешили, соорудив отдельный стенд с фото из Гвинеи (Бисау).

Первых посетителей выставка приняла под вечер. Жители окрестных табанок и бойцы бигрупп, расположенных поблизости, с нескрываемым интересом рассматривали каждую фотографию и оживленно комментировали снимки. Я подошел к одной из групп посетителей. В центре ее стоял знакомый боец по имени Ноэл и, показывая пальцем на портрет Василия Ивановича Чапаева, что-то на креольском языке пояснял товарищам. Те недоверчиво качали головами. Увидев меня, Ноэл воскликнул:

— Товарищ Олег, скажи, что я говорю правду! Вот этот военный в большой шапке, — и он указал на Чапаева, — правда, что он первый выдумал партизанские отряды, и все мы вроде бы внуки его?

Ноэл задал мне этот вопрос по-русски, так как, проучившись несколько лет в нашей сельскохозяйственной школе, владел русским языком. Мне не хотелось подрывать авторитет парня, и пришлось ответить в утвердительно-уклончивой форме, что, мол,

один из наших любимых народных героев Чапаев действительно был прекрасным партизаном и командиром отряда регулярной армии и что если бы он дожил до наших дней и попал бы в один из отрядов Армии освобождения, то, наверное, с гордостью называл бы всех находящихся сейчас здесь бойцов своими дорогими внуками.

* * *

На другой день, не помню зачем, одному из нас потребовалось поговорить с Ноэлем. Связной, к которому мы обратились, долго не мог понять, о каком Ноэле идет речь, и только после того, как мы сказали, что Ноэл носит соломенную остроконечную шляпу, вспомнил: «А-а, вам нужен внук Базилио. Сейчас я позову его». Мы поинтересовались у подошедшего Ноэля, почему его зовут «внук Василия».

— А как же, — ответил Ноэл, — ведь Чапаева звали Базилио. Я сказал ребятам, что мы его внуки, и сейчас меня так все и называют: «Внук Базилио».

СОЛДАТСКИЕ ДЕТИ

На освобожденной территории Гвинеи (Бисау) школ много. Интернатов тоже. Но есть одна, особая. Находится она при воинской части — бигруппе. Идут в поход солдаты, дети собирают свои рюкзаки, двое постарше захватывают школьную доску, пристраиваются в середине колонны и топают сколько нужно — пять, десять, а то и все двадцать километров. Если бигруппа направляется атаковать вражеский гарнизон, то одно отделение выполняет особое боевое задание — охраняет территорию интерната.

Это солдатские дети. Их папы были бойцами-автоматчиками, бойцами-радистами, связными, командирами групп. Они храбро сражались и отдали свои жизни за свободу и счастье страны. В интернате человек пятьдесят — мальчиков и девочек от семи до четырнадцати лет. Многие не знают о постигшем

их горе и рассказывают: «Мой папа ушел в большой поход бить тугов».

Мы находились несколько дней рядом с этим обычным интернатом, подружился и с бойцами и с ребятами. За несколько часов до нашего ухода прибегает в лагерь делегация и просит вечером присутствовать на их концерте, специально подготовленном в честь дорогих гостей.

— Сейчас, — говорят, — мы заканчиваем генеральную репетицию, а как стемнеет, при свете пионерского костра покажем самый настоящий спектакль.

Мы попросили ребят допустить нас на «генералку», чтобы снять несколько планов при дневном свете.

— Чур, с условием, — закричала часть делегации, — сейчас посмотрите только один номер, а остальное вечером, потому что у нас есть секрет!

— Не секрет, а сюрприз, — поправила другая часть делегации. — Сюрприз для вас.

На полянке горел костер. С одной стороны выстроились пятьдесят артистов — пятьдесят учеников интерната в парадной пионерской форме. С другой стороны расположились зрители: бойцы и командиры бигрупп, работники госпиталя. Болгаро-советские представители несколько нарушали порядок, мельтешась со своими кино- и фотоаппаратами.

Наконец концерт начался. Сначала спели гимн ПАИГК, потом песню о море. Затем вышли два маленьких танцора и стали исполнять «Антисалазаровский твист». Было очень здорово. Все хлопали в ладоши и кричали, как в настоящем театре, «бис». Операторам это было наруку, потому что начало танца они не успели запечатлеть на пленку. Решили во время бисирования зажечь магниевую шашку. Свет получился яркий до невозможности, и все вышло как нельзя более удачно.

Хотели во время каждого номера освещать артистов магниевыми шашками. Но вдруг прибегает часовой с ближайшего патруля в страшном волнении:

— Что это за свет, — спрашивает, — полыхал над деревьями? В португальском гарнизоне, около

которого мы патрулировали, был слышен сигнал боевой тревоги. Могут засечь ваш квадрат и начать обстрел.

Пришлось от подсветки отказаться. А тут и костер прогорел. Одни угли тлеют. Оказались мы почти в полной темноте. Ребята же не расходятся. Они еще секрет-сюрприз не исполнили. Уселись мы все на землю, а ребяташки стоят полукругом, только рубашки белеют. Потом по команде «раз два, три» запели. На русском языке и всего один куплет: «Пусть всегда будет солнце... пусть всегда буду я». Я включал свой диктофон, так у меня, верьте — нет, руки дрожали. Над нами смоляное небо, затянутое тучами, где-то рядом португальцы наводят орудия на наш квадрат, темнота непроглядная, а ребяташки поют по-русски: «Пусть всегда будет солнце... пусть всегда буду я».

НАШ БОЛГАРСКИЙ ДРУГ

Заместитель главного редактора болгарской военной газеты «Народна армия» полковник Николай Ангелов Бозев был явно не в духе. Вытянув ноги, обутые в массивные солдатские ботинки, и прислонившись к стволу баобаба, дядя Коля молча отвернул колпачок фляжки, отпил глоток воды, вытащил портсигар, закурил и в который раз принялся разбирать свою постоянно барахлившую кинокамеру «Адмиру».

— Может быть, я могу вам помочь, дядя Коля?— со свойственной ему деликатностью осведомился член нашей группы — оператор Бабаджан.

— Да нет, Алиешка, — Бозев кивнул головой, что, как известно, по-болгарски означает отрицание, — не думай, меня «Адмира» волнует. Скажи, сколько часов без привала переход длился? Шесть. А положено через каждые два часа делать маленькую передышку. Наши друзья из Армии освобождения в данном случае нарушают принципы военной теории. Вот что меня расстраивает.

Алексей Константинович хотел что-то возразить, но в это время послышалась команда: «Пошли». Бозев взял камеру, ворча, поднялся и, размахисто шагая, двинулся вперед за автоматчиками. Член политбюро ПАИГК Луис Кабрал спросил у меня:

— Наш друг Николас чем-то недоволен?

Я рассмеялся:

— Нет, он только говорит, что принято после двухчасового перехода делать небольшой привал, а мы нарушаем уставные нормы.

— Да,— вздохнул Луис,— ему, безусловно, тяжело. Все-таки пятьдесят лет человеку. А наши бойцы все моложе и к таким переходам привыкли.

Луис на этот раз ошибался. Шел всего второй день нашего пребывания в отрядах действующей армии патриотов Северного фронта Гвинеи (Бисау), и он еще не имел возможности до конца узнать волевой и мужественный характер нашего дяди Коли. Бозев, ни секунды не раздумывая, брал товарища, у которого были стерты ноги, и нес его на спине вброд через речку, он мог сделать двенадцати-часовой переход в предложенном автоматчиками темпе, он мог целый день не курить, а под вечер, когда мы изнывали без табака, доставал последнюю сигарету, припасенную для такого момента, и пускал ее по кругу.

К концу одного из переходов наш Николай куда-то исчез. Не было также восьми автоматчиков. Луис решил, что эта часть отряда движется сзади. Стемнело, когда мы подошли на базу голодные и донельзя измотанные. Первым, кого увидели, был Николай Бозев, сидевший у костра и что-то записывавший в свой блокнот.

— Камарада Николас, вы уже здесь! — обрадованно воскликнул Луис.

— Уже полчаса, как добрались сюда с головной группой автоматчиков. Мы же вышли первыми и двигались все время в темпе, — ответил Бозев и потом, повернувшись к нам, добавил по-русски: — А все же это не по уставу — шагать шесть часов без привала.

Познакомился с ним я еще в Москве, после возвращения из первой поездки в Гвинею (Бисау). Он пришел к нам в редакцию «Правды», и мы долго сидели, отбирая фотографии для выставки, которую землячество студентов из Гвинеи (Бисау) решило организовать в университете имени Патриса Лумумбы. Домингосу да Силва, в то время студенту последнего года обучения медицинского факультета, была поручена организация выставки. Домингос, высокий, застенчивый юноша с мягкой улыбкой, подробно расспрашивал о том, как прошла поездка, с кем из его друзей мне приходилось встречаться и особенно о том, как в полевых госпиталях работают медицинские сестры, окончившие годичные курсы в Киеве.

В разгар нашей поездки мне довелось опять увидеться с Домингосом. Он встретил нашу группу у входа в один из госпиталей, где лежали раненые бойцы Армии освобождения; а также женщины и дети, жертвы варварских бомбежек. В главном враче госпиталя, спокойном мужчине, облаченном в ослепительно белый халат, я не сразу признал старого знакомого. В чем-то Домингос очень изменился. И только потом я понял: улыбка. Бесследно исчезла его мягкая улыбка, и в глазах застыла глубокая печаль.

Прежде чем идти осматривать палаты, садимся на скамеечку у порога и беседуем. Домингос отвечает односложно, сдержанно:

— Да, успешно закончил учебу. Стал первым из своих соотечественников выпускником-медиком университета Лумумбы. Советское оборудование госпиталя очень хорошее, но мест в нем мало, и хорошо бы иметь еще два-три таких. Работы много, приходится делать по несколько операций в день. Счастлив, когда вижу, как жизнь возвращается к людям. Счастлив, что могу применить полученные в Москве знания. Но, — Домингос на секунду замолкает, устало прикрыв ладонью глаза, — не могу, понимаете, никак не могу привыкнуть видеть жертвы салазаровских зверств.

Медленно обходим палаты. Домингос останавливается около одной койки, на которой сидит женщина с ребенком на руках. Мальчугану годика два. Руки и ноги забинтованы.

— Один из обожженных напалмом, — говорит Домингос по-русски. — Пальцы рук и ног спеклись. Я сделал ему уже две операции. Есть надежда. Вон там еще один мальчуган. Тот на три года старше. Его табанку забросали напалмовыми бомбами. Посмотрите на выражение глаз этих ребят. Привести бы сюда тех, кто бомбил жилище мальчишек и кто составляет португальцам орудия убийства...

Отъезд из госпиталя несколько задерживается: наши операторы Юрий Егоров и Алексей Константинович Бабаджан взялись починить забарахливший рентгеновский аппарат и вот уже час возятся с какими-то кабелями. Наконец выходят из кабинета перемазанные с ног до головы тавотом, но страшно довольные, что не ударили в грязь лицом. Вижу первую за весь день улыбку на лице у Домингоса.

— Как без рук были без рентгена эти дни. Спасибо, товарищи!

* * *

Садимся в «газик», машем Домингосу рукой, выезжаем из госпиталя. Подымая клубы пыли, «газик» набирает скорость. До захода солнца осталось мало времени, а нужно сделать съемку еще одного плана: сказали, что где-то невдалеке валяется корпус от американской напалмовой бомбы.

СТАРЫЙ ЯЩИК ИЗ-ПОД МИН

Начало этого эпизода относится к 1966 году. А точнее — к 24 мая 1966 года. Возвращаясь из похода, мы встретились недалеко от границы с цепочкой носильщиков. Они двигались легко и свободно, и у каждого из них покоился на голове плоский деревянный ящик. Поравнявшись с нами, носильщики остановились передохнуть, осторожно опустив свой груз на

землю. Присмотревшись, я увидел маркировку на русском языке: «Мины... Шт. 5, калибр... Изготовил...» Носильщики доставляли боеприпасы в один из действующих отрядов армии патриотов.

Помню, когда опять тронулись в путь, я спросил Арафана Мане:

— Зачем они тащат с собой ящики? Не лучше было бы связать мину в компактный пакет и бросить ящики на складе? Груз уменьшился бы килограммов на пять.

Арафана лаконично ответил:

— Видимо, им так нужно.

Окончание этого эпизода относится к 4 апреля 1968 года. Мы снимали урок арифметики в одной из школ, расположенных в глубине джунглей межрайона Юг. Операторы крутили свои камеры, а мы щелкали фотоаппаратами, явно нарушая нормальный ход учебного процесса. В этот раз особенно много снимков сделал наш болгарский друг, полковник Николай Бозев.

— Понимаете, — улыбаясь, объяснял он нам потом, — ведь ребята занимаются по учебнику, отпечатанному в наших болгарских типографиях по просьбе ПАИГК. Я хочу сделать хороший снимок школьников с этим учебником и подарить рабочим типографии. Им будет очень приятно.

Когда урок закончился и ученики отправились по домам, мы уселись за опустевшие парты под навесом школы чуточку передохнуть. Случайно взгляд остановился на шероховатой поверхности сбитого из досок стола — и я не поверил глазам своим, увидя знакомую маркировку на русском языке: «Мины... Шт. 5, калибр... Изготовил...»

— Когда построена эта школа?

— Да примерно два года назад.

В этот момент я понял, что тогда, в мае тысяча девятьсот шестьдесят шестого, носильщики выполняли два очень ответственных боевых задания: доставляли боеприпасы в один из действующих отрядов армии патриотов и несли материал для оборудования школы, в которой должны были начать учиться их дети.

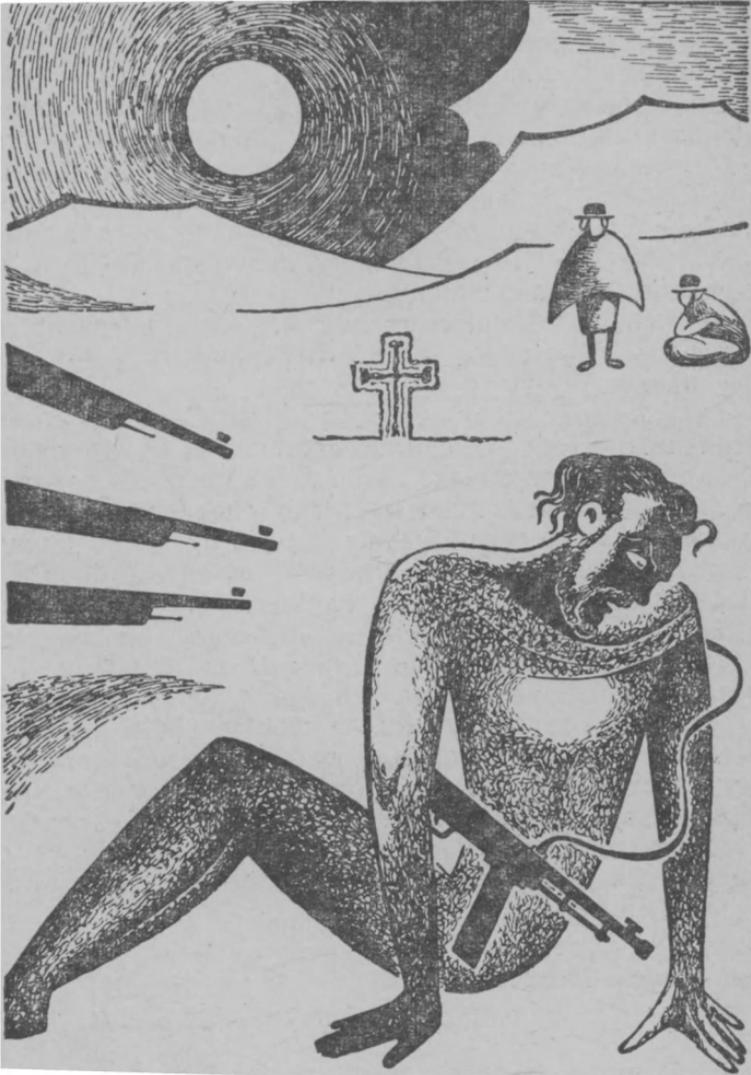
Когда мы появлялись в каком-нибудь армейском подразделении или нас знакомили с очередным отрядом народной милиции, то непременно происходила одна и та же сцена. После завершения киносъемки нас окружали хозяева и засыпали вопросами о Советском Союзе, о Болгарии. Потом вперед протискивался какой-нибудь боец побойчее и, любовно поглаживая ложу своего ППШ или ручного пулемета, хитро прищурившись, лукаво спрашивал:

— Узнаете? Вернетесь домой, если встретитесь с людьми, которые их делают, передайте от нас большое спасибо.

Уважаемый, заслуженный ППШ! Сколько сотен тысяч километров отмерили советские солдаты, крепко сжимая тебя в руках! Сколько фашистских захватчиков с твоей помощью настигло справедливое возмездие! Сколько песен было сложено о тебе на полях сражений Великой Отечественной войны! Миновали годы — и опять ты, ППШ, служишь делу свободы. В джунглях Вьетнама помогаешь борьбе против империализма, здесь, в Африке, помогаешь народам вышвыривать колонизаторов. На земле Гвинеи (Бисау) о тебе тоже слагают песни. О тебе и о народе, тебя создавшем. Пройдет время, можно надеяться, что журналистская судьба забросит меня в другие «горячие точки» нашей планеты, но навсегда в сердце и в памяти останется образ бойца Гвинеи (Бисау), борющегося за правое дело с советским автоматом за плечами.

*Гвинея (Бисау).
Март — апрель 1968 года*

ПЯТЬДЕСЯТ ИЗ НЬАНКАУАСУ

ТРАНЗИТ ПО-БОЛИВИЙСКИ

Подходил к концу срок моего пребывания в Чили. По поручению Союза журналистов СССР я занимался здесь фотовыставкой, подготовленной «Орбитой» — творческим объединением союза. Ежедневно рано утром приезжал я в пролетарский район Сантьяго — коммуну Сан-Мигель, где в центральном сквере были расставлены стенды с пятьюстами фотографий. Часам к одиннадцати вечера возвращался в отель.

Пятнадцать минут езды в переполненном автобусе с выставки до гостиницы. В центре города, несмотря на поздний час, еще светятся окошечки маленьких киосков, снизу доверху обвешанных последними номерами газет и журналов. Один из них — впритык к выходу в кафе «Гаити». Здесь тот уголок в Сантьяго, где можно почти в любое время суток выпить чашечку отлично приготовленного кофе. «Гаити» — место встреч журналистской братии. Самые свежие новости всегда услышишь в «Гаити». Тут непременно увидишь кого-нибудь из знакомых газетчиков. Обсуждают положение в социалистической партии, толкуют о намерении правительства выплачивать надбавку на дороговизну не деньгами, а бонами, спорят, будет иметь успех или нет предстоящая всеобщая забастовка. И обязательно среди калейдоскопа тем кто-то заговорит об обстановке в соседней Боливии, об убийстве Эрнесто «Че» Гевары. Хотя в то время

исполнился уже месяц со дня гибели известного аргентинского революционера, но это событие продолжало волновать латиноамериканскую общественность.

Обычно во время командировок в столь отдаленные от нас районы мира, каким является Латинская Америка, стремишься максимально эффективно использовать отпущенное тебе для поездки время и собрать побольше материалов не только о стране, куда забрасывает тебя журналистская судьба, но и о сопредельных государствах. В частности, мое внимание, естественно, занимала граничащая с Чили Боливия, которая в сентябре—октябре 1967 года была ареной бурных политических событий. Вот почему по мере того, как истекал срок пребывания в Чили, все четче вырисовывалась необходимость самому побывать на боливийской земле и посмотреть, что собой представляет сегодняшняя Боливия, власть в которой захватили «гориллы».

Между Чили и Боливией дипломатические отношения прерваны, но консульские существуют. Боливийский консул, услышав из уст советского журналиста просьбу о выдаче на десять дней визы в Ла-Пас, проявил некоторую растерянность и в конце концов сказал, что проконсультируется по данному вопросу со своим министерством.

Как и следовало ожидать, в запрошенной визе отказали, но после уплаты трех долларов на одной из страниц краснокожей советской паспортины был приклепнут штамп для транзитного проезда через боливийскую территорию.

Безусловно, консульский штампик с двумя гербовыми марками не гарантировал от каких-либо неожиданностей со стороны боливийских властей, но хотелось надеяться, что статут транзитного пассажира не привлечет внимания местной охраны. Однако естественный ход событий был нарушен сразу же после приземления самолета на аэродроме Ла-Паса.

Полторы дюжины пассажиров рейса Арика — Ла-Пас столпились в грязном, заплыванном зальчике неказистого аэродрома боливийской столицы. Паспорта отданы полиции, бирки от багажа — оборванным

мальчишкам, шныряющим тут же в надежде получить полтысячи боливиано (около четырех копеек на наши деньги) за поднесенный к такси чемодан. Через стекло виден плакат у входа на летное поле: «Вы находитесь на самом высоком аэродроме мира. От уровня моря — 4000 метров». Но и без плаката чувствуется скудость кислородного пайка. Хватаешь воздух ртом, как карась на берегу.

Внезапно из старенькой тарелки репродуктора вырываются хрипы, сипы, и кто-то дискантом выпаливает: «Оле Инатеу, Оле Инатеу! Срочно подойдите ко второй секции».

По всей вероятности, интересуются моей особой и, как всегда, безбожно перевирают имя и фамилию. У второй секции небритый сеньор, держа обеими руками список пассажиров, рыщет взглядом по помещению и тянется губами к допотопному микрофону, собираясь повторить свое требование. Протискиваюсь к барьеру.

— Моя фамилия Игнатъев. Вы меня вызывали по радио?

— Да. Где ваши вещи?

— Бирка от чемодана вон у того мальчугана.

— Где ваш паспорт?

— Там же, где и остальных пассажиров, — у представителя полиции.

Обросший сеньор разыскивает чемодан и, отдуваясь, семенит к контрольно-полицейскому пункту. Как раз в этот момент полицейский ставит в моем паспорте въездной штамп и под ним еще один, специальный, который гласит: «Не дает разрешения на вступление в зону операций партизан». Штамп отпечатался плохо, и служака для верности ставит еще один. Мой «добровольный носильщик» выхватывает из его рук советский паспорт и, повернувшись, приглашает к выходу:

— Следуйте за мной.

— В чем дело? Зачем я должен следовать за вами?

— Поедете с нашими людьми в город. Ваш паспорт фальшивый.

— Мой паспорт самый что ни на есть на сто процентов доброкачественный советский паспорт.

— Нет, ваш паспорт фальшивый!

У входа в аэровокзал стоит потрепанный «джип». В кузове два типа лет по двадцати. Третий за рулем. Чемодан брошен через борт. Мне «любезно» предлагают сесть рядом с шофером. Втискиваюсь, придерживая кофр с фотоаппаратами и сумку с диктофонами. Сбоку пристраивается еще один представитель боливийской законности в штатском. Впрочем, они все в штатском. Вздымая клубы пыли, «джип» удаляется от «самого высокого аэродрома мира» и, подсакивая на ухабах, направляется в город. Через двадцать минут подъезжаем к невзрачному зданию почти в центре Ла-Паса. Городская полиция. Поднимаемся на второй этаж и входим в маленькую комнатку. Сопровождающие выходят. Один из них остается караулить возле двери. Минут через десять на пороге появляется долговязая фигура.

— Добрый день, сеньор Инасио.

— Здравствуйте. Чем я обязан такому вниманию со стороны ваших сотрудников?

— Сначала мы хотели бы задать вам несколько вопросов. И в первую очередь, сколько дней вы уже находитесь в Боливии и каким образом проникли в нашу страну?

— В вашей стране я нахожусь уже тридцать пять минут и прилетел сюда транзитом.

— ???

— Лечу из Сантьяго через Ла-Пас, Лиму, Панаму, Амстердам в Москву.

Фигура молча ретируется. Минут через двадцать вваливаются уже знакомые аэропортовские «мальчишки». Снова садимся в «джип» и едем на другой конец города. Подъезжаем к старому зданию (потом выяснилось, что это было министерство внутренних дел) и поднимаемся на третий этаж. Вводят в маленькую комнатку. Вся мебель — два стула, два столика. На одном из них пишущая машинка. В дверях появляется новый субъект с пачкой бумаг под мышкой. Начинается заполнение анкеты. Типично северо-

американский образец четырнадцатистраничного вопросника. Самые «каверзные вопросы» начинались с восьмой страницы.

«Умеете фотографировать?»

«Печатаете на машинке?»

«Водите автомашину?»

«Умеете управлять самолетом?»

«Проходили ли курсы по подготовке партизанского движения?»

Водевиль продолжался. Полицейский чиновник страдал хронической неспособностью воспринимать какой бы то ни было юмор и записывал любую чепуху, не вникая в суть ответов. Игра в фанты была прервана на девятой странице, когда появились два очередных шпика, пожелавшие «произвести личный досмотр вещей задержанного». Вещички трясутся, выворачиваются наизнанку, прощупываются по швам.

— Где записи и бумаги?

— Нет никаких бумаг.

— Где отснятые фотопленки?

— Только чистые.

— Какие имеются магнитофонные записи?

— Ни в одной кассете записей нет.

— Ин-те-рес-но! Человек, называющий себя журналистом, пробыл почти месяц в Чили и не сделал ни одной записи в блокноте, не снял ни одного фото, не взял ни одного интервью.

— Просто, немного прослышав об обстановке в вашей стране, я, даже зная о своем статусе транзитного пассажира, предпочел заранее отправить все свои материалы из Чили авиапочтой прямо в Москву.

В это время в дверях появляется полицейский офицер. Писарь почтительно вскакивает со стула.

— Мы выяснили, — говорит вновь прибывший, — что вам действительно выдали в Сантьяго транзитную визу через Ла-Пас. Сейчас вас отвезут и поместят в гостиницу «Ла-Пас». Но до отлета самолета (послезавтра в двенадцать часов) вам запрещается вступать с кем бы то ни было в разговоры, кому-либо звонить, кого-либо принимать, куда-либо выходить из отеля без разрешения приставленного к вам сопровождаю-

шего. Сеньор Виктор Барренечеа будет все эти дни вашим «гидом». — И полицейский чин указал на невысокого роста парня лет двадцати пяти, стоявшего поодаль.

По тускло освещенным улочкам «джип», урча на подъемах и сползая с крутых спусков, двигался по направлению к отелю. В одном месте машина остановилась перед светофором: дорогу переходила колонна полицейских. В стальных касках, с вещевыми мешками за спинами, карабинеры шли по четыре в ряд. Некоторые держали в руках желто-красные жестяные баллончики — слезоточивые бомбы. Заметив мой вопросительный взгляд, «гид» пояснил:

— Приходится быть все время начеку. Положение напряженное. Партизаны...

Гостиница «Ла-Пас» внутри казалась каким-то американским муравейником. Английская речь слышалась чаще испанской. Джентльмены с уэстпойнтской выправкой прохаживались по холлу, стряхивая на ковер сигаретный пепел. На приземистых столиках валялись потрепанные экземпляры американских газет и журналов.

Потянулись томительные дни сидения в отеле «Ла-Пас». В субботу улететь не удалось: служащие американской авиационной компании «Браниф» на аэродроме, принадлежащем исключительно этой же компании, потребовали поставить в паспорт панамскую транзитную визу. При всем желании выполнить это абсурдное требование не представлялось возможным: консульства по субботам не работали. Пришлось возвращаться в Ла-Пас и ждать до четверга вылета ближайшего самолета... в Сантьяго — единственный пункт в Южной Америке, куда оказалось возможным выехать из Боливии.

...Самолет летит на юго-запад. Проступающие сквозь облака заснеженные горные вершины величественно красивы и выглядят неприступными, суровыми. Но, откровенно говоря, нет настроения любоваться панорамой Анд. Посудите сами, потеряна ровно неделя, собрать материал о положении в Боливии не удалось, поговорить с людьми не было возможности.

Кроме меня, в самолете чилийской компании «ЛАН» летит еще человек десять. Один из пассажиров — художавый, со смуглым лицом — изредка поглядывает на меня и улыбается. Чертовски знакомое лицо. Безусловно, я уже где-то однажды видел этого типа. Знакомый незнакомец встает со своего места и пересаживается в соседнее кресло.

— Разрешите? Вижу, что вы меня не узнаете. Вспомните Кубу, 1962 год, сессию Международной организации журналистов в Гаване.

— Конечно, помню, — радостно восклицаю я, — вы же...

— Хуан Муньос, — перебивает меня сосед. — Здесь я для вас Хуан Муньос, латиноамериканский журналист.

— Долго вы пробыли в Боливии?

— Почти полтора месяца. Приехал сразу же после убийства «Че». Сразу же после того, как его пристрелил этот агент янки.

— Вы уверены, что это было политическое убийство, совершенное по приказу американцев?

Муньос усмехнулся:

— Уверен на все сто процентов. Все эти полтора месяца я занимался сбором материалов истории создания, деятельности и гибели отряда боливийских партизан. Достал неопровержимые материалы. Теперь буду писать.

* * *

Вот как произошла встреча с Хуаном Муньосом. Как и я, Хуан пробыл в Сантьяго всего несколько дней, прежде чем кружным путем вернуться на родину. Мы много беседовали с Муньосом о национально-освободительных движениях на разных континентах нашей планеты, о вооруженной борьбе, которую ведут народы в разных уголках земного шара. Я рассказал ему о своей первой поездке к партизанам Гвинеи (Бисау), о мечте побывать в борющемся Вьетнаме и Лаосе. Не помню, у кого первого родилась эта идея — написать совместно книгу о вооруженной

борьбе народов, о «горячих точках» нашей планеты. Решили, что я буду писать о Гвинее (Бисау), о Вьетнаме и Лаосе, Хуан Муньос — о событиях в Боливии.

Итак, предоставляю слово моему другу и соавтору, латиноамериканскому журналисту Хуану Муньосу.

ПЯТЬДЕСЯТ ИЗ НЬАНКАУАСУ

В последней декаде февраля 1968 года из Боливии на чилийскую территорию перешли пять человек и добровольно сдались полиции. Трое из перешедших границу были кубинцы, которые сражались в составе отряда, где находился Эрнесто «Че» Гевара. Это были те самые партизаны, которые в конце ноября 1967 года вырвались из кольца боливийских правительственных войск.

Тогда, после прорыва, боливийские газеты поместили небольшое сообщение о том, что «группа партизан под руководством Гидо Передо, по прозвищу Инти, просочилась через кольцо войск и ушла от преследования правительственных солдат. Группа «Инти» состоит из пяти человек». А через несколько дней исполняющий обязанности главнокомандующего вооруженных сил Боливии генерал Хуан Торрес подтвердил: армия потеряла из виду группу «Инти» и не знает точно ее местонахождения.

Информация подобного рода была последней в 1967 году. Году, когда в Боливии была предпринята попытка начать вооруженную партизанскую борьбу против находящегося у власти правительства военного диктатора Баррьентоса и его хозяев — империалистических кругов Соединенных Штатов Америки.

Как действовали люди, задумавшие организовать партизанское движение? Подготовка началась примерно в середине 1966 года. Ее осуществляла небольшая группа боливийцев, в которую входил, в частности, Роберто Передо Лейге, по прозвищу Коко.

Позже к нему присоединился его брат — Гидо Передо Лейге, по прозвищу Инти. Прежде всего было выбрано место для базы. В конце концов остановились на районе Ньянкауасу, откуда предполагалось распространить партизанские действия на провинции Луис Кальво (13 299 квадратных километров), Эрнандо Силес (5473 квадратных километра) и Кордильера (86 245 квадратных километров). В городках этого района проживало немногим более ста тысяч, а в сельской местности — лишь несколько тысяч человек.

Территорию Боливии можно разделить на три зоны. Первая, занимающая примерно тринадцать процентов площади страны, — высокогорье, поднявшееся над уровнем моря до 4 тысяч метров. Здесь живет большая часть населения, здесь расположено большинство рудников, горнорудная промышленность. Рабочие-горняки имеют за плечами богатый опыт борьбы за свои права. Вторая зона — район холмов и долин, скотоводческий край, где находятся также основные земли сельскохозяйственных угодий, — составляет около семнадцати процентов национальной территории. И наконец, третья зона, самая обширная, — это низменность с несколькими горными хребтами, покрытая густой тропической растительностью. Хотя она занимает семьдесят процентов площади Боливии, но почти безлюдна; вероятно, тут есть немало мест, куда еще не ступала нога человека. Этот последний район и был выбран в качестве центра будущего партизанского движения. Можно годами скрываться в девственных чащах юго-востока Боливии, и никто не догадается, что там находятся партизаны.

Когда пробираешься вдоль покрытых джунглями горных цепей третьей зоны, то кажется, что ты один во всем мире и густые заросли не имеют ни конца, ни края. Дорог нет, и лишь кое-где между могучими стволами выются тропинки, то пропадая, то вновь появляясь. Они ведут одинокого путника к затерявшейся в глубине тропического леса убогой крестьянской хижине, обитатель которой сажает ма-

нию, занимается рыбной ловлей и охотой. Он оторван от городской жизни, не знает, что творится в стране и, как правило, даже не представляет, какой режим сейчас в Боливии у власти.

Однако лагерь был устроен не в самой глубине леса, а относительно недалеко от края джунглей. Тем не менее организаторы партизанского движения не могли опираться на местное население по той причине, что его практически не было в районах, избранных ими для будущих операций.

ПАРТИЗАНСКИЙ ЛАГЕРЬ В ДЖУНГЛЯХ

Как формировался партизанский отряд? Его ядро вначале состояло из братьев Передо, а также из их близких друзей и товарищей, вроде бывшего шахтерского профсоюзного деятеля Мойсеса Гевары, одного из бывших руководителей МНР (партия Национального революционного движения) Арнольдо Хустиниано, бывшего студенческого руководителя «Луиса» и еще нескольких человек. Некоторые из них занимались в Ла-Пасе приобретением бинтов, ваты, хинина, антибиотиков и других лекарств, которые в будущем могли бы пригодиться для больных и раненых партизан. Другие купали в центре нефтяной промышленности района — городке Камири — продовольствие, главным образом муку и консервы, и переправляли в Ньянкауасу. Надо сказать, что в Памире всего 20 тысяч жителей, и активная «заготовительная деятельность» будущих партизан, людей новых в городке, не могла не пройти незамеченной полицией. Те, кто не был связан с материальным обеспечением, занимались вербовочной работой. Одним из вербовщиков был Мойсес Гевара, который имел связи среди шахтеров Оруро и Кануни. Главная ставка делалась на безработных горняков, находившихся в тяжелых материальных условиях. В декабре 1966 года первые завербованные партизаны стали двигаться по направлению к Ньянкауасу.

7 ноября в Ньянкауасу прибыл и встал во главе партизанского отряда известный аргентинский рево-

люционер, один из видных деятелей кубинской революции и борьбы против диктатуры Батисты Эрнесто «Че» Гевара де ла Серна. С ним прибыли еще несколько кубинцев.

В июне 1968 года на Кубе был опубликован дневник «Че» Гевары, который он вел со дня прихода в Ньянкауасу. Последняя запись сделана 7 октября 1967 года, то есть за день до гибели. В дальнейшем я буду ссылаться на записи, сделанные Геварой. (Нумерация цитируемых страниц соответствует первому кубинскому изданию «Дневника», изданному 26 июня 1968 года.)

Мог ли Мозес Гевара быть абсолютно уверен в людях, которых привлекал в партизанский отряд? Мог ли он ручаться за их высокие моральные качества, за их верность политическим идеалам, ради которых человек согласен жертвовать жизнью? В поисках ответа на такой, казалось бы, элементарный вопрос мы сталкиваемся с поразительным фактом. Оказывается, партизанских руководителей не интересовали политические взгляды, партийная принадлежность их товарищей по оружию.

Из дневника «Че» Гевары:

«Январь, 1... мы пойдем на союз со всеми, кто хочет делать революцию...» (стр. 49).

«Январь, 26... пришло сообщение о приходе Мозеса Гевары. ...Я поставил ему мои условия: роспуск группы (болливийцев, которых завербовал Мозес Гевара. — Х. М.), никому не будет присваиваться званий, пока еще нет политической организации, необходимо избегать полемики по вопросам международных или национальных разногласий» (стр. 69).

Англо-чилийский журналист Джордж Рот, захваченный в плен партизанским патрулем, описывает разговор с одним из своих конвоиров:

«Все время, которое я находился с Луисом, я задавал ему вопросы, и тот отвечал на них... Луис сказал, что большинство партизан — бывшие члены МНР, а некоторые входили в другие партии. Хотя, добавил он, делающийся партизаном должен забыть о принадлежности к какой-либо партии или группировке».

ровке. Все здесь партизаны, и здесь не разрешаются политические дискуссии. Мы научились бороться в горах и устраивать засады. Борьба может продолжаться пять или десять лет, останется лишь пять или меньше процентов тех людей, которые сейчас с нами. Но мы победим... К нам будут присоединяться все новые и новые люди, когда они узнают, какие мы цели преследуем...

Мы пришли бороться сюда, в горы. Конечно, тяжело шагать тридцать дней подряд, имея за спиной сорок килограммов, плохо питаться и сражаться. Ведь мы пришли сюда сражаться против армии. А бой сам по себе — штука нетрудная, даже как-то развлекает. Сюда мы не всех принимаем. Человек должен показать себя каким-то образом. Он должен доказать, что может проходить через испытания и полон решимости и уверенности, так же как и все остальные, которые находятся тут».

Рассуждения Луиса звучат довольно сумбурно и изобилуют общими фразами. Правда, возможно, Рог слишком приблизительно перевел или даже намеренно исказил слова своего конвоира. С другой стороны, может статься, этот партизан не обладал способностью четко выражать мысли. Однако если проследить за действиями людей, стоявших во главе партизанского движения, то нетрудно обнаружить ту же схему, ту же концепцию, которую развивал в своем монологе Луис. А именно: в первую очередь нужно создать вооруженный отряд из людей, способных владеть оружием и переносить тяготы походной жизни. Что касается политических убеждений будущих партизан, то этому на первом этапе не придавалось решающего значения. Судя по всему, отрицание роли партии в организации партизанского движения и было той политической линией, которой придерживались в отряде, расположившемся в Ньянкауасу.

Известно, что с самых первых шагов Мозес Гевара и его друзья столкнулись с большими трудностями при вербовке людей в партизанские отряды.

Из дневника «Че» Гевары:

«Итоги за ноябрь 1966 года... Планы следующие:

увеличить число (партизан) боливийцев по крайней мере до 20 и начать действовать» (стр. 18).

«Итоги за январь... Из предусмотренного медленнее всего осуществляется включение (в ряды отряда) боливийских борцов» (стр. 74).

Положение безработных горняков было крайне тяжелым. Но большинство из них не было подготовлено к немедленному началу вооруженной борьбы, к тому, чтобы бросить дом, детей, семьи и отправиться в другой район, где их ждали партизанский лагерь, винтовка и сражения с регулярными войсками. Эти безработные горняки не созрели политически для такого шага. Никто не доказал им, что в данный момент единственный путь для них — в партизанский отряд. Большая часть населения страны принадлежала или тяготела к различным политическим партиям. Горняки, естественно, не являлись исключением. Значит, у них были какие-то свои взгляды на обстановку в Боливии. Организаторы партизанского отряда пытались вначале игнорировать столь важный фактор, как наличие боливийских политических партий. И только когда вербовка натолкнулась на очень большие трудности, было решено просить помощи у партий, находящихся в оппозиции к режиму генерала Баррьентоса.

Незадолго до того, как произошли первые столкновения между партизанами и правительственными войсками, состоялся ряд переговоров. По сообщениям, появившимся впоследствии в печати латиноамериканских стран, переговоры велись с представителямилевой национально-революционной партии (ПРИН), возглавляемой бывшим вице-президентом Боливии Хуаном Лечином Окендо, с представителями партии Националистического революционного движения (МНР), возглавляемой бывшим президентом страны Виктором Пас Эстенсоро (именно его свергнул два года назад в результате военного переворота генерал Баррьентос), с Коммунистической партией Боливии и другими политическими группировками.

Однако, по имеющимся сведениям, ни одна из партий, с которыми велись переговоры, не дала со-

гласия на участие в партизанском движении. Одни считали, что в стране еще не наступил момент для начала вооруженной борьбы, другие не были согласны с формой организации партизанского отряда и с тем, чтобы во главе партизанского движения, действовавшего на территории Боливии, стоял иностранец.

Из дневника «Че» Гевары:

«Декабрь, 31... Я буду военным руководителем (отряда) и в этом отношении отвергаю всякий компромисс» (стр. 47).

Некоторые политические группировки запретили своим членам вступать в партизанский отряд под угрозой исключения из партии. В частности, такое указание дало руководство МНР.

Но сторонники немедленного развертывания вооруженной борьбы не отказались от задуманных планов. На свой страх и риск они продолжали вербовку партизан. При таком положении было неизбежно проникновение в отряд деклассированных элементов, предателей и доносчиков. Последующие трагические события показали это со всей наглядностью. Боливийские власти и американская разведка знали о партизанах и об их планах еще до того, как они были готовы к каким-либо операциям.

Из дневника «Че» Гевары:

«Март, 19... нас встретил «Негро» — врач-перуанец, который прибыл с «Чино» (другой перуанец) и с радистом. «Негро» сообщил, что... два человека Мозеса Гевары дезертировали» (стр. 116).

«Март, 20... стражники в количестве 60 человек захватили нашего связного, по имени Салустио, из числа людей Мойсеса Гевары» (стр. 118).

«Март, 27. Взорвавшаяся новость заполнила сегодня все радиопередачи. Она сопровождалась множеством коммюнике, включая пресс-конференцию Баррьентоса. Официальные сообщения... приводят состав партизанского отряда... Без сомнения, дезертиры и пленный рассказали (властям), но точно неизвестно, сколько рассказали и как.

...Сейчас выход людей (из зоны расположения отряда) связан с большими трудностями» (стр. 128).

«Март, 28. Радиопередачи по-прежнему полны сообщений о партизанах. Мы окружены 2000 солдат в радиусе 120 километров, и кольцо сужается» (стр. 129).

«Август, 14... в вечернем выпуске последних известий по радио сообщили о том, что (боливийские власти) обнаружили наш тайник, захвачены различные документы и фотографии. Это самый сильный удар, нанесенный нам. Кто-то донес. Кто? Вот в чем вопрос» (стр. 279).

«Сентябрь, 7... Радио передало о ценной информации, сообщенной (захваченным в плен) Хосе Каррильо («Пако»)» (стр. 309).

Рассмотрим обстановку, сложившуюся в районе Ньянкауасу, и отношения между прибывшими сюда партизанами и населением.

Как уже говорилось, район Ньянкауасу был почти безлюден. Изредка в глубине девственных лесов попадались хижины земледельцев. Вокруг городка Камири жили рабочие нефтеперерабатывающего завода, а к северу находились сельские общины, в которых обитали преимущественно индейцы, не говорившие на испанском языке. Крупных землевладельцев почти не было в этом районе; крестьяне, владевшие небольшими участками земли, никогда не принимали активного участия в политической жизни.

Было бы естественным предположить, что в первую очередь партизанские вожаки уделят внимание разъяснительной работе среди местного населения и постараются заручиться его поддержкой.

Я имел длительные беседы с моим соавтором этой книги, который побывал в освобожденных районах Гвинеи (Бисау), прошел многие десятки километров вместе с партизанскими отрядами и соединениями армии патриотов этой страны; мне рассказывали о том, как руководители и активисты Африканской партии освобождения Гвинеи (Бисау) и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) прово-

дили среди населения разъяснительную работу. Она началась примерно за два года до первых операций против войск португальских колонизаторов. В селении посылались хорошо подготовленные агитаторы, которые объясняли цели и задачи ПАИГК, программу борьбы. Когда руководители партии увидели, что условия созрели для начала вооруженной борьбы, тогда они приняли решение об организации первых партизанских отрядов. В их состав вошли в основном жители селений, где до этого бывали активисты партии.

В боливийском варианте отсутствовали эти два важнейших фактора: не было партии, которая возглавила бы руководство движением, и предварительно не велась работа среди населения.

ОТРЯД ОБНАРУЖЕН

В дневнике «Че» Гевары описывается день за днем о действиях отряда в Ньянкауасу. Проанализировав их, можно составить представление о характере и объеме контактов партизан с жителями района. Практически серьезной работы не велось. За восемь месяцев 1967 года группы партизан не больше десятка раз появлялись в боливийских селениях.

Журналист Хосе Луис Алкасар из чилийской газеты «Меркурио» рассказывает о посещении боливийского местечка Ситанос, где он беседовал с крестьянами и местными властями после того, как там побывала группа партизан. «Командир группы, — пишет Алкасар, — подозвал к себе одно должностное лицо и сказал ему: «Мы знаем, что местные власти должны немедленно доносить в ближайшую воинскую часть о присутствии партизан. Безусловно, ты нас выдашь, но сделай это, когда мы уйдем» (?!).

Другой пример. Корреспондент газеты «Сигло» Эдуардо Лабарка побывал в местечке Самайпата, расположенном на дороге между Санта-Крус и Кочабамба. Владелица мотеля «Велосидад» Магда Ортис рассказала журналисту, что некоторое время назад в местечко вошла группа партизан. Жители попрятались в хижинах, а она осталась стоять у две-

ри своего заведения. Командир подошел к ней, пожал руку и похвалил за то, что она не испугалась и не спряталась. Затем партизаны купили продукты и ушли.

Лишь однажды партизаны, войдя в населенный пункт, провели беседу с населением о целях своей борьбы и о намерении добиться с оружием в руках свободы для боливийского народа.

Из дневника «Че» Гевары:

«Сентябрь, 22. ...Вечером Инти беседовал в помещении школы (1-я и 2-я ступени) с группой, состоящей из 15 испуганных и молчаливых крестьян, разъясняя цели нашей революции. Учитель был единственным, кто решился задать вопрос: сражаемся ли мы в населенных пунктах? Смесь крестьянской лисьей хитрости, учености и детского простодушия. Задал ряд вопросов о социализме» (стр. 325).

(Помните слова партизана Луиса, сказанные им журналисту Роту: «К нам будут присоединяться все новые и новые люди, когда они узнают, какие мы цели преследуем»?) Однако подобные связи с населением были явно недостаточны.

Мало того, не прилагалось никаких усилий, чтобы люди, ради лучшего будущего которых и организовывалось партизанское движение в Боливии, — боливийские крестьяне, оказывали поддержку партизанам или по крайней мере на первом этапе занимали к ним нейтральную позицию.

Из дневника «Че» Гевары:

«Февраль, 7. Превратившись в помощника Инти, пошел разговаривать с крестьянами. По-моему, комедия не была успешной из-за его застенчивости. Крестьянин являет собой стандарт: неспособный оказать нам помощь и неспособный осознать тот вред, который может причинить нам, и поэтому он нам потенциально опасен» (стр. 82—83).

«Итог за апрель... Крестьянская база остается без развития, хотя кажется, что благодаря методу запугивания (*mediante el terror planificado*) мы добились ее нейтрализации. Поддержка с их стороны придет

потом. Ни один человек еще к нам не присоединился» (стр. 171).

«Итог за май... 2. Полное отсутствие фактов присоединения крестьян к нашему движению, хотя они мало-помалу перестают нас бояться и проявляется симпатия с их стороны. Это процесс медленный и терпеливый...

...Армия начала арестовывать всех крестьян, которые сотрудничали с нами в районе Масикури; сейчас начинается этап, когда террор против крестьян осуществляется обеими сторонами» (стр. 201—202).

«Итог за июль... Продолжает чувствоваться отсутствие присоединения крестьян, хотя имеются некоторые ободряющие симптомы в приеме, который называют нам старые знакомые крестьяне» (стр. 265).

«Продолжаем (действовать) без присоединения крестьян. Вещь объяснимая, если принять во внимание, что в последнее время мы с ними имели мало дела» (стр. 298).

«Итог за сентябрь... Крестьянская масса ни в чем не помогает и превращается в доносчиков» (стр. 335).

К тому же ни в одном документе, исходившем от партизанских организаторов, мы не находим четкой программы действий, точной характеристики задач и целей задуманной ими вооруженной борьбы.

Несомненно, что руководители партизанского отряда в Ньянкауасу были полны решимости свергнуть правящую клику Баррьентоса. Они также неоднократно заявляли о намерении бороться против засилья американского империализма в Боливии. Они говорили о стремлении передать власть в руки народа. Ну, а дальше? Имелась ли программа ликвидации бедственного положения боливийских индейцев, составляющих большинство жителей страны? Вероятно, какая-то программа была у организаторов партизанского отряда, однако об этом никто в Боливии не знал. Может быть, у организаторов партизанского отряда были и другие цели, в силу которых они выбрали район Ньянкауасу в качестве базы для будущих операций.

Из дневника «Че» Гевары:

«Итог за май... Дантон и Карлос пали жертвой

своей поспешности, почти отчаяния, уйдя (из отряда), и отсутствия с моей стороны достаточной твердости, чтобы запретить им этот шаг. Таким образом обрывается связь с Кубой («Дантон») и проваливается план действий в Аргентине («Карлос»)» (стр. 172).

«Июль, 10. ...С другой стороны, показания Дебре и Пеладо неважные. В частности, они сделали признания о всеконтинентальных целях партизанского отряда, чего они не должны были делать» (стр. 241). (Режи Дебре («Дантон»), французский журналист, вместе с аргентинским художником Карлосом Бустосом («Пеладо») некоторое время находились в отряде «Че» Гевары и 20 апреля, покинув отряд, были арестованы боливийскими властями в местечке Муюпампа и посажены в тюрьму. — Х. М.).

Деталей, кроме приведенных выше, у нас нет, и поэтому при оценке выбора района для партизанских действий в Боливии мы вынуждены отталкиваться от той информации, которой располагаем в настоящее время.

Без широкой пропаганды среди населения своих планов об изменении условий жизни в Боливии было наивно рассчитывать на успех партизанской борьбы. Нужно иметь в виду, что различные виды восстаний и переворотов — явление обычное в странах Латинской Америки. Один режим сменяется другим, хунты свергают «демократические» правительства, диктаторы свергают хунты, затем буржуазные конспираторы опять свергают диктаторов... И не было переворота, когда захватывающие в стране власть люди не прикрывались бы именем народа, не заявляли, что они заботятся исключительно об интересах народа. Боливия в этом отношении не является исключением. Достаточно вспомнить, что с момента провозглашения независимости страны в 1825 году до захвата власти Баррьентосом в ноябре 1964 года в Боливии произошло 179 переворотов!

Исходя из этого общественного исторического факта, можно сделать вывод: в Боливии больше чем где бы то ни было необходима колоссальная разъяснительная работа в массах до создания вооруженных

партизанских отрядов. Тем не менее приняли искусственную, надуманную схему, которая не могла привести к положительным результатам, и всю операцию обрекли на неминуемый провал...

О присутствии «Че» Гевары в партизанском отряде американская разведка и боливийские власти узнали, вероятно, в первые месяцы 1967 года. К этому времени они уже располагали подробной информацией о планах, личном составе и месторасположении партизанских лагерей, полученной от дезертиров, от проникших в отряд доносчиков и предателей.

В интервью, данном корреспонденту агентства Франс Пресс 27 октября 1967 года, французский журналист Режи Дебре заявил, что из отряда дезертировало «15 или 17 горняков и еще четверо были изгнаны из партизанских рядов. Они принадлежали к люмпен-пролетариату». Вне всякого сомнения, Дебре преувеличивает, называя цифру в 17 человек: невозможно предположить, что число дезертиров составляло треть всех партизан. Ведь число людей в отряде на конец марта 1967 года не превышало 50 человек.

Из дневника «Че» Гевары:

«М а р т, 22. ...Мы составляли группу численностью в 47 человек...» (стр. 122).

Ну пусть даже дезертиров было, скажем, десять, то и в этом случае получается чудовищный процент, свидетельствующий о неправильных методах подбора партизан.

Местонахождение отряда было обнаружено уже в конце 1966 года, когда крестьянин Арганьярас встретил около своего участка вооруженных людей, принял их за контрабандистов наркотиками, предложил свои услуги в надежде заработать, получил отказ и вскоре сообщил властям о местонахождении подозрительных людей.

Из дневника «Че» Гевары:

«Я н в а р ь, 19. ...Полиция нагрянула в другой лагерь (недалеко от дома Арганьяраса). Лейтенант Фернандес и четверо полицейских, одетых в гражданское платье, приехали на «джипе», разыскивая фабрику по изготовлению кокаина» (стр. 62).

«Январь, 20. ...Думали немного потренироваться, но в старом лагере обстановка небезопасная, так как объявился «гринго» (американец), вооруженный М-2. Он «друг» Арганьараса и явился, чтобы провести десятидневный отпуск у него в доме» (стр. 64).

Ранчо Арганьараса стояло на дороге, по которой осуществлялась связь партизан с остальным миром. После доноса Арганьараса ранчо заняли правительственные войска, тем самым чрезвычайно затруднили связь между лагерем и городом.

Среди партизан были также платные агенты полиции. Вот свидетельство журналиста Джорджа Рота:

«...Полковник Фернандес сказал, что получена информация о нахождении в районе группы партизан. Один крестьянин пришел добровольно к полковнику и сообщил ему об этом. Военные, видимо, полностью доверяли этому крестьянину. Я заявил, что намерен пробраться к партизанам. Мне посоветовали нанять того самого человека, который информировал армию. Я нашел его, и он за 50 песо (около четырех рублей в переводе на советские деньги. — *Прим. ред.*) согласился провести меня в район партизан. С нами пошел еще один человек. Путешествие длилось несколько часов. Мы переночевали в лесу и утром следующего дня добрались до хижины, где жил старик с двумя детьми. Мой проводник, его звали Фернандо, сказал, что остальной путь проводниками мне будут служить ребята, а он возвращается обратно. Это было в трех часах перехода до местечка Муюпампа. Не успел я отойти с ребятами от дома, как был задержан партизанами... Меня привели к месту их стоянки... Около изгороди я с большим удивлением увидел моего проводника Фернандо, стоявшего вместе с другими партизанами. Того самого Фернандо, который доставил информацию о наличии в данном районе партизан. Фернандо избегал моего взгляда. Я тоже решил промолчать».

А вот еще одно свидетельство предательства, о котором рассказал чилийский журнал «Пунто финаль» в сентябре 1967 года: «Двое мужчин несколько часов шли пешком, прежде чем достигли дома своего быв-

шего хозяина Онорато Рохаса. После недолгого отдыха они отправились дальше, к Вальегранде. Достигнув Вальегранде 31 августа в 3 часа утра, они явились к полковнику Валенсия, возглавлявшему стоявшую в местечке воинскую часть. После разговора с ними полковник отдал приказ капитану Марио Варгасу и тридцати солдатам немедленно отправляться в путь. Так началась охота за одной из наиболее важных партизанских групп, закончившаяся гибелью девяти партизан... Онорато Рохас подтвердил, что в этой местности находятся десять партизан: «Минувшей ночью Хоакин и его люди прибыли сюда. Они хотели купить телку, чтобы запастись мясом, и просили меня указать брод через реку. Они совершенно не знают местности, и состояние их неважное». Онорато Рохас помог военным устроить засаду. Варгас знал, что партизаны верят Рохасу. Раньше они поддерживали с ним контакт, что было раскрыто, и Рохаса арестовали. Его выпустили на свободу, так как он обещал использовать свои связи с партизанами для передачи информации военным. Два батрака Рохаса несли военную службу в Вальегранде. Выполняя инструкции армейского командования, они проникли в партизанский отряд под видом крестьян. Предыдущим вечером они отделились от партизан и смогли доложить полковнику Валенсия о планах группы Хоакина».

Известны и другие случаи предательства, доносов и проникновения в партизанский отряд полицейских агентов. Но и приведенных фактов чересчур много для отряда, насчитывавшего всего около пятидесяти человек.

Из дневника «Че» Гевары:

«Итог за апрель... Продолжаем находиться в полной изоляции, болезни подорвали здоровье некоторых товарищей, что вынудило нас раздробить силы, и это в значительной мере лишило нас возможности проведения активных действий» (стр. 171).

«Итог за май... Его наиболее важные характеристики заключаются в следующем: 1) Полное отсутствие контактов с Манилой (Кубой), Ла-Пасом и группой Хоакина (состоявшей из 10 партизан, группы

арьергарда, ушедшей 16 апреля в четырехдневный поход. — Х. М.), в результате чего численность нашего отряда составляет сейчас 25 человек» (стр. 201).

«Итог за июнь... По-прежнему полное отсутствие контактов. Наша группа составляет сейчас 24 человека, включая раненого Помбо...» (стр. 231).

«Итог за июль... Нас осталось 22, включая раненых Пачо и Помбо и меня с астмой, развивающейся на всех парах» (стр. 264).

«Итог за август... 1. По-прежнему лишен всякой связи и контактов, без какой-либо реальной надежды установить их в ближайшее время» (стр. 297).

Две тысячи солдат в марте окружили район Ньянкауасу, самолеты бомбили напалмовыми бомбами район партизанского лагеря, который через несколько дней был захвачен правительственными войсками. Однако в последующие месяцы армия не проявляла большой активности, и действия против партизан ограничивались мелкими стычками. Судя по всему, правительство Баррьентоса и североамериканские «советники», руководившие антипартизанскими операциями, решили использовать сложившуюся ситуацию более широко — для подавления прогрессивных сил внутри Боливии.

Лишь 21 марта президент Баррьентос официально признал, что на территории страны действуют партизаны. После этого выступления основные политические партии опубликовали заявления, в которых определяли свою позицию. Газета «Хорнада» опубликовала заявление Коммунистической партии Боливии. В нем, в частности, говорилось:

«...Коммунистическая партия Боливии, которая вела постоянную борьбу против политики предательства национальных интересов, предупреждала, что эта политика повлечет за собой события, которые трудно предвидеть. Сейчас она отмечает, что начавшаяся партизанская борьба — это лишь одно из следствий такой политики, одна из форм ответа правительству.

Коммунистическая партия, таким образом, заявляет о своей солидарности с борьбой патриотов-пар-

тизан. Самое позитивное здесь, несомненно, то, что эта борьба поможет показать лучший путь, по которому должны следовать боливийцы, чтобы добиться революционной победы...

Коммунистическая партия Боливии имеет свою собственную линию, одобренную на ее II съезде, и будет продолжать эту линию и развивать ее. Она никогда не скрывала своей цели завоевания власти путем, который обусловлен конкретными историческими обстоятельствами и необходимостью, своего стремления создать народное антиимпериалистическое правительство... Нынешние события не вызовут изменения сущности этой линии и задач боливийских коммунистов...»

Партия ПРИН и МНР также солидаризировались с борьбой партизан. Через несколько дней после опубликования заявления Компартии правительство Баррьентоса объявило Коммунистическую партию Боливии вне закона, и в стране началась самая настоящая охота на коммунистов.

ЦРУ ПОМОГАЕТ БАРРЬЕНТОСУ

Боливийская военщина стала получать военные материалы и вооружение из США. Самолеты «Геркулес» доставили с американских военных баз на аэродром Санта-Крус несколько тонн военного снаряжения. Боливийские власти обратились в Вашингтон с просьбой прислать реактивные самолеты, танки и напалмовые бомбы. Корреспондент лондонской «Таймс» сообщил из Ла-Паса о приезде в боливийскую столицу из США экспертов по ведению антипартизанской борьбы.

В Боливии с 1958 года действует военная миссия Соединенных Штатов. В ее обязанности входит тренировка боливийских воинских частей для борьбы с «подрывными» движениями, координация поставок вооружения из США, консультация руководящего состава боливийской армии. В апреле 1967 года в Боливию прибыли с военной базы США в Панаме шестнадцать инструкторов, которые занялись трениров-

кой семисот боливийских солдат для операций против партизан. 25 сентября тренировки, проводившиеся под руководством майора армии США Ральфа Шелтона, закончились, и боливийские «рейнджеры» — бойцы диверсионно-десантных частей — были переброшены в район Ньянкауасу. Двумя неделями позже они приняли участие в заключительной операции против партизан, среди которых находился Эрнесто «Че» Гевара.

Вашингтонские деятели, планировавшие операцию, постарались как можно шире использовать присутствие среди партизан «Че» Гевары для разжигания антикубинской истерии, для нового нажима на правящие круги тех латиноамериканских государств, которые отказывались идти на поводу у госдепартамента США и Пентагона.

В конце сентября в доме президента Баррьентоса произошло совещание командования вооруженных сил, на котором присутствовал представитель военной миссии США. Обсуждалась заключительная операция против партизан района Ньянкауасу. Именно на этом совещании решили не оставлять в живых «Че» Гевару, если он попадет в руки боливийской армии.

8 октября группа партизан, среди которых находился Эрнесто «Че» Гевара, предприняла попытку прорвать кольцо окружения. Однако силы были слишком неравными. В пятнадцать часов 8 октября схватка закончилась. Семеро партизан было убито, шести удалось прорваться и уйти от преследователей, хотя вскоре двое из них тоже погибли. «Че» Гевару, раненного пулеметной очередью в ноги, схватили и доставили в местечко Игерас. О захваченном в плен революционере сообщили в Ла-Пас. Ночью командующий боливийскими вооруженными силами генерал Альфредо Овандо Кандиа передал по радио приказ командующему 8-й дивизией полковнику Сентено Анайя уничтожить «Че» Гевару. В тринадцать часов 9 октября один из агентов ЦРУ, находившийся там под именем Рамос, выстрелом в сердце убил Эрнесто Гевару де ла Серна. Труп отправили самолетом

на одну из военно-воздушных баз США в Панаме. Официальная версия гласила, что тело Гевары сначала похоронили, а спустя несколько часов извлекли из могилы и подвергли кремации. Так заявили представителям печати и брату Гевары, прибывшему из Аргентины, чтобы опознать погибшего. Власти сообщили также, что ими захвачен военный дневник «Че» Гевары.

Так разворачивались события 1967 года в Боливии. Действия людей, руководивших организацией партизанской борьбы, еще не раз будут подвергаться разбору. Но уже сейчас довольно ясен характер ошибок, которые они совершали. И «Коко» Передо, и Мойсес Гевара, и Эрнесто «Че» Гевара, и их ближайшие друзья были честными бойцами, храбрыми людьми, отдавшими жизнь за светлое будущее латиноамериканских народов. Из чувства глубокого уважения к их памяти все мы должны разобраться, что и как происходило в Боливии, обобщить положительный опыт и проанализировать ошибки и недостатки. Мы — революционеры и поэтому не можем заниматься только славословием. Это явилось бы пренебрежением к делу, за которое отдали жизнь «Пятьдесят из Ньанкауасу».

Боливия.

Октябрь — ноябрь 1967 года

ДВА ГОДА СПУСТЯ

С того дня, когда Хуан Муньос закончил свое повествование о событиях в Боливии, прошло почти два года. За это время некоторые действующие лица драмы, разыгравшейся в Ньянкауасу, ушли со сцены, в судьбах других произошли значительные перемены.

Гидо Передо Лейге («Инти») некоторое время после того, как вырвался из окружения правительственных войск, занимался подготовкой к новому раунду партизанской борьбы. 9 сентября 1969 года «Инти» Передо был убит в Ла-Пасе во время налета полиции на дом, расположенный в центральной части города.

Диктатор Рене Баррьентос погиб 27 апреля 1969 года в авиационной катастрофе. Вертолет, на котором находился Баррьентос, во время взлета с баскетбольной площадки зацепился за телефонные провода, затем упал в горный поток и загорелся.

Доносчик Онорато Рохас, предавший группу партизан под командованием Хоакина, дорого заплатил за свое предательство. 13 июля 1969 года Рохас был убит в Санта-Крус.

Генерал Альфредо Овандо Кандиа, главнокомандующий вооруженных сил Боливии, на рассвете 26 сентября 1969 года совершил государственный переворот и провозгласил себя президентом Боливии. Напомню, что со времени провозглашения независимости страны в 1825 году это 181-й по счету переворот в Боливии.

Олег Игнатьев

Октябрь 1969 года

1968 год.
Село Ту Фонг в провинции Хоабинь (ДРВ). Девочка Тинь сидит на обломках американского «фантома». Хитро поглядывая на меня, спрашивает: «А вы знаете, кто мой папа?» Честно признаюсь: «Нет, не знаю». — «Мой папа сбивает «фантомы». Он летает на МИГе». Тинь восемь лет. Она родилась, когда Вьетнам уже сражался за свою свободу.

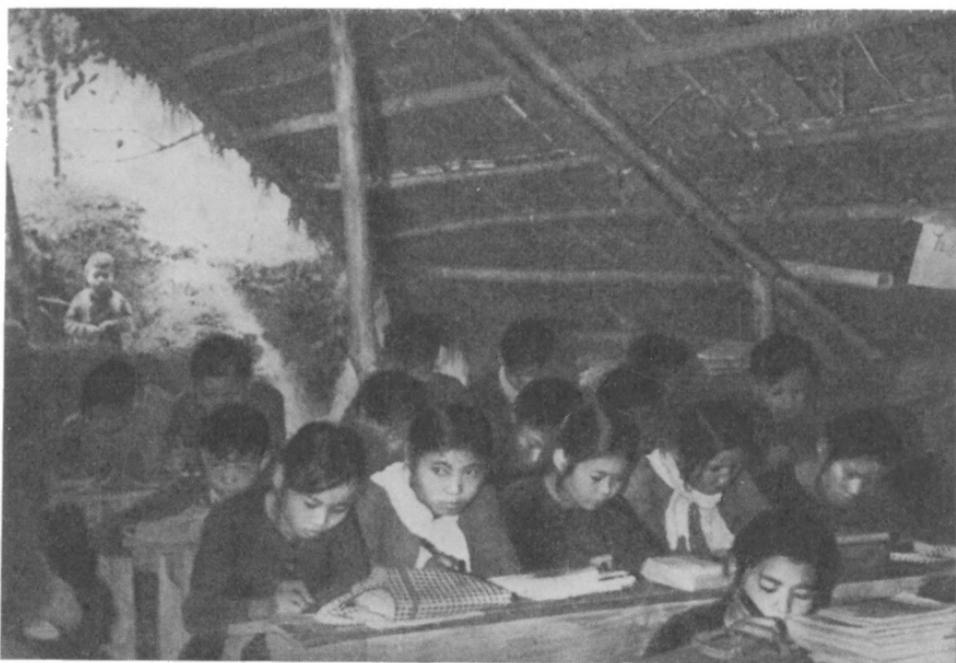

Строка из американской военной сводки: «Наши самолеты бомбили военные объекты Хайфона». Вот они, «военные» объекты... Жилые кварталы Хайфона, разрушенные во время налета 4 января 1968 года. Надпись на доске предупреждает: «Осторожно, бомба замедленного действия!»

«Военный объект в провинции Намха. Католическая церковь Фуок, разрушенная американцами.

Школьники, вынужденные заниматься в землянке. В провинции Намха, в селе Лок Хоа на этом месте стояла школа. В ночь на 15 января американцы сбросили на нее бомбу. Убиты две учительницы и их семьи.

«Бам, бам!» — далеко в воздухе разносились тревожные звуки. «Дети, женщины, старики, уходите с полей, из домов, из пагод. Летят американские самолеты!»

Со своими зенитными пулеметами ополченцы и ополченки охраняли дома и рисовые поля, школы и жилища мирных жителей.

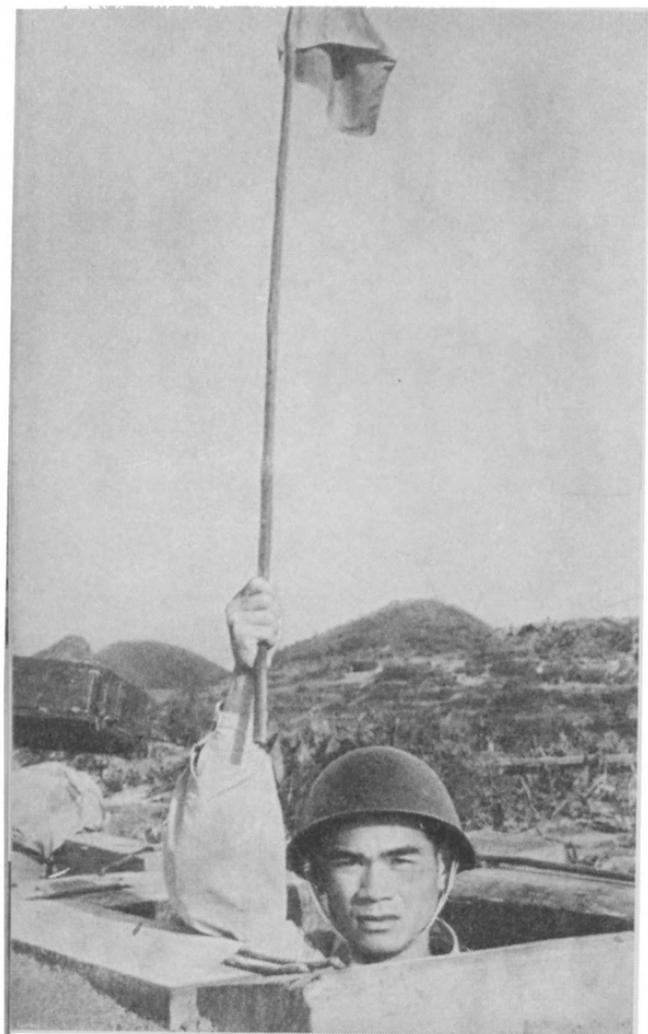

Хоанг Тхи Бикмай — командир взвода ополченек села Н. провинции Тханьхоа. О том, как они сббили американский самолет, рассказывается в очерке «Отряд четырнадцати длиннокосях».

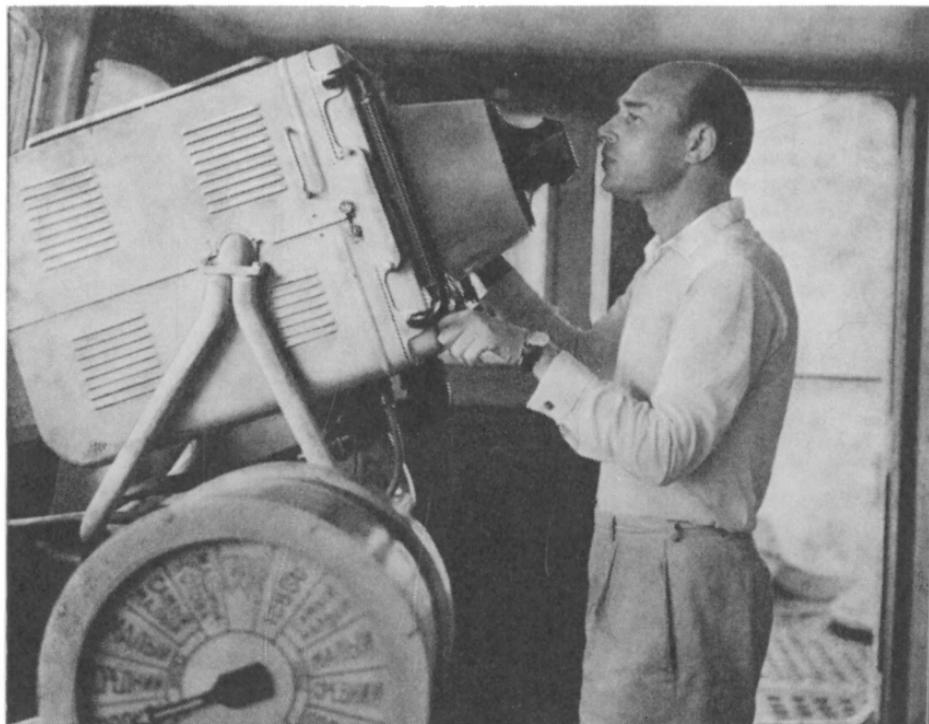
Эти три девочки — зенитчицы из того же взвода ополченек села Н.

Батарея высоты № 54 в провинции Тханьхоа. Слева — заместитель командира взвода Фам Ван Куй, в низу — расчет орудия номер два и наблюдатель Нгуен Тьен Дат.

Советские корабли подходят к причалам Хайфона. Идет и идет советская помощь братскому вьетнамскому народу...

Советские ракеты, зенитки, орудия установлены на позициях, чтобы охранять мирные города и села.

Май Кьонг летает на МИГе. О том, как он учился в Советском Союзе и как сбил пять самолетов противника, рассказано в очерке «Служу вьетнамскому народу!».

**«Здравствуйте, товарищи!
С благополучным прибы-
тием на нашу землю!»—
так приветствовала меня
на земле борющегося
Лаоса Кемпен Буфа,
председатель Федерации
лаосских женщин.**

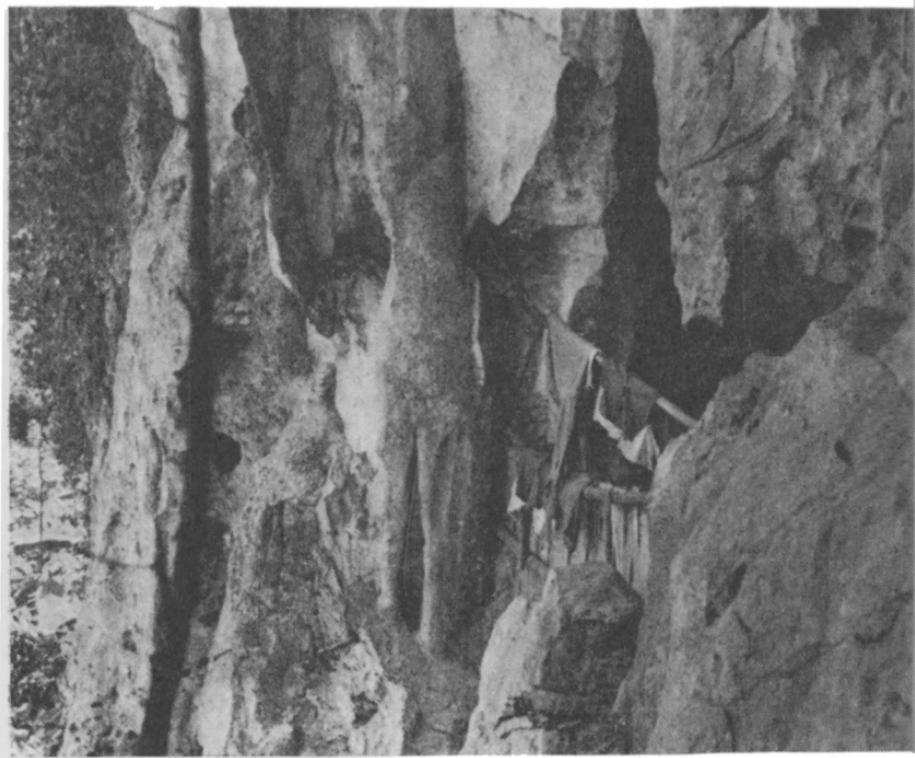

На стене пещеры укреплен лозунг на русском и лаосском языках: «Да здравствует 51-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!»

На митинге, посвященном 51-й годовщине Октября, говорили о помощи, которую оказывает Советский Союз народам мира, борющимся против империализма и неокolonизма.

Пещеры, где вынуждены жить патриоты Освобожденной территории Лаоса. В пещеру ведут ступени, вырубленные в скале, а затем деревянная лестница.

Женщины заняты совсем мирным трудом.

За три первых километра нашего пути к зенитчикам насчитали сорок две воронки от взрывов фугасных бомб. Это одна из них.

**В траве — половинка
контейнера от шарико-
вых бомб.**

**В такой контейнер поме-
щается несколько сот
шариковых бомб.**

Немало американских самолетов сбивают патриоты. Это все, что осталось от самолета, который был сбит 19 мая 1967 года.

О работе гражданского госпиталя, расположенного в большой полутемной пещере, рассказывал главный врач Као Пимпатын.

Шофер Ситат, за машиной которого охотились два американских самолета, ранен шариковой бомбой.

Учитель Тянь Мао преподавал в школе Фумет ребятам из народности лаосунг. Во время налета американских самолетов был ранен.

Зенитчики батареи охраняют родное небо.

Африка. Гвинея. (Бисау).
Шестой год народ этой
страны ведет вооружен-
ную борьбу против
португальских колони-
заторов.

Отряды патриотов освободительной армии освободили уже около двух третей национальной территории.

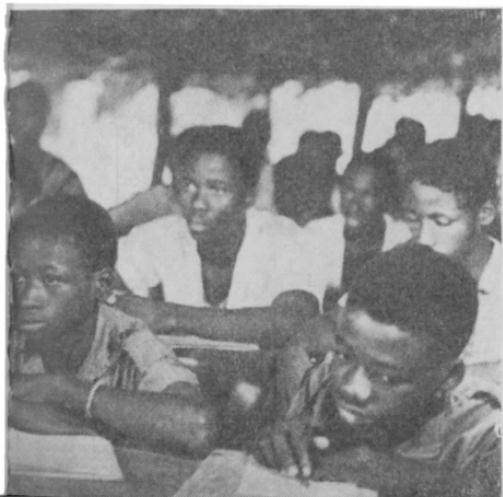
Жозе и Мурида — дети Гвинеи (Бисау). За их будущее ведется вооруженная борьба в этом уголке Африки.

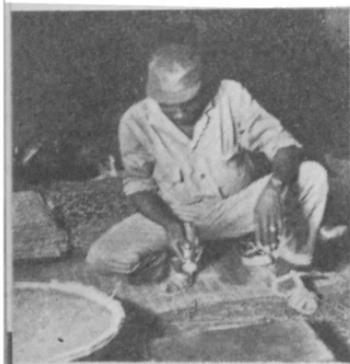

Руководит борьбой
ПАИГК. На три си-
лы опирается пар-
тия: армию, на-
родную милицию
и вооруженный на-
род. На сним-
ке: стрелковые
занятия в подраз-
делении женского
отряда народной
милиции.

Лозунг партии: «Все лучшее — де-
тям!» В Освобожденных районах со-
здано около двухсот пятидесяти
школ и интернатов. Молодой чело-
век с автоматом и портфелем —
учитель одной из школ межрайона
Юг.

Партия издает свою газету «Либертасао» («Освобождение»), в Освобожденных районах создана сеть передвижных магазинов, полевых и стационарных госпиталей. В самом низу вы видите Доминико, о котором рассказывается в очерке «Полный песен патронташ».

Возглавляет политбюро ПАИГК ее генеральный секретарь товарищ Амилкар Кабрал. Вы его видите на верхнем снимке (справа).

Кемо Мане — командир одной из бигрупп Северного фронта. С ним мы ходили на операцию по обстрелу португальского гарнизона Бинта.

Современная базука прекрасно «вписывается» в традиционную африканскую пирогу. Переправа группы бойцов через реку Фарим (Северный фронт).

За годы борьбы партизанские отряды выросли в хорошо обученную, хорошо вооруженную народную армию, готовую выполнить любое задание партии.

Заседание Военного совета Северного фронта. Крайний справа — член политбюро ПАИГК товарищ Луис Кабрал. Он принимает непосредственное участие в разработке и осуществлении важнейших операций.

Первая фотовыставка, организованная бойцами Северного фронта, была посвящена 50-летию Советской Армии. Это и понятно. Освободительная армия народа Гвинеи (Бисау) изучает опыт своих советских друзей, при помощи советского оружия патриоты бьют португальских колонизаторов.

О бородаче Марселино вы прочитаете в очерке «Автомат № 3460216».

Прошедший с нами весь путь по земле Гвинеи (Бисау) болгарский военный журналист полковник Николай Ангелов Бозев задумал снять фильм о поездке.

Все больше и больше португальских солдат понимают бессмысленность и несправедливость салазаровской политики в Африке. Многие из них дезертируют. Эти сдались в плен армии патриотов.

Близок день, когда взявший в руки оружие народ Гвинеи (Бисау) вышвырнет последнего колонизатора со своей земли. Гвинея-Бисау будет свободной.

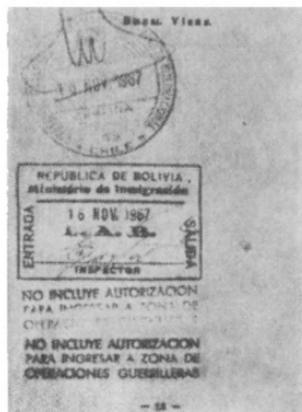

Боливия. На ее земле в 1967 году разыгралась драма — погиб партизанский отряд, руководимый латиноамериканским революционером Эрнесто «Че» Геварой.

Вверху — один из индейцев племени аймара и ярмарка недалеко от столицы Ла-Пас в высокогорной части страны.

«Запрещено вступление в зону действия партизан!» — такой штамп боливийская охранка дважды оттиснула в паспорте советского журналиста, прилетевшего в Боливию, чтобы посетить места действий отряда «Че» Гевары.

Последнее фото Гевары, снятое в боливийских джунглях незадолго до гибели.

Гевара прибыл в Боливию под видом аргентинского коммерсанта. В очках, без бороды, с бритой головой, в этом человеке было почти невозможно признать известного всему миру «Че» Гевару. На верхнем снимке — он стоит справа у автомобиля, на нижнем — сидит в центре группы с трубкой во рту. При подборе людей в партизанский отряд не соблюдались правила конспирации. В ряды партизан проникли предатели и агенты полиции, которые раскрыли боливийским властям планы отряда и то, что Гевара руководит его действиями. На снимке в центре — один из таких предателей: Винсенте Рокабадо.

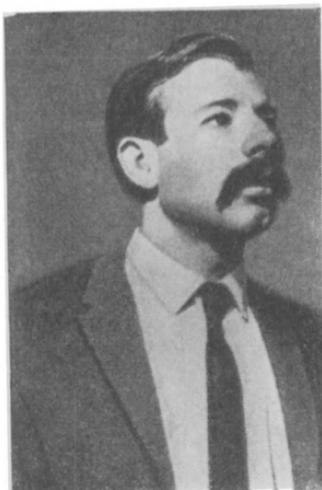

Дирижировали антипартизанскими операциями в Боливии Пентагон и ЦРУ. Непосредственно подготовкой боливийских антипартизанских частей руководил майор армии США Ральф Шелтон (на верхнем снимке справа). На нижнем снимке — Шелтон со своим помощником.

Боливийских карателей готовят на различных базах США, в том числе и на этой в форте Браг (штат Северная Каролина).

Англо-чилийский журналист Джордж (Горг) Рот сыграл довольно неблагоприятную роль в истории гибели отряда Гевары.

Такие листовки министерства внутренних дел Боливии сбрасывались с самолетов в места нахождения партизан. В них обещалась награда в 5 тысяч долларов тому, кто доставит живого или мертвого партизана Эрнесто «Че» Гевару.

RECOMPENSA

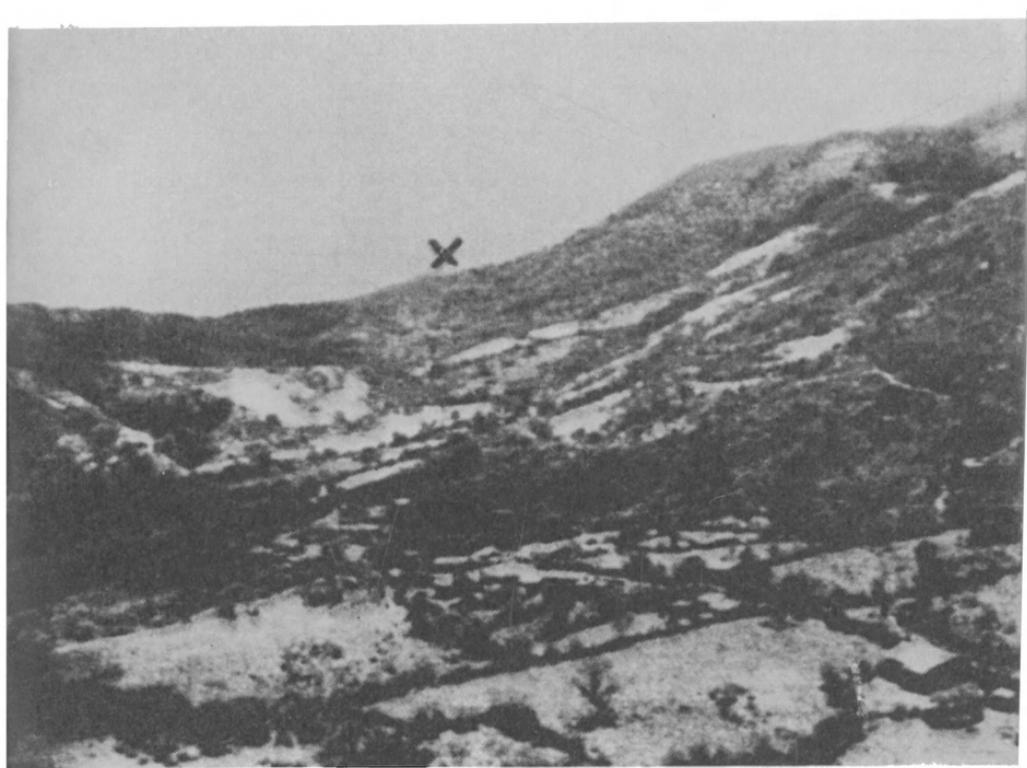
Se ofrece la suma de 50.000.-
Pesos bolivianos (Cincuenta millones de bolivianos), a quien entregue vivo o muerto, (Preferiblemente vivo), al guerrillero Ernesto "Che" Guevara, de quien se sabe con certeza de que se encuentra en territorio boliviano.

Боливийские власти знали почти все о партизанском отряде. Им помогали предатели, перебежчики, в их распоряжении находились дневники и любительские фото партизан. Например, то, что вы видите вверху. Третий слева — Эрнесто «Че» Гевара.

Результаты всех ошибок, совершенных партизанами, не заставили себя ждать. Отряд был обречен. Один за другим гибли члены партизанского отряда. На нижнем снимке — очередная жертва: врач отряда «Негро», убитый у Пальмарито.

Ла Игера — район, где боливийские войска ранили и захватили в плен Эрнесто «Че» Гевару. Место стычки отмечено крестиком.

«Че» Гевара через несколько часов после смерти. Убийца в упор расстрелял раненого Гевару.

Убил Гевару агент ЦРУ Рамос, выполнивший приказание своего начальства. На перепечатанном из боливийской газеты снимке стрелка указывает на палача «Че» Гевары.

СОДЕРЖАНИЕ

Нашим читателям	8
---------------------------	---

ПЕРСИКОВОЕ ДЕРЕВО

Переправа	7
Под небом Хайфона	11
Директор Хоан	15
Село деревянных дятлов	19
Один из ста тридцати двух	23
«Отряд четырнадцати длинноколых»	27
Персиковое дерево	31
«Служу вьетнамскому народу!»	35
Ракетный дивизион	40

БОССЫ ЦАРЬКА ВАНГ ПАО

Обычный рейс	45
И здесь отмечали наш праздник	48
Боссы царька Ванг Пао	52
Сухой прут на голой земле	55
Люди сражающегося Лаоса	61
<i>Боец</i>	61
<i>Общественная деятельница</i>	62
<i>Ученый</i>	63
<i>Просто маленький мальчик по имени Эк</i>	65

СЛУШАЙТЕ! ЗВУЧАТ БАРАБАНЫ...

Два года спустя	69
Три судьбы	74
<i>Боец Франсиска Перейра</i>	74
<i>Автомат № 3460216</i>	79
<i>Силвино да Лус с острова Сао-Франсиско</i>	84
Картинки боевых будней	94
<i>Полный песен патронташ</i>	94

<i>Команданте Иренио</i>	96
<i>Слушайте! Звучат барабаны...</i>	98
<i>Мурида-Мурмурида</i>	100
<i>Триста футбольных мячей</i>	102
<i>Солидный человек</i>	105
<i>Ветераны</i>	108
<i>Завалы на дорогах</i>	110
<i>Операция «Бинта»</i>	112
<i>Интернационалисты</i>	117
<i>Ноэл — внук Чапаева</i>	118
<i>Солдатские дети</i>	120
<i>Наш болгарский друг</i>	122
<i>Доктор Домингос</i>	124
<i>Старый ящик из-под мин</i>	125
<i>Наш советский ППШ</i>	127

ПЯТЬДЕСЯТ ИЗ НЬАНКАУАСУ

<i>Транзит по-болливийски</i>	129
<i>Пятьдесят из Ньянкауасу</i>	136
<i>Партизанский лагерь в джунглях</i>	138
<i>Отряд обнаружен</i>	144
<i>ЦРУ помогает Баррьентосу</i>	152
<i>Два года спустя</i>	155

Игнатъев Олег Константинович, Муньос Хуан

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ... М., «Молодая гвардия», 1970.
160 с. с илл. («Ровесник»)

32И

Редактор *Л. Антипина*

Художник *Гр. Оганов*

Художественный редактор *Н. Коробейников*

Технический редактор *Г. Лецинская*

Сдано в набор 20/VIII 1969 г. Подписано к печати
21/I 1970 г. А00616. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
№ 2. Печ. л. 5 (усл. 8,4) + 16 вкл. Уч.-изд. л. 9,2.
Тираж 100 000 экз. Цена 36 коп. Т. П. 1969 г.,
№ 148. Заказ 1391.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцевская, 21.

**В 1970 году в издательстве «Молодая гвардия»
выходят следующие книги:**

С. КОНДРАШОВ, Жизнь и смерть Мартина Лютера Кинга

Б. ГОЛЕМБИОВСКИЙ, Ф. ЯКУБЧАК, Биография поколения

В. БАНОВ, Мятеж возмущенного разума

Г. ЗУБКОВ, Миллион репортерских километров

Ю. ЖУКОВ, Чилийский дневник

Г. КУБЛИЦКИЙ, Вечера со скандинавами

А. КРИВОПАЛОВ, В. ПОНИЗОВСКИЙ, Спор в пути

И. ЩЕДРОВ, Партизанскими тропами Лаоса

